

Даннэла
СТИЛ

**Ни о чем
не жалею**

Даниэла Стил

Ни о чем не жалею

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=122958

Даниэла Стил. Ни о чем не жалею: Эксмо; Москва; 2010

ISBN 978-5-699-45340-5

Оригинал: DanielleSteel, "The Long Road Home"

Перевод:

Владимир А. Гришечкин

Аннотация

С самого раннего детства жизнь Габриэлы в доме богатых родителей – это смесь страха, боли и предательства, в этом мире ей негде укрыться от тоски и одиночества. Но страданиям девочки приходит конец: семья распадается, родители отдают Габи в монастырь и вскоре навсегда забывают о ней. Понемногу в израненной детской душе начинает просыпаться надежда на возможное счастье, сердце девочки постепенно оттаивает. Монастырь становится для нее вторым домом, и именно здесь к ней приходит первая любовь. Но еще очень не скоро Габриэла сможет избавиться от страшных призраков прошлого...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	18
Глава 3	30
Глава 4	37
Глава 5	50
Глава 6	64
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Даниэла Стил

Ни о чем не жалею

Посвящается Тому, благодаря которому мне удалось набраться храбрости, чтобы сказать все это.

Пусть отныне ни один ребенок не погибнет от того, что у нас не хватило любви, мужества или милосердия.

Глава 1

В коридоре громко тикали старинные напольные часы. Они прятались в высоком резном ящике красного дерева. Будь Габриэлла (не Габи, а именно Габриэлла) чуть поменьше, она тоже могла бы спрятаться в нем – за глухой дверцей, где ходил из стороны в сторону огромный, как луна, латунный маятник и чуть слышно звенели натянутые гири цепи. Но даже если бы ей удалось поместиться в часовом футляре, прятаться там все равно было рискованно – сухое, тонкое дерево, словно дека рояля, отзывалось гулким звоном на каждое прикосновение. Чулан, битком набитый зимними куртками и шершавыми пальто, царапавшими Габриэлле лицо при каждом движении, был гораздо более надежным.

Впрочем, даже здесь шуметь не стоило, но она не могла побороть страха, который потихоньку толкал ее к самой дальней стене чулана. Она запнулась о зимние сапоги матери и чуть не упала, но вовремя ухватилась за мохеровый жакет и удержалась на ногах. Габриэлла была почти уверена, что здесь ее не найдут. Почти!.. Во всяком случае, когда в прошлый раз она спряталась здесь, все более или менее обошлось. Той, что ее искала, просто не пришло в голову заглянуть в этот душный и пыльный чулан. Габриэлла очень надеялась, что и сегодня все кончится благополучно. Тем более что на улице стояла такая жара...

В Нью-Йорке был самый разгар лета, и в чулане было жарко, как в паровозной топке, но Габриэлла почти не замечала этого. Забившись в самый дальний угол, она стояла совершенно неподвижно и напряженно всматривалась в пыльную темноту перед собой, едва осмеливаясь дышать. Вот за дверью послышались приглушенные, еще далекие шаги. Сердце девочки ухнуло в пустоту – шаги приближались. Твердые каблучки-шпильки звонко процокали по паркету у самой двери чулана, но Габриэлле этот звук показался похожим на рев урагана. Она почти почувствовала на лице легкое шевеление воздуха, колеблемого там, за дверью, и... с облегчением вздохнула. Шаги удалялись.

Габриэлла тихонько вздохнула и снова затаила дыхание, словно боясь, что даже этот тихий звук может выдать матери ее убежище. Элоиза Харрисон обладала поистине сверхъестественными способностями, которые позволяли ей с легкостью отыскивать дочь в самых невероятных местах. Порой Габриэлле даже казалось, что у ее матери – нюх собаки и глаза, способные с одинаковой легкостью видеть и сквозь филленчатые двери чуланов, и сквозь каменные стены. Где бы Габриэлла ни пряталась, в конце концов мать обязательно ее находила и наказывала, однако девочка упрямо не оставляла своих попыток. Страх перед матерью был сильнее любых доводов разума.

В прошлом году Габриэлле исполнилось шесть, но она была такой маленькой, хрупкой и худой, что никто бы не дал ей этих лет. В ее облике было что-то от сказочных эльфов: тонкие черты, огромные, в пол-лица голубые глаза и мягкие светлые локоны, действительно производившие ощущение чего-то неземного, воздушного. Люди, которые видели ее впервые, обычно говорили, что девочка – чистый маленький ангелочек. И лишь немногие замечали, что в глазах Габриэллы – в этих больших голубых озерах – где-то на самом дне никогда не исчезает страх. Она выглядела словно настоящий ангел, изгнанный с небес на землю и пребывающий в тревожном неведении, чего следует ожидать от своего нового, незнакомого окружения. Впрочем, что ждет ее, Габриэлла отлично знала – за все шесть лет своей земной жизни девочке еще ни разу не пришлось столкнуться с тем, что могло бы быть приятно или хотя бы знакомо ангелу небесному. Страх и боль – постоянные спутники ее земной судьбы.

Острые и тонкие шпильки матери снова застучали почти возле самой двери чулана. На этот раз звук был гораздо более резким, сердитым, словно в паркет вгоняли стальные гвозди, и Габриэлла поняла, что мать раздражена до предела. Наверняка она уже перерыла чулан в детской, обыскала кладовку под лестницей и стеной шкафа возле кухни. Пожалуй, и

в небольшой сарай за домом заглянула. Там хранился садовый инвентарь. Возиться с землей мать Габриэллы не любила, и лишь поиски дочери могли заставить ее зайти в столь неподобающее место. Обычно за крошечным садом ухаживал садовник-японец, приходивший дважды в неделю. Он косил траву на лужайке, подстригал кусты, белил стволы двух грушевых деревьев и высаживал на единственной клумбе белоснежные нарциссы, яркие тюльпаны и мохнатые хризантемы. Благодаря его усилиям сад выглядел как игрушка, и Элоиза имела возможность с гордостью показывать его гостям.

Надо сказать, что Элоиза вообще терпеть не могла беспорядка. Она ненавидела шум, грязь, ложь, собак, но больше всего она ненавидела детей, в чем ее дочь убедилась на собственном опыте. Элоиза Харрисон была твердо убеждена, что дети лгут, шумят, пачкаются, все портят и разбрасывают одежду. Ну и как же она могла к ним относиться, учитывая все вышесказанное; так что Габриэлле строжайшим образом наказывалось тихо сидеть в комнате и ничего не трогать. Ей не разрешалось ни слушать радио, ни рисовать фломастерами, потому что от них на скатерти оставались трудновыводимые следы. Однажды Габриэлла испортила ими свой лучший наряд и получила серьезную трепку – мать отхлестала ее платьем по лицу и приказала выстирать его, хотя одежда и белье взрослых обычно отправлялись в прачечную или химчистку.

Это, впрочем, случилось еще тогда, когда ее отец был на войне в месте, которое называлось Корея. Где-то в глубине одного из стальных шкафов все еще хранилась его шинель – Габриэлла обнаружила ее, когда в очередной раз пряталась от матери. Шинель была очень колючей, но пуговицы на ней были такие красивые и блестящие, что немедленно хотелось взять их в рот. Габриэлла до сих пор жалела, что папа не может ходить в шинели в свой банк. Но и без шинели он был достаточно красив. Высокий, стройный, такой же голубоглазый, как Габриэлла, и почти такой же светловолосый, он был похож на принца из сказки о Золушке, которую ей читала бабушка, когда была еще жива.

Впрочем, мать тоже напоминала девочке сказочную королеву. Элоиза была стройной, элегантной и очень красивой женщиной. Беда была в том, что она постоянно злилась на дочь, а вывести Элоизу из себя способны были любые пустяки. Ей не нравилось даже, как Габриэлла ест. А если дочери случалось просыпать на стол несколько крошек или, не дай бог, опрокинуть стакан, Элоиза взрывалась как тонна динамита. Да и вообще она привычно реагировала на каждое слово или действие дочери так, словно вся жизнь Габриэллы состояла из непоправимых поступков. Бездна надеждности царил в их отношениях: маленькая Габриэлла никогда не могла угодить, взрослая Элоиза никогда не могла быть довольна.

Габриэлла помнила требования матери все до единого и прилагала отчаянные усилия, чтобы не совершить ошибку, но это было невозможно. Даже если ей удавалось не повторить старых промахов, она непременно совершала новые. На самом деле Габриэлла росла послушной и доброй девочкой; она вовсе не хотела огорчать маму, это получалось у нее как будто само собой. Словно назло матери, Габриэлла то сажала на подол крошечное чернильное пятнышко, то роняла за завтраком вилку, то забывала в школе осеннюю шапочку из клетчатой шотландки. Как ни старалась девочка объяснить, что она не нарочно, что этого никогда-никогда больше не повторится, это не помогало, и все завершалось как обычно. Элоиза не ведала ни жалости, ни сомнений. Кроме того, обе они хорошо знали, что очень скоро Габриэлла совершит новый непростительный промах, который потребует незамедлительного наказания. И, даже умоляя мать о прощении, девочка заранее была уверена, что она – плохая и непослушная и что ее гадкие руки обязательно выкинут что-то такое, отчего мамочка опять разозлится.

Стук высоких каблуков раздался у самой двери чулана, и девочка вздрогнула. Все поиски были почти закончены, непроверенным оставался только этот чулан. Пройдет еще несколько секунд, и мать обнаружит ее, вытащит на свет божий и... В панике Габриэлла

подумала: а что, если прямо сейчас выйти (иногда Элоиза говорила дочери, что если бы та не пряталась, то и наказание было бы мягче)? Но нет – и это не принесет ей пользы. К тому же девочка начинала понемногу догадываться – от того, прячется она или нет, на самом деле мало что зависит. Ведь несколько раз она пыталась признаться матери в том или ином проступке, не дожидаясь, пока та сама заметит сломанный карандаш или сбившийся носочек. Но, увы, Элоиза заявляла, что Габриэлла слишком долго раздумывала, повторяя, впрочем, что все, конечно, было бы по-другому, обратиться она к ней пораньше.

И вообще, добавляла Элоиза, доставая из гардероба узкий кожаный ремешок гадкого желтого цвета, все было бы, разумеется, по-другому, если бы Габриэлла вела себя как следует и слушала, что ей говорят. Никто и не подумал бы наказывать ее, если бы она содержала в чистоте свою комнату, если бы не причмокивала во время еды и не гоняла по тарелке жаренные бобы, которые так легко перепрыгивают через край и оставляют на скатерти жирные пятна.

Как мечтала Габриэлла научиться вести себя как следует! Как было бы хорошо уметь сдерживаться и открывать рот только тогда, когда к ней обращаются! И еще не царапать башмаки во время короткой прогулки по их крошечному саду! И еще... Да что там говорить: список проступков и промахов Габриэллы был поистине бесконечен. Ей никак не удавалось научиться вести себя так, чтобы гадкий желтый ремешок, с противным свистом опускавшийся на ее крошечный задик, на спину, на плечи, на голову, остался без работы (впрочем, все чаще и чаще, придя в ярость, Элоиза лупила ее чем попало, не давая себе даже труда дойти до гардероба). С каждым днем Габриэлла все больше утверждалась в мысли, что она – непослушный, отвратительный, гадкий ребенок, который только и делает, что расстраивает родителей. Девочка искренне верила: отец и мать просто не могут любить ее, пока она поступает подобным образом. Она – их разочарование, их позор, и это причиняло ей ни с чем не сравнимые страдания. Она готова была сделать все, что угодно, чтобы изменить это. О, как она хотела добиться одобрения родителей, завоевать их любовь, но все – тщетно. Во всяком случае, мать ни на минуту не позволяла дочери забыть о том, что она – скверная, непослушная, гадкая девчонка.

На этот раз перед дверью чулана звук шагов замер. На мгновение воцарилась мертвая тишина, потом дверь с резким скрипом распахнулась, и в глубину чулана, где скорчилась Габриэлла, проник тонкий, прямой лучик с пляшущими в нем пылинками. Чулан сразу наполнился тяжелым запахом духов Элоизы, потом пальто и куртки с шуршанием раздвинулись, и уже настоящий поток солнечного света хлынул внутрь.

В первое мгновение Габриэлла зажмурилась, но тотчас же снова открыла глаза и встретилась взглядом с матерью.

Никто из них не издал ни звука, не произнес ни слова, не сделал ни одного движения. Элоиза была в бешенстве, и Габриэлла мгновенно поняла, что плакать или оправдываться бесполезно, и все же ее огромные голубые глаза невольно наполнились слезами.

Гнев в глазах Элоизы разгорался все ярче. Она схватила дочь за локоть и с такой силой рванула на себя, что ноги девочки чуть не оторвались от земли. В следующую секунду Габриэлла уже стояла возле матери и, зажмурившись, ожидала неминуемого наказания.

Первая же затрещина оказалась такой сильной, что Габриэлла упала. Казалось, весь воздух разом вырвался из ее легких; она не могла ни вскрикнуть, ни заплакать. Мать, схватив ее за шиворот, рывком поставила на ноги. Яростно встряхнув Габриэллу, она отвесила дочери такую крепкую пощечину, что в ушах у нее зазвенело, а перед глазами вспыхнуло и погасло красно-оранжевое зарево.

– Ты снова прячешься, негодяйка! – взвизгнула Элоиза. Она была высокой, сухощавой женщиной с правильными, аристократически-тонкими чертами лица, обычно отличавши-

мися одухотворенной, почти божественной красотой. Обычно, но не сейчас. Сейчас Элоизой владело безумие. Она казалась почти безобразной.

– Отвечай! – рявкнула она, наотмашь ударяя дочь по другой щеке.

На руке Элоизы было два перстня с крупными голубыми сапфирами, подобранными в тон ее дорогому шелковому платью темно-синего цвета. Драгоценности до крови рассадили щеку Габриэллы, но мать этого даже не заметила, как никогда не замечала ни разбитых губ, ни синяков и ссадин, остававшихся после очередного наказания. Вот и теперь, вместо того чтобы остановиться, она изо всей силы ударила Габриэллу по уху и, тряся за плечи, заорала прямо в перекошенное страхом маленькое личико:

– Почему ты вечно прячешься, мерзавка? Почему с тобой столько проблем? Что ты натворила на этот раз?! Ведь ты опять что-то натворила, да? Иначе зачем бы тебе прятаться?!

– Я ничего не делала, мама... Ничего такого... – голос Габриэллы был чуть слышным. Удары, которые только что на нее обрушились, напугали ее чуть не до потери сознания и заставили ее маленькое сердце замереть, словно из него вдруг ушла вся жизнь.

Габриэлла подняла на мать умоляющие, полные слез глаза:

– Прости меня, мамочка. Я никогда больше не буду. Мне очень стыдно, что я...

– Тебе? Стыдно?! Да тебе никогда не бывает стыдно. Ты просто сводишь меня с ума, мерзкая девчонка! Откуда у тебя эта идиотская привычка прятаться по углам? Или ты надеешься, что я тебя не найду? – Элоиза закатила глаза. – Боже мой, если бы кто-нибудь знал, что нам с твоим отцом приходится терпеть! Это же не ребенок, а какое-то наказание!

С этими словами она так сильно толкнула Габриэллу, что девочка заскользила по наводшенному паркету и упала... увы, недостаточно далеко, чтобы туфля из голубой замши – изящная, модная лодочка на высоком каблуке и с острым мыском – не сумела до нее дотянуться. Удар пришелся прямо в верхнюю часть худенького бедра девочки, которое тотчас же пронзила острая боль.

Габриэлла закусил губу, чтобы не вскрикнуть. Самые страшные удары ее мать всегда наносила по закрытым частям тела, чтобы никто из посторонних не заметил багрово-черных кровоподтеков. Синяки на лице Габриэллы исчезали обычно довольно быстро – можно было подумать, Элоиза отлично знала, куда и как бить, чтобы не оставлять следов, и, несмотря на всю свою кажущуюся ярость, умело рассчитывала силу удара. Впрочем, вероятно, все дело было в богатой практике. Единственный метод воспитания дочери, признаваемый Элоизой, – это беспрестанное битье за любую провинность с самого раннего возраста. Габриэлла, во всяком случае, не помнила того времени, когда бы ей не угрожали порка или оплеуха.

Она лежала на полу и молчала, хорошо зная, что, если попытается что-то сказать или подняться, все начнется сначала. Лучше тихо лежать и не привлекать к себе внимания. Может быть, обойдется. Она морщилась от боли, но изо всех сил старалась не плакать. От одного вида ее слез Элоиза могла снова прийти в неистовство. Глядя в пол на тонкую щелку между паркетинами, Габриэлла мечтала: ах, если бы она могла стать маленькой, как муравей, чтобы проскользнуть в эту щель и укрыться от гнева матери!..

– Ну-ка вставай! Хватит валяться! – За этим резким окликом последовал сильный рывок, и Габриэлла в одно мгновение оказалась на ногах. Уклониться она не посмела, и от нового удара в голове загудело как в трубе парового отопления. – Ты мерзкая девчонка, Габриэлла! – отчеканила Элоиза. – Мало того, что ты отвратительно себя ведешь, ты опять вся перемазалась. Взгляни на себя, на что ты похожа!..

При виде этой милой заплаканной мордашки, пусть она и была слегка замурзнана, сердце сжалось бы от жалости. Но только не у ее матери... Элоиза Харрисон целиком принадлежала холодному и злему миру собственного детства. Когда-то родители попросту бросили ее, отправив в Миннесоту к двоюродной тетке по матери. Старая дева жила затворницей, не желая ни видеть, ни знать своих ближайших соседей. Она почти не разговаривала с

маленькой Элоизой, считая, что для развития девочки куда важнее собирать побольше хвоста для растопки или сгребать снег с дорожек у дома, когда зима выдавалась холодной.

Детство Элоизы пришлось на годы Великой депрессии; ее родители потеряли почти все свои деньги и уехали в Европу. Там можно было как-то прожить на те крохи, что у них еще оставались. Всю свою любовь мать и отец отдали старшему брату Элоизы Филиппу, умершему от дифтерии; а дочь оказалась совершенно им не нужной. Они решительно выбросили ее из своей жизни и забыли об этом.

Элоиза жила в Миннесоте до тех пор, пока ей не исполнилось восемнадцать. Потом переехала в Нью-Йорк к троюродной сестре и там встретила Джона Харрисона, который когда-то был приятелем Филиппа. Его родителям повезло – их состояние почти не пострадало во время депрессии, и через полтора года ухаживаний Элоиза вышла за него замуж. Ей было двадцать два года.

Учитывая обстоятельства, партия была неплохая. Джон родился в богатой семье с традициями, получил блестящее образование. Правда, как выяснилось, ему не хватало честолюбия и силы характера. Благодаря связям отца Джон получил неплохую должность в банке, однако карабкаться выше не спешил. Когда он встретил подростковую сестру своего друга, то был просто ослеплен ее красотой. Любовь, вспыхнувшая в его груди с небывалой силой, заставила Джона встряхнуться; во всяком случае, взаимности Элоизы он добивался с настойчивостью и энергией, каких не проявлял ни до, ни после того.

Юная Элоиза была настоящей красавицей, хотя уже в те времена характер ее был не сахар. Но даже недостатки ее сводили Джона с ума. Он умолял, унижался, валялся у нее в ногах, осыпал знаками внимания, но чем сильнее он старался, тем холоднее и отчужденнее становилась дама его сердца. Джону потребовалось почти два года, чтобы убедить Элоизу стать его женой. Когда же она наконец согласилась – не то от скуки, не то ей просто надоела его настойчивость, Джон готов был прыгать до потолка. Он купил Элоизе чудесный городской дом с садом и начал водить ее на приемы, где собирался весь высший свет Нью-Йорка. Он так гордился своей красавицей-женой, что с его лица не сходила идиотски-счастливая улыбка, которая очень скоро стала раздражать Элоизу.

Джон очень хотел детей, однако это совершенно не входило в планы Элоизы. Каждый раз, когда он заводил речь о сыне или о дочке, она отвечала, что еще не готова. Нужно же ей в конце концов время, чтобы освоиться со своей новой ролью жены и хозяйки дома! Но это была только половина правды. На самом деле Элоиза просто не хотела иметь детей, поскольку воспоминания о собственном безрадостном детстве были слишком свежи в ее памяти. Кроме того, в ее голову было навсегда заложено: любой ребенок – это обуза, тяжкий крест и вообще несчастье всей жизни. Джону понадобилось еще два года, чтобы уговорить жену. Для него это значило так много, что Элоиза в конце концов махнула рукой и уступила.

О, как она пожалела о своем решении! Как она проклинала Джона за его тупое упрямство, а себя – за легкомыслие! Со второго по восьмой месяц Элоизу беспрестанно рвало. Роды обернулись сплошным кошмаром, который – она знала – она будет помнить всю жизнь и никогда не решится повторить. Она была совершенно уверена, что ребенок, какой бы он там ни оказался, – не стоит ни дня из девяти месяцев непрерывных страданий, ни одной секунды из двенадцати часов непрерывной, разламывающей боли, которую она испытывала во время родов.

Ее сразу стало безмерно раздражать то внимание, которое Джон уделял дочери. Раньше муж принадлежал Элоизе безраздельно; теперь же, казалось, он только и думает о том, тепло ли маленькой Габриэлле, сыта ли она, сменили ли ей пеленки, и о прочих глупостях. Когда Джон впервые спросил Элоизу, заметила ли она, какой очаровательной становится их дочь, когда улыбается, она чуть не завизжала от злобы. Этот мерзкий несмышлениш забирал у нее то единственное, что как-то примиряло ее с замужеством, – безграничное восхищение

Джона. Да и вообще с рождением Габриэллы Джон на глазах превращался в слюнвявого, сентиментального болвана. И чем больше росли его обожание и восторг, тем сильнее Элоиза ненавидела дочь. Каждый раз, когда Джон заводил речь о том, как Габриэлла похожа на нее, ей хотелось затопать ногами, треснуть его чем-нибудь тяжелым, задушить своими руками это отродье. В общем, любыми способами вернуть то почти золотое время, когда не было, не было, не было этой ужасной помехи в ее жизни.

Едва оправившись от родов, Элоиза поспешила вернуться к своим излюбленным занятиям, пытаясь сделать вид, что ничего не изменилось. Она разъезжала по магазинам, посещала чаепития и ужинала с друзьями. Дочь ее абсолютно не интересовала. Напротив, по вечерам Элоизе все чаще хотелось уйти из дома, чтобы не слышать изматывающего душу писка Габриэллы и идиотского сюсюканья Джона. Дамам, с которыми она каждую среду играла в бридж, Элоиза откровенно признавалась, что возиться с ребенком ей и скучно, и противно.

Подобная откровенность не только не шокировала ее партнерш, но даже казалась им забавной. Элоизу они считали большой оригиналкой – им и в голову не могло прийти, что она действительно ненавидит дочь. Но Элоиза говорила совершенно серьезно. С самого начала она не только не испытывала к Габриэлле никаких материнских чувств, но и считала ее непрошеным гостем, агрессором, который вторгся в ее жизнь и угрожал ее безмятежному и беззаботному существованию.

Джон видел все это, однако ему казалось, что со временем Элоиза сумеет полюбить дочь. Некоторые люди, утешал он себя, просто не умеют общаться с младенцами, побаиваются их, и оттого им кажется, будто они не любят детей. Однако он был уверен, что рано или поздно положение непременно изменится. Стоит только Габриэлле немного подрасти, и Элоиза осознает, что за прелестное создание живет теперь в их доме.

Однако этот день так никогда и не настал. Когда Габриэлла начала сначала ползать, а потом и ходить по всему дому, хватая всякие понравившиеся ей вещи и сбрасывая с кофейного столика вазочки и пепельницы, она едва не свела свою мать с ума.

– Боже мой! – восклицала Элоиза, хватаясь за голову. – Ты только погляди, что опять натворил этот проклятый ребенок! Просто прирожденный бандит – все портит, все ломает. Кругом грязь. Я не могу так жить!

– Но она же еще совсем крохотная, Эл! – пытался возражать Джон, подхватывая Габриэлла на руки. Он дул ей в лицо или щекотал животик двумя пальцами, отчего девочка заливалась звонким смехом.

– Прекрати сейчас же этот шум, – немедленно повышала голос Элоиза, с отвращением глядя на мужа. В отличие от Джона, она брезговала даже прикасаться к дочери, не говоря уже о том, чтобы купать или, не дай бог, менять пеленки. Няня, взятая специально для того, чтобы ухаживать за Габриэлкой, быстро поняла это и поделилась своими наблюдениями с Джоном. «Ваша жена ревнует вас к девочке», – сказала она, но он ей просто не поверил. Это заявление показалось ему нелепым и смешным, однако со временем он начал склоняться к мысли, что нянька была в чем-то права. Каждый раз, когда он брал дочь на руки или разговаривал с ней, Элоиза начинала раздражаться и сердиться без всякой видимой причины.

Когда Габриэлле исполнилось два года, Элоиза начала бить ее по рукам каждый раз, когда девочка тянулась к какой-нибудь безделушке. Кроме того, она перестала пускать дочь в спальню и гостиную; место ребенка – в детской и только в детской.

– Не можем же мы все время держать ее под замком, – сказал однажды Джон, когда, вернувшись с работы, в очередной раз обнаружил, что Габриэлла заперта в детской.

– Можем и должны! Иначе она все здесь перепортит и переломает, – твердо заявила Элоиза и сердито нахмурилась. Опасаясь ее гнева, Джон только покачал головой. Он еще надеялся, что все изменится.

В другой раз он довольно неосторожно заметил, какие у Габриэллы чудесные льняные локоны. Лицо Элоизы потемнело от гнева, но она ничего не сказала. Зато на следующий день Габриэллу впервые в жизни постригли. Элоиза сама отвезла дочь в парикмахерскую Беста, где Габриэлла лишилась своего украшения. Когда же Джон выразил свое удивление по поводу ее короткой, как у мальчика, стрижки, Элоиза заявила, что это полезно для здоровья девочки.

На новую ступень соперничество между Габриэллой и Элоизой вышло тогда, когда девочка перестала лепетать и начала говорить осмысленными фразами. Особенно Элоизу бесило, как Габриэлла с визгом несется по коридору встречать вернувшегося с работы папу. Если в этот момент ей на дороге попадалась мать, Габриэлла, словно почувствовав опасность, огибала ее по широкой дуге, однако это редко спасало ее от окрика. Если Джон играл с девочкой или читал ей вслух книжки, Элоизе стоило огромных трудов сдержаться и не придушить маленькую мерзавку. Ее нельзя баловать – таково было мнение Элоизы, которое она не раз высказывала мужу. Когда он, в свою очередь, упрекнул ее в том, что она почти не уделяет Габриэлле внимания, Элоиза только фыркнула. С этого дня в отношениях между ней и Джоном появилась первая трещина, которая быстро росла и вскоре превратилась в широкую и глубокую пропасть. Элоиза буквально выходила из себя, когда он принимался пускать слюни по поводу того, какая у них миленькая дочка. Она считала, что это не по-мужски и что отец, так носящийся с дочерью, не может вызывать ничего, кроме отвращения.

Первую серьезную трепку Габриэлла получила в три года, когда за завтраком случайно уронила на пол тарелку. Элоиза сидела рядом с ней, нервно прихлебывая утренний кофе. И не успела злосчастная тарелка долететь до пола и разбиться, как Элоиза с размаху ударила дочь по лицу.

– Не смей никогда больше так делать, ясно?! – взвизгнула она.

Габриэлла была так потрясена, что даже не заплакала. Она только сидела и смотрела на мать широко раскрытыми голубыми глазами. Девочка была в шоке.

– Тебе ясно? Отвечай! – заорала Элоиза, у которой лицо пошло красными пятнами.

– Прости меня, пожалуйста, мамочка... – в конце концов прошептала девочка.

Джон, только что вошедший в столовую, был так потрясен безобразной сценой, что даже не попытался вмешаться. Вместо этого он застыл на пороге, словно соляной столп. Джон еще никогда не видел Элоизу в таком гневе и подумал, что если он попытается защитить девочку, то только сделает хуже. Гнев, ревность, разочарование, скопившиеся в Элоизе за три года, вырвались наружу, и она бушевала, как вулкан.

– Если ты еще раз позволишь себе что-то подобное, Габриэлла, я тебя выдеру! – с угрозой прошипела Элоиза и, схватив девочку за плечи, тряхнула с такой силой, что у Габриэллы лязгнули зубы. – Ты – мерзкая, непослушная девчонка, а непослушных детей никто не любит. Даже их папа и мама!

Габриэлла судорожно сглотнула и, с трудом оторвав взгляд от перекошенного лица матери, перевела взгляд на отца, который все так же стоял в дверях. Но Джон молчал. Он боялся что-то сказать или сделать, чтобы не разозлить Элоизу еще больше.

Элоиза тоже увидела Джона. Не говоря ни слова, она выволокла дочь из-за стола и отвела в детскую.

– Без завтрака, – вынесла она окончательный приговор и ушла, на прощание наградив плачущую девочку увесистым шлепком по заду.

– Не слишком ли сильно ты ее наказываешь? – тихо спросил Джон, когда Элоиза вернулась в столовую, чтобы закончить завтрак. – Ведь ей только недавно исполнилось три.

У Элоизы, наливавшей себе вторую чашку кофе, сильно тряслись руки, и Джон решил, что она раскаивается, но он ошибся. Просто припадок ярости еще не прошел.

– Если ее не наказывать, – отрезала она, – из нее вырастет малолетняя преступница. Детям нужна дисциплина.

– Но, может, не такая жесткая... – неуверенно начал Джон и замолчал. Его собственные родители были мягкосердечны. Внезапное бешенство Элоизы не на шутку испугало его. Вместе с тем, с тех пор как родилась Габриэлла, Элоиза сильно переменялась. Она постоянно нервничала, раздражалась, сердилась по пустякам. И хотя со своей мечтой о большой, счастливой семье Джон уже давно расстался, Элоизу ему терять не хотелось.

– Не такой уж это ужасный проступок, – проговорил он как можно спокойнее. – В конце концов, она сделала это не нарочно.

– Не нарочно?! – взвилась Элоиза. – Да она просто швырнула тарелку на пол! Я видела это своими собственными глазами. Ей всего три года, а она уже становится неуправляемой. Все начинается с капризов, Джон.

– Но что, если это не каприз? Может быть, она заболевает... – сказал Джон и осекся. Все его попытки как-то защитить Габриэлла только ухудшали дело. Лицо Элоизы снова покраснело и сделалось злым.

– Воспитывать Габриэлла – моя задача, – процедила она сквозь стиснутые зубы. – Девочка совсем отбилась от рук, надо ее приструнить. И, будь добр, не вмешивайся. Я же не лезу в твои дела!

С этими словами Элоиза пулей вылетела из столовой, так и не допив свой кофе.

С этого дня Элоиза действительно с пугающим рвением взялась за Габриэлла. Не проходило и дня, чтобы девочка не совершила какого-нибудь проступка, который вознаграждался немедленной пощечиной, оплеухой, шлепком. Именно в этот период из пыльных глубин старого гардероба появился узкий желтый ремешок из толстой свиной кожи, который Элоиза все чаще и чаще пускала в дело. Запаханное платье, зеленые травяные пятна на коленях, царапина на руке, оставленная соседским котенком, пятнышко пыли на башмаках – все эти кошмарные преступления вызывали в Элоизе бешеную злобу, которую она без стеснения срывала на дочери. Когда же незадолго до своего четвертого дня рождения Габриэлла случайно порезала палец осколком бутылки (он казался таким красивеньким, когда лежал и переливался на солнце) и закапала кровью новую блузку, ярости Элоизы не было пределов. Ремешок трудился над крошечной попкой девочки не меньше получаса, так что еще три дня она не могла нормально сидеть. А это, в свою очередь, снова раздражало Элоизу, которая была совершенно уверена, что дочь нарочно вертится на стуле, стараясь вызвать к себе жалость или – вероятнее всего! – еще больше досадить матери.

Джон, разумеется, знал о воспитательных методах Элоизы, но ничего не предпринимал. Порой ему казалось, что он и вправду ничего не понимает в детях, а особенно в девочках. Порой он просто не решался вмешаться, чтобы не разозлить жену еще больше, а иногда он бывал с ней почти согласен. Каждый раз, когда Джон становился свидетелем порки, его начинало мутить, и тем не менее он не сделал ничего, чтобы остановить Элоизу. Даже его попытки утешить девочку приводили лишь к тому, что в следующий раз наказание бывало еще более жестоким и продолжительным.

В этой ситуации самым простым выходом было закрыть глаза, заткнуть уши и согласиться с доводами Элоизы. А уж она с легкостью находила объяснения всем своим поступкам. «А быть может, она и в самом деле права», – рассуждал Джон. Детям действительно нужна суровая дисциплина, чтобы из них вышло что-нибудь путное.

Джон уже давно догадался, что его собственные родители воспитывали его из рук вон плохо. Да, они любили и баловали сына, но это привело к тому, что он вырос нерешительным, безвольным, инертным человеком. Казалось, что, ухаживая за Элоизой, Джон израсходовал всю отпущенную ему на жизнь энергию, и теперь у него просто не было сил во что-либо вмешиваться. Впрочем, будь его родители живы, он, несомненно, посоветовался бы с

ними, но они погибли в автокатастрофе. А больше у него не было никого достаточно близкого, с кем он мог бы поговорить о воспитательных методах Элоизы.

Но, боже мой, со стороны Габриэлла выглядела идеальным ребенком. Она разговаривала мало и негромко, убирала за собой посуду, никогда не разбрасывала одежду и делала все, что ей говорили. Она не дерзила старшим, не шумела, не сорила. Чудо-дитя, да и только! Постепенно Джон начал утверждаться в мысли, что жена совершенно права. Разве ее стараниями Габриэлла не вела себя как образцовая девочка из книжки для дошкольников? А что ужас перед матерью сковывал ее по рукам и ногам, этого Джон не понимал. И, наверное, не мог понять.

Что касалось Элоизы, то, по ее мнению, Габриэлла все еще была далека от совершенства. Как бы безупречно девочка себя ни вела, пристрастный глаз матери с легкостью подмечал множество промахов и проступков. Желтый кожаный ремешок не лежал без работы. Каждое слово, обращенное к дочери, Элоиза считала необходимым подкрепить оплеухой. Порой Джон даже побаивался, что Элоиза может серьезно покалечить девочку, но держал свое мнение при себе. Молчание сделалось его высшей доблестью. Методы Элоизы, по крайней мере, не противоречат основам педагогики. Джон предпочитал почаще задерживаться на работе, а стало быть, не присутствовал при наказаниях, ставших почти ежедневными. Элоиза же все синяки и ссадины Габриэлы объясняла феноменальной неловкостью девочки. Под этим же предлогом (ради ее собственного блага!) Габриэлле не разрешали ни кататься на скейтборде, ни учиться ездить на велосипеде.

Джон почти искренне считал, что Габриэлла действительно очень неуклюжа. В конце концов, чего на свете не бывает.

Когда девочке исполнилось шесть, наказания стали привычными для всех троих. Джон привык их не замечать, Габриэлла привыкла каждую минуту ожидать окрика, пинка или удара, что касалось Элоизы, то она, несомненно, получала удовольствие, лупцуя дочь ремнем. Если бы кто-нибудь сказал ей об этом, она была бы возмущена до глубины души. Ведь все это – ради самой же девочки! Ребенка «необходимо воспитывать», а порка – единственное средство, способное помешать этой девчонке сделаться еще более испорченной, чем она есть.

Надо сказать, Габриэлла была вполне согласна с матерью. Не то чтобы ей нравилось, когда ее били... Просто она твердо знала, что хуже ее – нет. Она – непослушный, избалованный, капризный ребенок. Если бы она была хорошей, мамочка, конечно, никогда бы ее не била. И папа не разрешил бы маме наказывать ее.

Ах, часто задумывалась Габриэлла, если бы она была хорошей, все было бы совсем иначе. Быть может, мама и папа смогли бы даже полюбить ее. Об этом, впрочем, она не осмеливалась и мечтать. В конце концов, она гадкая и непослушная и постоянно совершает скверные поступки. Ей это было известно потому, что так ей говорила Элоиза, но от этого вера девочки в свою бесконечную порочность не становилась меньше. Разве такую можно любить?!

И вот теперь, когда мать рывком подняла ее с теплого, залитого солнечным светом паркета и потащила по коридору, Габриэлла вдруг увидела отца. Джон, который по случаю воскресенья был дома, стоял на пороге своего кабинета и, глубоко засунув руки в карманы, молча следил за расправой. Он все видел, но, как всегда, ничего не сделал, чтобы защитить дочь. Правда, когда Элоиза проволочла девочку мимо него, в глазах Джона промелькнуло тоскливое выражение, но он все же не сказал ни слова. Он даже не вынул рук из карманов, просто отвернулся, словно боясь встретиться с дочерью взглядом.

– Марш в свою комнату, и не смей выходить! – выкрикнула Элоиза и, в последний раз толкнув дочь в спину, скрылась в гостиной. Джон тоже вернулся в кабинет, а Габриэлла медленно побрела по коридору, осторожно ощупывая кончиками пальцев начинающую распу-

хоть щеку. Она была уже большой девочкой и прекрасно понимала, что наказание она заслужила. Однако, войдя в детскую, Габриэлла все же не сдержалась и громко всхлипнула, но тут же, испуганно оглянувшись через плечо, бесшумно прикрыла за собой дверь. Потом она подошла к своей кровати и, взяв сидевшую рядом на столе куклу, крепко прижала ее к груди.

Эта кукла была единственной игрушкой Габриэллы. Много лет назад этот подарок сделала ей бабушка – папина мама, которая умерла. Куклу звали Меридит; у нее были прелестные светлые волосы и большие синие глаза в длинных ресницах, которые могли открываться и закрываться. Она была изумительно красивой, и Габриэлла очень ее любила, втайне надеясь когда-нибудь стать столь же очаровательной. Но дело было не только в этом. Меридит была единственной союзницей Габриэллы, ее единственным утешением, ее единственной молчаливой подругой.

Вот и сейчас, осторожно опустившись на краешек кровати, Габриэлла принялась раскачиваться вперед и назад, баюкая Меридит и гадая, почему мама так сильно ее избила... Ей никак не удастся стать хорошей. Потом ей вспомнилось странное выражение, промелькнувшее в папиных глазах, когда мать протащила ее мимо него. Отец показался Габриэлле разочарованным. Он как будто ожидал, что хотя бы сегодня дочка будет вести себя лучше, чем обычно.

Наверное, она действительно была маленьким чудовищем, как не раз говорила ей мама. Должно быть, ее подменили в больнице, а может... Тут Габриэлла просто задохнулась от страха. Ах, неужели ее заколдовали? Какая-то злая колдунья, наподобие той, про которую она краем уха слышала по радио. Ее звали Умиранда, и она зарабатывала себе на жизнь тем, что по просьбе одного плохого дяди заколдовывала маленьких детей. Те начинали так плохо себя вести, что родители в конце концов отказывались от них, и тогда дядя забирал озорников на свой страшный остров, в замок, чтобы...

Что там делал дядя с маленькими детьми в своем замке, Габриэлла дослушать не успела. Элоиза обнаружила ее и тут же надавала дочери таких сильных пощечин, что потом у Габриэллы полдня звенело в ушах. Впрочем, по поводу судьбы злосчастных неслухов сомнений не было. Злодей, конечно, варил из них суп, обильно приправленный луком (Габриэлла не любила вареный лук), или пропускал через огромную мясорубку, которую приводил в движение закованный в цепи маленький шотландский пони.

Но главное-то во всем этом то, что она действительно была заколдована! Потому что как иначе объяснить, что, несмотря на все свои старания, она все делала не так? Мама сердилась с каждым днем все больше, и даже папа... даже папа махнул на нее рукой! В конце концов они от нее откажутся и... и, может быть, мама сама отвезет ее дяде, который варит суп из маленьких непослушных девочек?

Сидя на кровати с бессловесной куклой на руках, Габриэлла снова и снова переживала кошмар неизбежного, страшного конца и собственное бессилие. У нее не оставалось уже никакой надежды исправиться. Она не заслуживала любви – в этом Габриэлла убедилась уже давно. Она заслужила только побои. Но в глубине души девочка все же продолжала удивляться, что же она такого сделала, отчего родители ненавидят и стыдятся ее?

Слезы безостановочно катились из больших голубых глаз Габриэллы. Она просидела несколько часов, предаваясь своим невеселым размышлениям и по-прежнему прижимая к себе Меридит. Меридит – ее единственная подруга. Ни бабушек, ни дедушек, ни теток, ни даже двоюродных братьев или сестер у Габриэллы не было. Играть же с другими детьми ей не разрешалось – должно быть, из-за ее мерзкого поведения. «И потом, – с горечью подумала девочка, – никто из детей и не станет со мной водиться. Кому понравится играть с такой, как я, если даже мама и папа с трудом меня терпят?..»

Габриэлла никогда и никому не рассказывала о своей жизни. Она не хотела, чтобы кто-нибудь знал, насколько она плохая. Когда в школе ее спрашивали, откуда у нее синяки, она

отвечала, что упала с лестницы или споткнулась о собаку, хотя никакой собаки у них никогда не было.

Ее родители не были ни в чем виноваты. Во всем была виновата злая Умиранда, но и к ней Габриэлла относилась почти что с пониманием. В конце концов, как еще феи могут заработать себе на кусок хлеба, если не колдовством? А уж в том, что она не в силах исправиться, виновата она сама.

Габриэлла слышала доносящиеся из гостиной голоса родителей. Они, как это все чаще и чаще случалось, кричали друг на друга, и это тоже была ее вина. Несколько раз, когда мама наказывала ее при папе, он потом кричал на маму. Вот и сейчас он что-то говорил – громко и возбужденно, почти сердито, но слов Габриэлла разобрать не могла. Впрочем, речь, несомненно, шла о ней – о том, какая она плохая и непослушная. И ссорились родители из-за нее, и вся жизнь их шла наперекос из-за нее, и дом их потихоньку становился адом из-за нее. Кажется, все плохое, что происходило на свете, творилось из-за нее.

В конце концов, когда за окном сгустились сумерки, Габриэлла разделась и забралась под одеяло. Ужинать ее так и не позвали. Она слишком долго плакала, да и фантазия ее разыгралась не на шутку, ей было не до еды. Болела разбитая щека, болела нога, куда мать пнула ее носком туфли, но усталость все же брала свое, и вскоре Габриэлла стала забываться сном. Но прежде чем она окончательно провалилась в спасительный морок, ей пригрезился весенний сад весь в цвету – далеко-далеко, в той счастливой стране, где она была совсем другой. С ней играли все дети, все любовались ею, и высокая, ослепительно красивая женщина прижала Габриэлла к себе и сказала, что любит ее. Это были самые замечательные в мире слова, и душа девочки вновь обрела опору на этой земле.

Габриэлла заснула, продолжая прижимать к себе Меридит.

– Послушай, ты не боишься, что однажды просто убьешь ее? – спросил Джон Элоизу. Та посмотрела на него с легкой презрительной гримасой. Он выпил почти полбутылки виски, и теперь его слегка покачивало. Пить Джон начал примерно в то же самое время, когда из недр шкафа был извлечен желтый ремень. Дозы с тех пор постоянно увеличивались. Это было гораздо проще, чем пытаться прекратить издевательство над девочкой или попытаться как-то объяснить себе поведение Элоизы. Виски отлично помогало. Во всяком случае, после хорошей порции Джон начинал смотреть на вещи проще и находил ситуацию вполне терпимой.

– Нет, не боюсь, – холодно парировала Элоиза. – Я знаю, что, если сейчас я научу ее уму-разуму, она никогда не будет пить столько, сколько пьешь ты. Это поможет ей сохранить здоровыми сердце и печень.

Она с отвращением покосилась на Джона, который повернулся к бару, чтобы налить себе новую порцию виски.

– Знаешь, самое ужасное то, что ты, кажется, действительно веришь в то, что говоришь, – пробормотал Джон в пространство.

– Не хочешь ли ты сказать, что я обращаюсь с ней слишком жестко?! – воскликнула Элоиза. Она терпеть не могла, когда Джон пытался упрекать ее в чем-либо.

– Слишком жестко? Слишком жестко?! Да ты в своем уме? Габриэлла вся в синяках! Откуда они у нее?

– Не говори глупости, Джон! – резко оборвала его Элоиза. – Ты сам отлично знаешь, что это неуклюжее создание падает каждый раз, когда ей нужно зашнуровать башмаки! Удивительно, как она до сих пор не разбила себе башку!

Тут она закурила сигарету и, откинувшись на спинку дивана, пустила вверх тонкую струйку дыма.

– Послушай, Эл, ты ведь разговариваешь со мной – не с кем-нибудь... – Джон наконец-то справился с пробкой и убрал бутылку обратно в бар. – Кого ты хочешь обмануть? Я

прекрасно знаю, как ты относишься к девочке. И она это знает. Бедняжка, она не заслужила и одной сотой доли того, что ей приходится терпеть!

– Я тоже!.. Ты хоть представляешь, каково мне приходится? За этим ангельским личиком, за светлыми кудряшками и невинными голубыми глазками, в которые ты, похоже, влюбился, скрывается настоящее маленькое чудовище – тупое, упрямое, злое. Когда она начинает буйствовать, с ней просто невозможно справиться!..

Джон посмотрел на Элоизу неожиданно внимательным взглядом, словно с его глаз на мгновение спала пелена. Казалось, он даже слегка протрезвел.

– Ты ревнуешь? – спросил он. – Скажи правду, Эл: ведь все из-за этого? Ты просто ревнуешь, ревнуешь к своей собственной дочери.

– Ты пьян, – отрезала Элоиза, взмахнув рукой, в которой была зажата дымящаяся сигарета. Она не желала его слушать, но Джон уже не мог остановиться.

– Я прав, и ты это знаешь, – сказал он. – Это... это отвратительно, Эл. Я начинаю жалеть, что мы завели ребенка. Честное слово, лучше бы Габриэлле не родиться на свет! Это чудовищно – иметь такую мать!

Джон совершенно забыл о том, что тоже несет ответственность за дочь и за все, что с ней происходит. Он гордился тем, что ни разу не тронул Габриэлла и пальцем, а то, что мать колотит ее почем зря, как бы и не было важным.

Элоиза криво усмехнулась.

– Если ты хочешь, чтобы я почувствовала свою вину, можешь не стараться. Я знаю, что делаю.

– Вот как?

Джон попытался усмехнуться самой саркастической улыбкой, но выпитое виски сыграло с ним злую шутку. Он покачнулся и, чтобы не упасть, вынужден был схватиться за угол буфета. Элоиза, наблюдавшая за ним, презрительно скривила губы.

– Ты каждый день избиваешь ее чуть ли не до бесчувствия, – продолжил Джон, не без труда обретая равновесие. – И это – воспитание?! И до каких же пор? Пока она не вырастет? По-моему, ты убьешь ее раньше!.. Но, ей-богу, смерть лучше, чем такая жизнь.

С этими словами он залпом осушил свой бокал и на несколько мгновений затих, прислушиваясь к ощущениям. Иногда виски делало его храбрее, и Джон вскипал праведным гневом. Но еще ни разу ему не удалось полностью забыть о том, что происходит в их доме. Наверное, чтобы не думать об этом, ему надо было выпить море.

– Габриэлла – просто узел неразрешимых проблем, Джон, – произнесла Элоиза, не без труда сохраняя видимость спокойствия. – И наш долг – любыми средствами приучить ее вести себя как положено.

– Да, твои уроки Габриэлла запомнит на всю жизнь! – заявил Джон и снова покосился в сторону бара.

– Надеюсь. – В глазах Элоизы вспыхнул какой-то огонек, но она сразу опустила ресницы, и Джон не успел понять, что это было. – Нечего попусту носиться с детьми и баловать их – им же самим во вред. И, заметь, Габриэлла знает, что я права. Когда я ее наказываю, она никогда не спорит. Она понимает, что заслужила трепку, и это уже хорошо. Значит, она не безнадежна. Пока не безнадежна, и я не имею права опускать руки.

– Чушь! – воскликнул Джон. – Она слишком боится тебя. Я уверен, Габриэлла считает, что, если она попытается что-то сказать в свое оправдание, ты убьешь ее на месте.

– Послушать тебя, так получается, что это я – чудовище. Не она, а я!.. – Элоиза изящным движением закинула ногу на ногу. У нее были очень красивые, стройные ноги, но ее внешность уже не волновала Джона. Вместо утонченной леди с прекрасным лицом он видел разъяренную красную образину, почти нечеловеческую. Такою его изысканная жена бывала с Габриэлкой. Но ему по-прежнему не доставало решимости, чтобы что-то изменить. Пожа-

луй, он скорее бросил бы Элоизу, чем осмелился вмешаться в ее «воспитание». И, подсознательно понимая это, Джон начинал понемногу ненавидеть себя.

– Я считаю, – сказал он, – что Габриэлле необходимо отправить в частный пансион, где она могла бы жить и учиться. Перемена обстановки пойдет ей на пользу. Главное, рядом не будет тебя... нас...

– Но прежде чем это случится, я должна обучить ее хорошим манерам, – возразила Элоиза.

– Обучить?! Ах вот как это, оказывается, называется! А скажи, разбитая щека и синяки на ногах – это тоже входит в программу воспитания маленькой леди?

– К утру все пройдет, – спокойно ответила Элоиза.

Джон знал, что тут она, несомненно, права, но ему чертовски не хотелось признавать это. Элоиза действительно как будто знала, куда и с какой силой бить, чтобы не оставлять синяки и ссадины на открытых частях тела Габриэллы. Другое дело – синяки на плечах и на ногах от колена и выше. Тут она была непревзойденным мастером. Кровоподтеки от ее ударов не сходили неделями, изменяясь в цвете от черно-багровых до светло-желтых.

– Ты просто сука!.. – выругался Джон и, нетвердо ступая, вышел из гостиной. Его жена действительно была настоящей сукой, но с этим, похоже, уже ничего нельзя было поделать.

По дороге в спальню Джон остановился перед слегка приоткрытой дверью детской и долго стоял, вглядываясь в темноту внутри. Из комнаты не доносилось ни звука, а смутно белеющая во мраке кровать казалась пустой, но, когда Джон на цыпочках вошел внутрь, он увидел, что дочь спит, свернувшись клубочком в ногах кровати и накрывшись одеялом с головой. Такую манеру спать Габриэлла приобрела уже довольно давно. Ей казалось, что если матери почему-либо вздумается зайти сюда, то она, возможно, ее не заметит. Это, разумеется, несколько не помогало, но отказаться от этой привычки Габриэлла не могла. Так она чувствовала себя безопасней.

При взгляде на дочь глаза Джона невольно увлажнились. Он сразу понял, что означает эта поза и это натянутое на голову одеяло. В крошечном комочке, который едва угадывался под складками, было столько ужаса, что он не посмел даже прикоснуться к дочери, чтобы уложить ее как следует. Оставив Габриэлле, Джон повернулся и вышел так же бесшумно, как и вошел.

Поднимаясь в свою комнату, он раздумывал о том, а не безумна ли Элоиза и какова будет дальнейшая судьба Габриэллы. О том, что у девочки, кроме полусумасшедшей матери, есть еще и отец, Джон искренне забывал. Он ничего не мог сделать, чтобы спасти Габриэлле. В каком-то смысле он был столь же бессилён и беспомощен перед Элоизой, как и их маленькая дочь.

Ему оставалось только презирать себя, и он презирал, заливая виски собственные стыд и горечь.

Глава 2

Гости начали собираться в начале девятого вечера, и особняк на Шестьдесят девятой улице в нижнем Ист-Сайде наполнился звуками музыки и негромким гулом голосов. Все приглашенные занимали заметное положение в обществе. Был русский князь со своей английской любовницей, был управляющий банком Джона с женой, и присутствовали все дамы, с которыми Элоиза каждую среду играла в бридж. Наемные официанты в форменных белых куртках с золотыми пуговицами разносили шампанское на серебряных подносах.

За всем этим Габриэлла наблюдала, сидя на верхних ступеньках лестницы, ведущей на второй этаж. Там было темно, и никто не мог разглядеть маленькую фигурку, притаившуюся у перил. Рассматривать гостей, которых приглашали раз в месяц, а то и чаще, было ужасно интересно. Это строжайше запрещалось, но бороться с искушением было выше ее сил.

Хозяева встречали гостей в вестибюле. Элоиза – в черном атласном платье с глубоким вырезом на спине – была совершенно обворожительна; Джон тоже выглядел весьма представительно. Отменно пошитый темно-коричневый смокинг с шелковыми лацканами сидел на нем как влитой. Хотя, если приглядеться, было ясно, что еще до прихода гостей Джон выпил больше, чем следовало. Мужчины курили ароматные сигары, шуршали вечерние туалеты женщин. Кольца, серьги и браслеты вспыхивали крошечными алмазными радугами каждый раз, когда их владелица поворачивала изящную голову или поднимала руку, чтобы взять с подноса бокал шампанского. Обменявшись приветствиями с хозяевами, прибывшие пары уходили в гостиную, откуда доносились смех и музыка.

Габриэлла знала, что ее родители любят устраивать вечеринки. Правда, теперь они приглашали гостей не так часто, как раньше, и девочка искренне жалела об этом, потому что в ее небогатой радостями жизни каждый прием превращался в настоящий праздник. Сначала она с увлечением рассматривала гостей из своего постоянного убежища на лестнице, а потом, лежа в своей комнате, долго прислушивалась к музыке, доносящейся из гостиной. Впечатлений от увиденного ей обычно хватало надолго, и даже наказания, которые продолжали сыпаться на нее как из рога изобилия, переносились не в пример легче.

Недавно Габриэлле исполнилось семь. На дворе стоял сентябрь; в этом месяце в Нью-Йорке открывался новый светский сезон, и вечеринка у Харрисонов была первой после долгого летнего перерыва. Никакого особенного повода для нее не было – это была просто встреча старых друзей, большинство из которых Габриэлла давно знала в лицо.

Разумеется, сходить вниз ей строго запрещалось. Элоиза никогда не представляла дочь гостям. Что, спрашивается, детям делать в обществе взрослых? Однако несколько раз Габриэлле доводилось сталкиваться и даже разговаривать с друзьями матери или отца. Эти красивые, веселые, уверенные в себе люди очень нравились девочке. Они были ласковы с ней и всегда улыбались, разговаривали. Это было так непривычно и необыкновенно приятно. Но обычно перед приходом гостей мать просто отправляла Габриэлла в детскую, и девочка сидела там, всеми забытая и никому не нужная. Время от времени кто-нибудь из гостей – в особенности дамы из кружка любительниц бриджа – спрашивал Элоизу о ребенке, но от подобных вопросов она отмахивалась как от назойливых насекомых. Габриэлла не играла в ее жизни никакой роли. В доме не было даже ни одной фотографии девочки, хотя и в гостиной, и в столовой, и в библиотеке висели снимки Элоизы и Джона в серебряных багетных рамках. Габриэлла – за исключением одного-единственного раза – никто никогда не фотографировал; Элоизе это было не нужно, а Джону просто не приходило в голову фиксировать на пленке этапы жизни дочери.

Внизу снова звякнул колокольчик, парадная дверь открылась, и Габриэлла невольно улыбнулась. Вошла миссис Марианна Маркс – высокая светловолосая красавица, которая

часто бывала у Харрисонов в гостях. Марианна была в пышном платье из тонкого белого шифона, которое окутывало ее словно невесомое облако. Они с Элоизой дружили. А Роберт, муж Марианны, приехавший вместе с ней, работал в одном банке с отцом Габриэллы.

Габриэлла прижалась лицом к столбикам перил. Марианна Маркс очень нравилась девочке, и теперь она с жадностью ловила каждое ее движение, каждый жест изящных рук, каждый поворот головы. Бриллиантовое ожерелье Марианны играло и переливалось словно раздробленная радуга. Очаровательная гостья, словно что-то почувствовав, подняла голову и посмотрела вверх. Взгляд ее остановился на Габриэлле, и девочка невольно отпрянула, но вовсе не от страха. Цвета слоновой кости лицо Марианны, когда та повернулась, оказалось в тени. Зато пышные волосы, в которых играл колеблющийся свет, походили на настоящий нимб, какой Габриэлла видела только на картинках в Библии. А изящная алмазная диадема была точь-в-точь как настоящая королевская корона. Девочка застыла в немом восхищении.

– Габриэлла! – окликнула девочку королева-святая. – Что ты там делаешь?

Голос у Марианны был негромким и ласковым, а улыбка – такой приветливой и доброй, что Габриэлла, скорчившаяся на верхней ступеньке в своей розовой ночной рубашке, едва не ответила ей. В следующий момент она, однако, вспомнила о грозящей ей опасности и умоляющим жестом приложила палец к губам. Если мама узнает, что она здесь сидит, она опять расстроится, и тогда...

– О-о!.. – Марианна мгновенно поняла, – или думала, что поняла – в чем дело. Кивнув мужу, она выпустила его руку и легко и бесшумно поднялась по лестнице к Габриэлле. – Что ты тут делаешь, малышка? – спросила Марианна Маркс, прижимая к себе худенькое и теплое тельце девочки. – Смотришь на гостей?

– Ты такая красивая, Марианна, – прошептала Габриэлла, кивнув в ответ на заданный вопрос. – Просто ужасно красивая!..

И она действительно так считала. Женщина, державшая ее в объятьях, была почти полной противоположностью ее матери. Высокая, светловолосая, с большими голубыми глазами, как у Габриэллы. Улыбка, которая, казалось, освещала все вокруг, сияла на ее лице. Девочка видела в ней добрую фею из сказки. Иногда Габриэлла всерьез задумывалась о том, почему миссис Марианна не может быть ее мамой. В самом деле, они были так похожи. Марианна была ровесницей Элоизы, но у нее никогда не было детей. Лицо ее часто бывало печальным, когда она думала, что ее никто не видит. Но у Габриэллы, все замечавшей из своего укромного уголка, от жалости сжималось сердце. Однажды она даже выдумала историю о том, что Марианна Маркс на самом деле должна была быть ее мамой, но по ошибке (к которой, несомненно, приложила руку злокозненная Умиранда) Габриэлла досталась Элоизе. Впрочем, в историю эту девочка и сама не верила – не могла же Умиранда, в самом деле, быть такой злой; просто ей было очень приятно мечтать о том, что и у нее может быть ласковая, добрая и внимательная мать.

Марианна действительно была очень внимательна и добра к девочке каждый раз, когда им удавалось встретиться. Вот и сейчас, когда она наклонилась и поцеловала Габриэлла, та почувствовала себя совершенно счастливой. От Марианны исходил знакомый, сладковато-терпкий запах парфюма, и, вдыхая его полной грудью, Габриэлла снова подумала, что такая женщина просто не может никого наказывать. Даже ее, какой бы плохой и непослушной она ни была...

– Может быть, ты спустишься к нам хотя бы на несколько минут? – предложила Марианна, которой очень хотелось взять девочку на руки. Ее хрупкое сложение, миловидное личико, взгляд широко открытых глаз – все вызывало в Марианне желание любить и защищать это робкое, молчаливое создание. Откуда у нее было такое чувство, Марианна не знала; должно быть, она инстинктивно чувствовала, что Габриэлла есть от кого защищать. Как жаль, что она не задумалась, не смогла понять эту нежную душу. Как только тонкие, в синих

прожилках кисти девочки оказались в ее руках – Марианна снова ощутила это странное приятие... Казалось, девочка о чем-то молча умоляет ее, но о чем?

– Н-нет, нет, я не могу вниз... мама будет очень сердиться. Я давно должна быть в постели, – пробормотала Габриэлла срывающимся шепотом, и в глазах ее промелькнул ужас. Она прекрасно представляла себе, каково будет наказание. Каждый раз, решаясь на свои преступные, с точки зрения Элоизы, вылазки, Габриэлла дрожала как осиновый лист. Но в ее жизни было так мало радостей, что она снова и снова пряталась, чтобы подсмотреть чужой праздник. Иногда ее ждала награда, такая, как этот разговор с Марианной.

– Это у тебя настоящая корона? – спросила Габриэлла, разглядывая затейливую бриллиантовую диадему, которая делала Марианну похожей на крестную из сказки про Золушку.

Вообще-то Габриэлле не разрешалось называть взрослых на «ты»; та же Марианна должна была быть для нее «миссис Маркс» или, на худой конец, «вы», «тетя Марианна», но девочка чувствовала себя с ней настолько спокойно и свободно, что часто сбивалась на фамильярное «ты». Даже наказания, которые налагала на нее мать, не сумели отучить Габриэлла от этой привычки.

– Это называется диадема, – поправила Марианна и бросила быстрый взгляд назад и вниз, где у подножия лестницы ее терпеливо ждал Роберт, облаченный в смокинг и блестящие лаковые туфли. – Когда-то она принадлежала моей бабушке.

– Она была королева? – замирая от восторга, спросила Габриэлла, и Марианна не сдержала улыбки. У девочки был такой доверчивый и вместе с тем – такой мудрый, знающий вид. Необыкновенно трогательный ребенок.

– Нет. Моя бабушка была чудаковатой пожилой леди из Бостона, но однажды она действительно встречалась с английской королевой и надевала эту штуку. Мне показалось, что она очень идет к этому платью.

Сказав это, Марианна аккуратно сняла диадему и одним плавным движением пристроила ее на светлые кудряшки Габриэллы.

– А вот ты действительно похожа на принцессу, – сказала она.

– Правда? – в восторге ахнула Габриэлла.

– Взгляни сама, – шепнула Марианна и, обхватив Габриэлла за плечи, подвела ее к большому зеркалу в массивной бронзовой раме.

Габриэлла во все глаза уставилась на свое отражение. Она действительно была похожа на маленькую сказочную принцессу, которую только что разбудил поцелуем прекрасный принц.

«Но почему, – тут же спросила она себя, – почему Марианна такая добрая, а мама – нет? Как они двое могут быть такими разными?» В этом была какая-то загадка, которую, как чувствовала Габриэлла, ей не разгадать, даже если она будет думать сто лет. Или даже тысячу. Одно объяснение пришло ей в голову почти сразу, но оно было слишком ужасным. «Быть может, – подумала Габриэлла, – я не заслужила такую маму, как Марианна...»

– Ты – чудная маленькая девочка, – негромко сказала Марианна, снова наклоняясь, чтобы поцеловать Габриэлла в макушку. Потом она взяла алмазную диадему и снова водрузила ее себе на голову. Бросив последний взгляд в зеркало, она поправила украшение изящным движением руки и повернулась к Габриэлле. – Твоим родителям очень повезло, что у них есть такая замечательная дочка, – со вздохом сказала она.

От этих слов на глаза Габриэллы набегали слезы. Если бы только миссис Марианна знала... Тогда она не только не дала бы ей померить диадему, но и разговаривать-то с ней не стала бы! Впрочем, все еще было впереди. Габриэлла не сомневалась, что рано или поздно мама расскажет своей подруге, какое чудовище – ее дочь, и тогда... «Нет, не стану об этом думать, – решила она и проглотила застрявший в горле комок. – Пусть что будет – то будет».

Марианна несильно пожала ей пальцы.

– А теперь мне пора идти вниз, – шепнула она. – Бедный Роберт совсем меня заждался.

Габриэлла с пониманием кивнула. Она никак не могла прийти в себя после всего, что произошло с ней за каких-нибудь несколько минут. Поцелуй, ласковые слова, нежное объятие, сверкающее украшение на голове – казалось, это происходит не с ней, а с какой-то другой девочкой. Сама того не подозревая, Марианна сделала ей самый дорогой подарок.

– Как бы мне хотелось немножко пожить с тобой! – неожиданно для себя выпалила Габриэлла, когда они шли по коридору к лестнице. Марианна по-прежнему держала ее за руку, и Габриэлле очень хотелось оттянуть неизбежное расставание.

Услышав это странное заявление, Марианна невольно замедлила шаг. Она не понимала, что могло заставить девочку сказать такое.

– Я бы тоже этого хотела, – ответила она негромко и сильнее сжала пальцы Габриэллы. Ей вдруг показалось, что нельзя выпускать из рук эту маленькую ладошку, которая каким-то неведомым образом протягивалась прямо к ее сердцу, к ее душе. В глазах Габриэллы стояла такая недетская печаль, что Марианна испытывала почти физическую боль каждый раз, когда встречалась с ней взглядом.

– Но, – добавила она первое, что пришло ей в голову, – твои мама и папа очень огорчатся, если тебя не будет с ними.

– Нет, – с неожиданной твердостью ответила Габриэлла. – Они не огорчатся.

Марианна даже остановилась и некоторое время стояла неподвижно, внимательно глядя на Габриэлла. Девочка низко опустила голову, так что Марианне не было видно ни ее глаз, ни лица, но сама поза Габриэллы была настолько красноречивой, что в конце концов Марианна решила, что девочка в чем-то провинилась и мать отругала ее или даже наказала. Самой Марианне казалось совершенно невероятным, что кто-то может хотя бы повысить голос на такого прелестного ребенка, однако она не сомневалась – сегодня что-то случилось.

– Хочешь, я вернусь через некоторое время, и мы еще немножко поболтаем? Или, может быть, мне лучше зайти к тебе в комнату? – предложила Марианна. Молящие глаза и печальное лицо Габриэллы буквально разрывали ей сердце, и Марианна чувствовала, что, если она уйдет, она совершит предательство. Обещание прийти еще раз было единственным, что могло как-то успокоить ее совесть.

Но Габриэлла отрицательно покачала головой.

– Тебе нельзя, – сказала она, думая о том, что сделает мама, если Марианна поднимется в детскую. Элоиза терпеть не могла, когда гости разговаривали с девочкой или – того хуже – восхищались ею. «Не смей надоедать взрослым!» – не раз говорила она, сопровождая свои слова шлепком или затрепачкой.

– Почему? – удивилась Марианна.

– Тебе не разрешат. – Габриэлла снова покачала головой.

– А мы потихоньку... – Марианна выпустила ее пальцы и стала медленно спускаться по лестнице, придерживая свое сверкающее платье, которое как будто плыло в воздухе вокруг нее. На половине пути она остановилась и, обернувшись через плечо, послала Габриэлле воздушный поцелуй.

– Я вернусь, Габриэлла, обещаю!.. – проговорила она еще раз.

Габриэлла ответила ей таким печальным взглядом, что вторую половину лестницы Марианна преодолела чуть ли не бегом.

Роберт, ожидавший ее внизу, пил уже второй бокал шампанского и коротал время за разговором с польским графом Пшесецким. Граф был очень хорош собой и избалован женским вниманием, однако при виде Марианны глаза его невольно вспыхнули. Склонившись в изящном поклоне, он поцеловал Марианне руку, и она, смеясь, что-то сказала в ответ. Они еще немного поговорили, а потом медленно пошли в гостиную.

Габриэлла провожала их взглядом. Ей очень хотелось сбежать вниз, чтобы снова прижаться к тете Марианне, ощутить ее тепло и почувствовать себя в безопасности, но она не смела. Она только вздохнула, и в этот момент Марианна обернулась и еще раз помахала ей рукой. Потом, рассмеявшись в ответ на очередной комплимент графа, исчезла в дверях гостиной.

Габриэлла закрыла глаза и, опустившись на корточки, прислонилась головой к полированному деревянным перилам. Несколько секунд она сидела совершенно неподвижно, заново переживая все, что с ней только что произошло. Словно наяву она видела сверкающую диадему у себя в волосах, вспоминала ласковый и добрый взгляд Марианны, ощущала запах ее духов и мечтала о том, что когда-нибудь они снова встретятся.

Габриэлла долго еще не покидала своего наблюдательного пункта. Никто из приезжающих не замечал ее. Все были слишком заняты, оживленно беседуя между собой, пересмеиваясь, обмениваясь приветствиями и шутками. Габриэлла знала, что мать вряд ли поднимется на второй этаж, чтобы проверить, легла она или нет. Элоиза была абсолютно уверена, что дочь, как ей и было сказано, давно спит. Ей и в голову не могло прийти, что Габриэлла станет подглядывать за гостями. «Ложись и спи! Если не будешь спать – я тебя нашлапаю», – таковы были последние слова Элоизы, которые она произнесла, отводя дочь в детскую. И, относись угроза к чему-нибудь иному, Габриэлла и не подумала бы послушаться, но ей слишком хотелось посмотреть на вечеринку.

Кроме того, спать она все равно не могла. Габриэлла знала, что в кухне полно разных вкусностей – сладких булочек, печенья, шоколадных кексов и прочего. Она своими глазами видела, как привезли ветчину и сыр, как готовили на кухне салаты, жарили индейку и сладкий картофель, который шипел и подпрыгивал на противне, покрываясь золотистой поджаристой корочкой.

Габриэлле было строжайше запрещено трогать что-либо из того, что готовилось для вечеринки, и все же девочка продолжала мечтать о кусочке кекса, о пирожном или о тарталетках с ежевикой. Да что там тарталетки!.. Сейчас она не отказалась бы и от простого бутерброда с маслом или даже с противной, пахнувшей рыбьим жиром черной икрой, но никто и не думал предлагать ей его. Мама была так занята, готовясь к вечеринке, что просто-напросто забыла дать Габриэлле поужинать, и теперь у девочки немилосердно сосало под ложечкой. Попросить же поесть она не решилась. Элоиза всегда начинала готовиться к приемам с самого утра – она часами сидела в ванной, подолгу красилась в своей комнате, примеряла то одно, то другое платье и бывала взвинчена до предела. В такие дни она редко вспоминала о дочери, и Габриэлла считала это благом. Она отлично понимала, что может случиться, если она напомнит матери о своем существовании. Уж лучше поголодать, чем быть избитой.

Тут музыка внизу заиграла громче, и Габриэлла догадалась, что это значит. В большой гостиной начались танцы. Люди в столовой, библиотеке и малой гостиной смеялись, разговаривали, звенели ножами и вилками по тарелкам, и от этого звука Габриэлла чуть не сошла с ума. И все же она не уходила с лестницы, надеясь снова увидеть Марианну, однако та так и не появилась. В конце концов девочке стало ясно, что ждать бесполезно. Должно быть, миссис Маркс просто забыла о ней, а может, просто узнала от мамы, какая Габриэлла скверная и непослушная девочка, и не захотела больше с ней видеться. Да, скорее всего, так и случилось, поняла Габриэлла и... продолжала сидеть на верхней ступеньке, надеясь вопреки всему хоть одним глазком увидеть миссис Марианну еще раз.

Но вместо Марианны Маркс в вестибюль неожиданно вышла Элоиза. Она спешила в кухню, но внезапно остановилась, словно каким-то сверхъестественным образом почувствовав присутствие дочери. Вот она подняла голову и посмотрела сначала на высокий брон-

зовый подсвечник у подножия лестницы, потом ее взгляд скользнул вверх – туда, где сидела Габриэлла.

Брови Элоизы гневно сомкнулись на переносице, и Габриэлла невольно задержала дыхание, сжимая худенькой рукой воротник своей старой розовой рубашонки. В следующее мгновение она вскочила на ноги и попятилась, но споткнулась и с размаху шлепнулась на ступеньку.

Выражение лица Элоизы напоминало маску бога войны какого-нибудь туземного племени. Не сказав ни слова, она стала стремительно подниматься вверх, словно на ее ногах были надеты Черные Крылатые Сандалии, как у вестницы зла. Тонкое атласное платье облегло изящную фигуру Элоизы, поблескивая, точно змеиная кожа, а золотые серьги с бриллиантами негромко вызванивали что-то вроде похоронного марша («...Вот летит злая фея Динг-Донг, погибель моряков. О горе, горе нам!..» – вспомнилось в эти мгновения Габриэлле).

– Что ты здесь делаешь? – прошипела Элоиза прямо в лицо девочке, и та отшатнулась. Черные волосы матери были собраны в такой тугий пучок на затылке, что казалось, будто кожа на лице натянута и уголки ее глаз приподняты. Коварный и злобный демон смотрел на Габриэлла, застывшую от ужаса. – Я же запретила тебе выходить из комнаты! Как ты посмела, отвечай!

– Я... я просто... – пролепетала девочка. Она знала, что снова не послушалась маму и что ей нет прощения. Но Габриэлла не просто вышла из комнаты – она разговаривала с Марианной Маркс и даже примеряла ее диадему. Если мама узнает, она...

К счастью, об этих ее преступлениях Элоизе пока не было известно.

– Не лги мне, дрянь!.. – процедила сквозь зубы Элоиза и так крепко сжала запястье дочери, что кисть у Габриэллы почти мгновенно онемела и ее закололи тысячи иголок. – И не смей оправдываться! – добавила она потише и почти волоком потащила девочку по коридору второго этажа. Если бы кто-нибудь случайно увидел ее перекошенное, пошедшее красными пятнами лицо и сверкающие злобой глаза, этот человек, наверное, остолбенел бы от изумления. Но все гости были внизу, и главное было – не привлечь их внимания. Снова наклонившись к девочке, Элоиза прошипела с угрозой:

– Ни слова, маленькое чудовище! Молчи, иначе я тебе оторву руку!

Габриэлла сразу поняла, что это не пустая угроза. Элоиза была вполне способна оторвать ей руку или ногу – в этом она не сомневалась. В свои семь лет девочка твердо усвоила, что у ее матери слово не расходится с делом. Какими бы карами, какими бы наказаниями ни грозила Элоиза своей непослушной дочери, она непременно приводила их в исполнение.

На пороге детской Элоиза с такой силой дернула дочь за руку, что Габриэлла почувствовала, как ее ноги отрываются от пола. И действительно, следующие несколько футов она пролетела по воздуху и неловко упала на пол возле своей кровати, подвернув при этом лодыжку. Было очень больно, но Габриэлла не закричала. Инстинктивно подтянув колени к подбородку, она осталась лежать на полу в темной детской и только закрыла глаза, ожидая почти неминуемого удара.

– Сиди здесь и не смей никуда выходить, ясно? Я не желаю, чтобы ты бродила голышом по всему дому и надоедала гостям. Если я увижу тебя на лестнице, Габриэлла, или еще где-нибудь в доме, ты об этом очень пожалеешь. Посмей только снова изображать из себя маленькую сиротку!.. Заруби себе на носу: ты никому здесь не нужна, и никто не хочет тебя видеть. Твое место в детской и только в детской. Ты поняла?

Ответа не было. Габриэлла беззвучно плакала от боли. Она не могла произнести ни слова.

– Ты поняла?! – снова спросила Элоиза, на полтона повышая голос.

– П-поняла, мамочка, – прошептала Габриэлла, испугавшись, что Элоиза может пнуть ее ногой. Она частенько поступала таким образом, когда ей казалось, что до Габриэллы слишком долго доходит.

– Перестань ныть! – рявкнула Элоиза. – Ступай в постель.

С этими словами она с грохотом захлопнула дверь и ушла. Спеша по коридору к лестнице, Элоиза все еще хмурилась, но, прежде чем она спустилась вниз, ее лицо претерпело разительные изменения. Элоиза как будто выбросила из головы инцидент с дочерью; во всяком случае, когда она шагнула в холл, где стояли трое собравшихся уходить гостей, на лице ее играла самая любезная улыбка.

Проводив их, Элоиза как ни в чем не бывало вернулась в гостиную. Она снова шутила, танцевала и болтала с гостями, словно на свете никогда не существовало никакой Габриэллы. Для Элоизы это действительно было так. Дочь не значила для нее ровным счетом ничего – она вспоминала о ней только тогда, когда девочка попадалась ей на глаза.

Примерно часа через полтора засобирались домой и супруги Маркс. Прощаясь с Элоизой, Марианна попросила ее передать привет «маленькой Габриэлле».

– Я обещала перед уходом ненадолго подняться к ней в детскую, – сказала она с искренним сожалением. – Но сейчас девочка, наверное, спит...

По лицу Элоизы пробежала какая-то тень.

– Хотелось бы надеяться, – проговорила она неожиданно суровым тоном. – А разве ты сегодня с ней виделась?

– Да, – кивнула Марианна. Она совершенно забыла о словах Габриэллы насчет того, что ей не разрешают выходить к гостям. Впрочем, Марианна с самого начала не придавала этому большого значения – она и представить себе не могла, чем это грозит девочке. Кто, в самом деле, мог всерьез рассердиться на такого ангелочка?

Увы, Марианна плохо знала Элоизу, которую считала своей близкой подругой.

– Как я тебе завидую, дорогая!.. – вздохнула она печально. – Габриэлла – прелестный ребенок. Когда мы приехали, она сидела на верхней ступеньке лестницы и смотрела вниз. Я поднялась к ней, и мы немножечко поболтали. Знаешь, эта розовая рубашечка ей очень к лицу...

– Мне очень жаль, Марианна, – с трудом сдерживая раздражение, проговорила Элоиза. – Ей не следовало выходить из комнаты. Я не хочу, чтобы ребенок надоедал гостям.

И она посмотрела на Марианну, словно извиняясь перед гостьей за наверняка сказанную маленькой мерзавкой дерзость или какой-то иной непростительный промах. И с ее точки зрения дерзость действительно была! Габриэлла посмела показаться гостям, и они нашли ее «прелестной»... В глазах Элоизы это был тягчайший грех, но Марианна Маркс не могла этого знать.

– О, это была моя вина! – отмахнулась она. – Когда я ее увидела, то просто не смогла удержаться. У нее такие красивые глазки, такие чудные мягкие волосы... Девочке хотелось посмотреть мою диадему – представь, она решила, что это корона, – умилилась Марианна, приглашая и Элоизу разделить ее чувство.

– Надеюсь, ты не позволила ей хватать твою диадему руками?

Во взгляде и голосе Элоизы было что-то такое, что Марианна не решилась сказать правду. Вместо этого она, переменяя тему, заговорила о чем-то постороннем. Когда они с Робертом вышли из дома Харрисонов и сели в такси, Марианна неожиданно сказала:

– Ты знаешь, Боб, по-моему, Эл слишком сурова с девочкой. Тебе не кажется?.. Когда я ей рассказала, как мы сегодня болтали с Габриэлкой, она вдруг повела себя так, словно малышка могла чуть ли не украсть мою диадему!..

– Может быть, она придерживается устарелых взглядов на воспитание, – рассеянно отозвался Роберт. – Я думаю, на самом деле Элоиза боялась, что ребенок надоест гостям. Не

всем, знаешь ли, нравится общаться с маленькими девочками, да и дети не всегда хорошо разбираются, что к чему.

– Не представляю, кому может не понравиться эта очаровательная крошка, – улыбнулась Марианна. – Габриэлла очень мила и прекрасно воспитана. В ее годы дети редко бывают такими серьезными. Конечно, она могла бы быть и поживее, но... – Она вздохнула и закончила: – Как бы мне хотелось, Боб, чтобы у нас была своя девочка!

– Я знаю... – Роберт тоже вздохнул и, сочувственно похлопав Марианну по руке, отвернулся к окну, чтобы не видеть печального лица жены. Они были женаты уже девять лет, но детей у них не было. Недавно они узнали, что у Марианны вряд ли вообще когда-нибудь появится малыш. И теперь им оставалось только смириться с неизбежностью.

– Кстати, и с Джоном она тоже разговаривает довольно резко, – заметила Марианна после долгой паузы. Она никак не могла отвлечься от мыслей о детях, которых у них никогда не будет, и все вспоминала Габриэлла.

– Кто? – спросил Роберт, который давно уже думал о другом. Прошедшая неделя была для него не из самых легких, а в понедельник предстояли еще одни сложные переговоры. Иными словами, проблемы семейства Харрисонов его интересовали мало – ему хватало своих.

– Элоиза, – пояснила Марианна, и Роберт кивнул.

– Да, пожалуй, – согласился он, вспоминая прошедшую вечеринку.

– Когда Джон танцевал с этой англичанкой... ну, которую привел князь Орловский, – продолжала Марианна, – Эл смотрела на него такими глазами, что мне даже стало не по себе. Мне показалось, что она готова была его убить. Или обоих.

Роберт невольно улыбнулся такой оценке.

– Думаю, Джон просто выпил лишнего, – сказал он и добавил немного погодя: – А какими глазами смотрела бы ты, приди мне в голову пригласить на танец эту красотку?

Он шутливо приподнял бровь, и Марианна рассмеялась.

– Такими же, Боб, такими же... – ответила она, беря его за руку. – Весьма развязная особа, к тому же на ней почти ничего не было...

Англичанка, о которой шла речь, и в самом деле была одета весьма вызывающе. Тонкое атласное платье телесного цвета, которое облегалo ее плотно, как вторая кожа, не скрывало ничего из того, что призвано было скрывать. Наоборот, оно скорее подчеркивало соблазнительную анатомию ее чувственного тела, и на протяжении всей вечеринки мужчины буквально не сводили с нее глаз. И Джон Харрисон не был исключением.

– Пожалуй, я понимаю Элоизу, – задумчиво добавила Марианна и вдруг спросила с самой невинной улыбкой: – А ты?... Разве тебе эта Джейни не показалась привлекательной?

Но Роберт слишком хорошо знал свою жену, чтобы попасться на эту удочку. Вместо ответа он только от души рассмеялся и покачал головой. Такси уже сворачивало к их дому на Семьдесят девятой улице, и Роберт рассчитывал уйти от ответа, но Марианна не отставала.

– Нет, скажи!.. – потребовала она, дернув его за рукав. – Неужели Джейни тебе ни капельки не понравилась?

– Ни в коем случае, мэм, – ответил Роберт с напускной торжественностью. – Во-первых, она косит, а во-вторых... Во-вторых, с такой фигурой, как у нее, нельзя носить открытые платья. Просто не понимаю, о чем думал Орловский, когда приглашал ее на вечеринку...

Тут они оба рассмеялись. Роберт был прирожденным дипломатом, и Марианне редко удавалось загнать его в угол своими каверзными вопросами. Так и сейчас он подтвердил свою лояльность жене и в то же время не погрешил против истины. Огромные зеленые глаза Джейни действительно были с легкой косинкой, которая, впрочем, ничуть ее не портила. Что касалось слишком откровенного платья, то и здесь Роберт был прав: такое тело, как у нее,

надо было прятать под самым толстым драпом, чтобы окружающие мужчины не походили с ума.

Впрочем, на самого Роберта красавица-англичанка действительно не произвела никакого впечатления. Его уже давно не интересовал никто, кроме его собственной жены. Роберт обожал Марианну, и ему было совершенно наплевать на то, что она не может иметь детей. Сейчас ему хотелось только одного – как можно скорее подняться с ней на второй этаж и запереться в спальне.

Примерно в это же самое время похожий разговор происходил между Элоизой и Джоном. Правда, здесь преобладали повышенные тона и, уж точно, совсем другие намерения.

– Знаешь, – едко сказала Элоиза, – в какой-то момент мне показалось, что сейчас ты начнешь ее раздевать.

Джон действительно весь вечер танцевал только с Джейни и так крепко прижимался к ней, что это заметили все – в том числе и князь Орловский. Впрочем, самому Джону было решительно наплевать на произведенное впечатление. Еще до прихода гостей он совершил опустошительный набег на бар в кабинете, потом пил шампанское и мартини и вскоре вовсе перестал соображать, что делает. Впрочем, именно этого ему и хотелось больше всего.

Теперь Джон сидел на кровати, широко расставив ноги и опираясь на руки. Воротник его рубашки был растянут, «бабочка» съехала куда-то к левому уху, а влажные светлые волосы (он вынужден был намочить голову под краном, чтобы прийти в себя) клином свисали на лоб.

– Ради бога, Эл, пр... прекрати!.. – пробормотал Джон заплетающимся языком. – Я просто хотел быть вежливым. Джейни недавно в Штатах, и ей многое еще кажется чужим, странным. Я хотел, чтобы она чувствовала себя как дома...

– Как удачно... для тебя, – холодно произнесла Элоиза. – Если судить по тому, что вы практически целовались у всех на глазах, то тебе это удалось, мистер Гостеприимство. Ну а то, что у нее с плеча соскользнула бретелька и все увидели ее грудь, это, наверное, было простой случайностью. Верно я говорю, Джон?..

Элоиза тоже выпила больше обычного, но, в отличие от Джона, продолжала держать себя в руках. Теперь она расхаживала по комнате из стороны в сторону и нервно курила, презрительно поглядывая на пьяного мужа.

– Ничего мы не целовались, и ты это отлично знаешь, – возразил он. – Мы танс... танцевали.

– Пожалуй, ты прав, – неожиданно согласилась Элоиза. – Вы не целовались. Вы почти что трахались под музыку...

Она остановилась посреди комнаты и притопнула каблуком.

– Ты унизил меня перед моими друзьями, подонок! – прошипела она с неожиданной злобой. – И ты за это заплатишь!..

Как уже убедилась Габриэлла, слова у ее матери никогда не расходились с делами, однако Джон только громко фыркнул.

– Быть может, Эл, если бы ты не отказывалась спать со мной, мне бы и в голову не пришло танцевать подобным образом с первой попавшейся... незнакомкой, – проговорил он и сразу же подумал, что на самом деле ему уже давно безразлично, спит с ним Элоиза или нет. Особенно после мерзких сцен избиения Габриэллы.

– Ты мерзавец! – выкрикнула Элоиза. – Отвратительный, мерзкий негодяй!

– На себя посмотри! – заорал в ответ Джон, и лицо его налилось темной кровью. Обычно он старался не повышать голоса, чтобы Габриэлла не слышала их ссор, но сейчас он совершенно забыл о дочери. К счастью, на этот раз Габриэлла действительно ничего не слышала. Она крепко спала.

– Ты пьян, Джон, – Элоиза подошла к мужу так близко, как только осмелилась. Джон был в ярости, а все потому, что жена была совершенно права: он действительно был не прочь отбить девчонку у Владимира Орловского. «И, пожалуй, еще не поздно, – подумал Джон неожиданно. – А Элоиза?.. Что ж, плевать на нее...»

Его любовь к Элоизе остыла уже давно и окончательно, и он считал, что продолжать хранить ей верность только потому, что они состояли в браке, было бы глупо. Больше того, Элоиза заслуживала всяческого пренебрежения с его стороны уже тем, что была холодна с ним и жестока с дочерью. На этом основании Джон считал, что ничем ей не обязан.

– Ты просто убудок, а она – шлюха, – заявила Элоиза, желая унизить и уязвить его. Но Джону было все равно, что она думала или говорила, к тому же он был действительно пьян, сильно пьян. В эти минуты он ненавидел свою жену, и она это почувствовала. И – из предосторожности – отступила на полшага назад.

– А ты – сука, мерзкая сука, Элоиза. Даже хуже... И все об этом знают. В этом городе не найдется ни одного порядочного мужчины, который бы захотел тебя.

На этот раз Элоиза решила не тратить слов. Вместо этого она чуть откинулась назад и с размаху вlepила ему пощечину, вложив в это движение всю свою силу.

Джон покачнулся и... неожиданно рассмеялся странным, лающим смехом.

– Не трать силы зря, дорогая. Я тебе не Габриэлла...

С этими словами он, не вставая с кровати, резко выбросил вперед правую руку и с такой силой ударил Элоизу кулаком в живот, что она попятилась. Налетев на кресло, она потеряла равновесие и упала на пол, зацепив по дороге журнальный столик, который свалился на нее.

Прежде чем Элоиза сумела встать, Джон быстро вышел из спальни, с грохотом захлопнув за собой дверь. На жену он даже не взглянул – ему было все равно. Мысль о том, что Элоиза могла сильно удариться или что-нибудь себе сломать, даже не пришла ему в голову. Впрочем, если бы это действительно было так, Джон только порадовался бы – он считал, что Элоиза этого заслуживала. Она методично мучила их обоих: его самого и его маленькую девочку.

Выйдя из дома, Джон ненадолго остановился на ступеньках парадного крыльца. Куда он пойдет сегодня ночью, пока не ясно. В этот час Джейни, скорее всего, была в постели с Орловским, поэтому к ней он поехать не мог, хотя она и сообщила ему свой адрес. Но, кроме Джейни, существовали и другие девушки, которым Джон время от времени звонил. Среди них были профессиональные проститутки, к услугам которых он изредка прибегал; замужние дамы, которые бывали рады провести с ним вечерок; одинокие или разведенные женщины, лелеявшие надежду, что Джон когда-нибудь оставит ради них «свою стерву». Много, много красоток были не прочь переспать с ним, и Джон не упускал ни одной возможности сходить налево. Почему бы, собственно, нет? В конце концов, каждая встреча с другой женщиной была его маленькой мстью Элоизе.

Подумав об этом, Джон сбежал с крыльца и, остановив проезжавшее по улице такси, забрался внутрь и назвал адрес. Водитель опустил флажок, и машина отъехала как раз в тот момент, когда Элоиза, прихрамывая, подошла к окну. Падая, она сломала каблук и ушибла бедро. На ее лице не было ни тени раскаяния или сожаления о том, что произошло. О, вся ее фигура дышала жгучей ненавистью и яростным гневом, который требовал немедленной разрядки. Джон уехал – уехал к одной из своих шлюх, но Элоиза знала, кто может заплатить ей за это оскорбление.

Сорвав с ноги вторую туфлю, она швырнула ее в дальний угол спальни и в одних чулках вышла в холл. Элоиза шагала по коридору, и глаза ее горели яростным огнем. Джон еще узнает, каково это – оскорблять ее. Сейчас Элоиза хотела только одного – сделать как можно больше именно ему.

Включив свет, чтобы видеть, что делает, Элоиза резким движением сдернула одеяло с маленькой кровати. Наивная уловка Габриэллы, которая по своему обыкновению спала, укрывшись с головой, в ногах кровати, ни на мгновение ее не обманула. Элоиза знала, что дочь должна быть в постели, и она действительно была там – крошечный, жалкий комочек, скорчившийся, словно от сильного холода. Так эта подлая девчонка – такая же мерзкая и отвратительная, как ее отец, – пряталась от своей матери, и Элоиза с особенной остротой почувствовала, что ненавидит, ненавидит ее каждой клеточкой своего тела.

В этот момент Габриэлла пошевелилась, и Элоиза увидела куклу, которую девочка прижимала к груди. Эту куклу Элоиза тоже ненавидела, потому что ее подарила девочке мать Джона, и с тех пор мерзавка всюду таскала ее с собой.

Не помня себя от ярости, Элоиза выхватила у Габриэллы куклу и принялась колотить ею о стену. Уже на втором ударе фарфоровая голова треснула, на третьем – разлетелась на куски, а Элоиза никак не могла остановиться.

– Нет, мамочка, нет! Не убивай Меридит! – Проснувшись, Габриэлла не сразу поняла, в чем дело. Она только чувствовала, что происходит что-то ужасное. Когда же девочка увидела, что от ее любимой куклы остались одни ноги и туловище, она зарыдала – так велико было ее горе. Отныне одиночество становилось всеобъемлющим.

– Мамочка, миленькая, не надо, пожалуйста!.. – всхлипывала Габриэлла и даже пыталась схватить мать за руки, хотя и знала, что за это ей достанется вдвойне.

– Вот тебе, вот!.. – приговаривала Элоиза, с наслаждением уничтожая куклу. – Эта дурацкая кукла давно мне надоела. Я ее ненавижу. И тебя ненавижу, мерзкая, испорченная девчонка! Что ты рассказала Марианне? Небось пожаловалась на меня, да? Отвечай, ты жаловалась ей на меня?! А сказала ты Марианне, что ты заслуживаешь, чтобы тебя драли каждый день, нет – двадцать раз в день?! Ты рассказала доброй тете Марианне, что ты – маленькая дрянь, шлюха, что родные отец и мать тебя ненавидят, потому что ты не желаешь их слушаться и все делаешь назло?! Отвечай – сказала?! Сказала, сказала, СКАЗАЛА?!

Элоиза уже не кричала – она ревела, как самое страшное чудовище из самой страшной сказки, и Габриэлла только всхлипывала от ужаса и от боли, когда остатки куклы начали опускаться ей на плечи, на голову, на руки, которыми она пыталась закрыть лицо. Наконец кукла окончательно развалилась, и Элоиза принялась работать кулаками, в слепой ярости не видя, куда попадает. Она хватала Габриэллу за рубашонку и трясла, как пес трясет половую тряпку; она таскала ее за волосы и била лицом о плетеную боковину кровати до тех пор, пока сама не устала и не задохнулась.

На памяти девочки это было самое жестокое наказание. Казалось, вся злоба и все разочарование матери выплеснулись на нее словно кипящий котел. Габриэлла понятия не имела о том унижении, которое Элоиза пережила, когда ушел Джон, и принимала эту бешеную ярость на свой счет. Девочка уже не помнила себя от боли и страха, но какая-то часть ее истерзанной души была уверена: она такая плохая, что действительно заслужила это страшное наказание. И смириться с этой мыслью было тяжелее всего.

Элоиза наконец ушла, оставив Габриэллу почти в бессознательном состоянии. Простыня была испачкана в крови, а при каждом вдохе в бок девочке как будто вонзался длинный и острый стеклянный осколок. Габриэлле неоткуда было знать, что у нее треснуло два ребра – она просто чувствовала боль, которая становилась еще сильнее при малейшей попытке пошевелиться. Она даже дышала с трудом, а между тем ей отчаянно хотелось по-маленькому. Зная, что, если она намочит постель, мать наверняка убьет ее, Габриэлла попыталась приподняться, но тут же снова упала на постель и негромко заскулила от боли.

Разбитая вдребезги кукла исчезла. Габриэлла догадалась, что мать забрала ее с собой, чтобы выбросить в мусорный контейнер. При мысли о том, что ее любимая куколка умерла, у Габриэллы снова подступили слезы к глазам, однако она сдержалась. Что-то подсказывало

ей, мать утолила на сегодня свою ярость, накормила сидящего в ней голодного дракона и больше не вернется, как это частенько бывало. Завтра утром мама, скорее всего, встанет поздно, а значит, ближайшие несколько часов должны были быть спокойными.

Относительно спокойными... Девочка поняла это, как только попыталась лечь поудобнее и накрыться одеялом. Дракон, который поселился в маме, съел, изжевал, переварил Габриэлла и выплюнул остатки. Все тело у нее болело.

Она долго лежала в постели и смотрела на лампу под потолком, которую Элоиза оставила включенной, и не могла даже плакать, а только вздрагивала, как от холода. Ее и вправду знобило. Кое-как она натянула на себя одеяло. При каждом вдохе в бок ей вонзался уже не один, а целый десяток стеклянных осколков или длинных стальных ножей. В отчаянии Габриэлла подумала, что умирает, и неожиданно пожелала, чтобы это было действительно так. В целом мире не осталось ни одной вещи, ради которой стоило бы жить. Ее куколка умерла – мама убила ее, и Габриэлла знала, что рано или поздно саму ее постигнет такая же судьба. Мама, которой она доставляет столько огорчений, хлопот и горьких разочарований, в конце концов не выдержит и размоет ей голову о стену. И чем скорее это случится, подумала Габриэлла, тем будет лучше для всех.

В эту ночь Элоиза спала не раздеваясь. Она слишком устала и слишком много выпила, чтобы стаскивать с себя тесное атласное платье. Разметавшись на широкой двуспальной кровати, она даже негромко похрапывала, пока ее дочь лежала в луже крови и мочи, ожидая, пока с небес слетит ангел и заберет ее. Время от времени Габриэлла вспоминала о Марианне Маркс и о тех чудесных минутах, которые выпали ей сегодня вечером, но сейчас они казались девочке такими далекими, что впору было всерьез усомниться, действительно ли это было или только пригрезилось.

Потом она впала в странное состояние. Ей было слишком больно, даже когда она лежала неподвижно. Одно чувство росло в ее маленькой душе, и оно было таким огромным и сильным, что очень скоро вытеснило все остальное. Даже боль стала почти терпимой. Габриэлла поняла, что ненавидит свою мать. Ненавидит и будет ненавидеть всегда, до самой смерти.

В то же самое время Джон лежал в объятиях итальянской проститутки, которую он подцепил в нижнем Ист-Сайде. Ни Габриэлла, ни Элоиза не видели, где он и что с ним, но для обеих это больше не имело значения. Что касалось Элоизы, то она сказала себе, что ей наплевать: пусть Джон будет хоть в аду. Габриэлла же твердо знала: будь папа хоть за тридевять земель, хоть совсем рядом, он все равно не сможет защитить ее. Она осталась совершенно одна на свете. Хотелось только умереть, потому что смерть сулила избавление. А может, даже и больно не будет.

Так, размышляя о смерти, которую она с недетской серьезностью звала и приветствовала, Габриэлла незаметно провалилась в спасительный сон без сновидений.

Глава 3

Джон вернулся домой только в начале девятого утра. Бесшумно отворив и закрыв за собой парадную дверь, он поднялся по лестнице на второй этаж и, стараясь не шуметь, пошел по коридору к спальне. У дверей детской он, однако, остановился, заметив пробивающийся из-под нее свет. Это его не удивило – Джон знал, что Габриэлла обычно просыпается рано. Он мельком заглянул в спальню дочери и обнаружил, что девочка вроде бы спит. Голова побаливала, запах перегара после вчерашнего перебивал все остальные, так что привыкший ничего не замечать Джон поспешил облегченно вздохнуть. Пожалуй, обошлось. Наверно, Элоиза не трогала ее. Усталость ли взяла свое, или Элоиза просто слишком много выпила – так или иначе, похоже было на то, что на этот раз Габриэлле не пришлось расплачиваться за грехи отца.

И, подумав так, Джон погасил свет в детской и на цыпочках двинулся дальше.

Открыв дверь спальни, он еще больше уверился в том, что его догадка была правильной. Элоиза спала не раздеваясь, не сняв ни бриллиантового ожерелья, ни серег. Ее сон был так крепок, что она не пошевелилась, даже когда Джон улегся рядом с ней. За годы супружества он успел неплохо изучить ее и знал, что когда Элоиза проснется, то не станет заводить ту же шарманку и вспоминать о его вчерашнем поведении и бегстве. Это, однако, не означало, что Элоиза простила мужа. Джон предчувствовал, что она будет холодна, саркастична, едко-молчалива, но это продлится всего день, от силы – два. Элоиза редко возвращалась к предмету ссоры после того, как был выпущен последний снаряд, клинки вычищены и убраны в ножны и уничтожены все следы потерь обеих сторон. Впрочем, Джон знал и то, что в следующий раз она все ему припомнит.

Вскоре Элоиза проснулась. Она несколько раз перевернулась с боку на бок, потом лениво потянулась и, открыв глаза, в упор посмотрела на Джона. Она была ничуть не удивлена, обнаружив рядом с собой вчерашнего громовержца, унесшегося в ночь на крыльях праведного гнева. Элоиза с самого начала была уверена, что он вернется. Джон дремал вполглаза, наверстывая упущенное. Разумеется, этот негодяй провел ночь с одной из своих шлюх. С кем именно, Элоиза не интересовалась. Единственная соперница, которая постоянно подворачивалась под руку, спала в комнате чуть дальше по коридору.

Не сказав ни слова своему блудному мужу, Элоиза встала и, сняв серьги и ожерелье, ушла в ванную. Вчера она действительно выпила лишнего, и теперь в правом виске тупо ворочалась боль, однако все события вчерашнего вечера и ночи Элоиза помнила отчетливо и ясно. В особенности то, что произошло после ухода Джона. И, вспоминая об этом сейчас, Элоиза почувствовала мрачное удовлетворение – Габриэлла заслужила трепку. И Джон тоже. Правда, все досталось одной Габриэлле.

В начале одиннадцатого Элоиза спустилась вниз, чтобы приготовить завтрак, и с неудовольствием обнаружила, что Габриэлла еще не вставала. Раздражение ее усилилось еще и оттого, что хозяйничать пришлось самой. Готовя тосты и овсянку, она несколько раз недобрым словом помянула экономку, хотя сама дала ей выходной. Вчера вечером той пришлось задержаться допоздна, помогая официантам убирать посуду и приводить в порядок дом. Впрочем, на самом деле Элоиза ничего против экономки не имела. Она работала у Харрисонов уже несколько лет и была молчаливой, безответной женщиной, содержащей дом в образцовом порядке. В особенности Элоизе нравилось, что экономка не лезла не в свои дела, и это было действительно так. Безусловно, она не одобряла, как хозяйка обращается с дочерью, но помалкивала и никогда не вмешивалась, даже если Элоиза начинала «воспитывать» Габриэлла у нее на глазах.

Дождавшись, пока сварится кофе, Элоиза налила себе полную чашку и, сев за стол, взяла в руки газету. Примерно через четверть часа явился Джон. Он тоже налил себе кофе и, сделав несколько глотков, с видимым отвращением отодвинул от себя чашку.

– А где Габриэлла? – спросил он. – Все еще спит?

– Она вчера поздно легла, – холодно ответила Элоиза, не отрывая глаз от газеты.

– Может, разбудить ее? – снова спросил Джон.

В ответ Элоиза только пожала плечами. Джон взял со стола воскресный выпуск «Таймс», раскрыл его на страницах, посвященных деловой информации, и углубился в чтение.

Еще через полчаса он снова вспомнил о Габриэлле.

– Может, она заболела? – спросил Джон, откладывая газету в сторону. Он действительно немного беспокоился, но ему и в голову не пришло, в чем может состоять истинная причина отсутствия девочки, которая обычно вставала очень рано и первой приходила сюда – не столько благодаря воспитанию Элоизы, сколько из-за острого чувства голода, которое не позволяло ей особенно разлеживаться в постели. На самом деле Джон давно должен был понять, что после их ссор Элоиза всегда вымещает свою злобу на Габриэлле. Увы, истина состояла в том, что он просто не желал этого знать и продолжал закрывать глаза на очевидное.

Но когда часы в коридоре гулко пробили одиннадцать, Джон залпом допил остывший кофе и поднялся в детскую.

Габриэлла перестилала постель, двигаясь с медлительной осторожностью человека, страдающего от сильной боли. На ее распухом лице застыла маска болезненной сосредоточенности, жесты были неуверенными, скованными, но Джон ничего этого не заметил.

– С тобой все в порядке, милая? – спросил он.

Габриэлла кивнула в ответ, но ее глаза снова наполнились слезами. Все утро она думала о Меридит, которая умерла прошлой ночью. Девочке казалось, что вместе с куклой, которую мать вдребезги разбила о стену, умерла и она сама. Еще никогда Элоиза не избивала дочь с такой яростью и с такой жестокостью, и в этом калейдоскопе боли и ужаса растворилась, исчезла навсегда последняя слабая надежда девочки на то, что когда-нибудь мама сможет полюбить ее. Теперь Габриэлла была совершенно уверена, что рано или поздно мать убьет ее – гадкую девчонку, которая своим поведением не заслужила ни одной улыбки, ни одного ласкового слова. Это приводило девочку в совершенное отчаяние, однако даже оно не могло сравниться с острой режущей болью в боку, которая пронзала ее насквозь при каждом вдохе, при каждом движении. Только эта боль – да еще воспоминание о том, как от удара о стену разлетелась на куски фарфоровая голова Меридит, – вот и все, о чем могла думать Габриэлла.

– Хочешь, я помогу тебе? – предложил Джон, но Габриэлла покачала головой. Она очень боялась. Если мама увидит, как папа помогает ей выполнять ее обязанности, это закончится новым наказанием. Элоиза постоянно повторяла дочери, чтобы она не смела жаловаться отцу и настраивать его против нее. Габриэлла никогда этого не делала – сначала потому, что боялась матери, потом – потому что поняла: папа ничем ей не поможет.

– Пойдешь завтракать? – как ни в чем не бывало предложил Джон, и девочка опять покачала головой. Она боялась встретиться с матерью. Да и голода Габриэлла больше не чувствовала – ей казалось, что она уже никогда в жизни не сможет проглотить ни кусочка. И прежде совместные завтраки были для нее суровым испытанием, теперь же Габриэлле достаточно было неловко пошевелить рукой или слишком глубоко вдохнуть, и в груди у нее сразу вспыхивала огненная боль, от которой темнело в глазах, а на лбу выступал холодный пот.

– Н-нет, папа, я не хочу есть, – с трудом выдавила Габриэлла, заметив, что Джон вопросительно смотрит на нее.

Он подумал про себя, что девочка, должно быть, очень устала. Джон ни в какую не желал замечать ни очевидной неловкости, с какой двигалась Габриэлла, ни распухшей губы, ни запекшейся в волосах крови. Он уговаривал себя, что всему этому должно быть иное объяснение, вроде пресловутого падения с лестницы, и весьма преуспел в этом.

– Пойдем-пойдем, – сказал он. – Я приготовлю тебе оладьи с ежевичным вареньем.

Он говорил почти заискивающим тоном, потому что в глубине души все знал. Но даже думать о том, что Элоиза сделала с их дочерью вчера вечером, Джон боялся. Это сделало бы бремя его вины непереносимым.

Только сейчас он заметил, что поверх платья Габриэлла надела тонкий свитер с длинными рукавами. Она всегда поступала таким образом, когда ее руки оказывались покрыты синяками и ссадинами. Это был бесспорный признак того, что Элоиза снова «воспитывала» дочь, но Джон и тут нашел для себя приемлемую отговорку. «Должно быть, девочка слегка простыла, и ее знобит».

А Габриэлла прикрывала свои увечья свитером совершенно сознательно. Даже дома она не осмеливалась напоминать матери о своем «отвратительном поведении», выставляя напоказ синяки, полученные в наказание за тот или иной «проступок». Между ними трое – включая и Джона – существовало что-то вроде молчаливого соглашения. Девочке милостиво позволялось надевать любую одежду, которая прикрывала бы кровоподтеки, багрово-синие опухоли и ссадины, частенько сплошь покрывавшие худенькие плечи и руки Габриэллы.

– А где твоя Меридит? – неожиданно спросил Джон, оглядевшись по сторонам и не увидев куклы на привычном месте – на тумбочке возле кровати. Обычно девочка не расставалась со своей единственной игрушкой, но сейчас ее нигде не было.

– Она... уехала, – ответила Габриэлла, опустив глаза и прилагая колоссальные усилия, чтобы не заплакать. Ей вдруг вспомнилось, с каким глухим, тошнотворным звуком врезалась в стену белокурая головка Меридит и как полетели в разные стороны осколки фарфора. Она знала, что никогда этого не забудет и никогда не простит мать за то, что она лишила ее единственной подруги. Даже нет, не подруги – Меридит была для нее чем-то большим. Она была дочкой Габриэллы – ее ребенком, изуродованным и убитым у нее на глазах.

– То есть? – удивился Джон, но, спохватившись, решил, что развивать эту тему не стоит. – В общем, спускайся-ка вниз. Сегодня мы пойдем в церковь, и ты обязательно должна что-нибудь съесть.

Сказав это, он поспешно вышел из детской и сбежал вниз, испытывая огромное облегчение от того, что больше не видит печальных глаз дочери. Теперь Джон точно знал, что в его отсутствие случилось что-то страшное, но он не желал расспрашивать об этом ни Габриэлла, ни Элоизу. Подробности очередного наказания ему были ни к чему – он никогда не стремился знать больше того, что ему доводилось увидеть своими собственными глазами. Но даже тогда Джон не предпринимал ничего, чтобы помешать жене и спасти дочь от расправы.

Через некоторое время Габриэлла все же пришла, хотя спуск по лестнице был для нее настоящей пыткой. От боли в груди и в ушибленной лодыжке Габриэлла едва не теряла сознание, но она слишком боялась не выйти к завтраку.

– Ты сегодня поздно, – не поднимая взгляда от газеты, приветствовала ее Элоиза.

– Прости, мамочка, – прошептала девочка. Говорить было больно, но она знала, что ответить необходимо. Для своего же блага.

– Налей себе стакан молока и возьми овсянку, – сказала Элоиза, которой очень не хотелось отрываться от чтения. – Если ты, конечно, проголодалась... – добавила она.

Габриэлла беспомощно оглянулась по сторонам, но, прежде чем она успела что-нибудь сказать, Джон положил ей полную тарелку овсянки, которая уже успела остыть. Он как

раз наливал в стакан молоко, когда Элоиза, дочитав заинтересовавшую ее статью, подняла голову.

– Ты все время ее балуешь, – недовольно произнесла она. – Ты что, хочешь совсем испортить ребенка?

И она посмотрела на него с нескрываемой злобой, которая, впрочем, не имела никакого отношения к Габриэлле. Джон провинился, и Элоиза хотела напомнить ему об этом. Хотя она всегда одергивала его, когда он пытался сделать что-то для девочки.

– Сегодня воскресенье, Эл, – ответил Джон с таким видом, будто это все объясняло. – Хочешь еще кофе, дорогая?

– Нет, спасибо, – коротко ответила Элоиза. – Я должна идти одеваться. – Она с угрозой посмотрела на дочь. – Да и тебе пора, если не хочешь опоздать в церковь. Сегодня наденешь розовое платье и такую же кофточку. Ясно?

Габриэлла невольно вздрогнула и чуть не зарыдала, представив себе ту муку, которую ей придется испытать, переодеваясь в парадную одежду. Но приказ был совершенно недвусмысленным, как и намек на страшное наказание, которое грозит ей, если она ослушается.

– И оставайся в детской, пока тебя не позовут, – привычно добавила Элоиза. – Постарайся за это время не изгваздаться.

Габриэлла только кивнула и, так и не притронувшись к овсянке и молоку, выскользнула из-за стола. Она знала, что сегодня ей потребуется гораздо больше времени, чем обычно, чтобы переодеться и расчесать волосы. Не дай бог лишний раз испытывать терпение матери. Промолвив свое вымученное «спасибо», она проковыляла к себе.

Джон молча проводил ее взглядом. Что он мог сказать? Заговор молчания накрепко связывал его с Элоизой – ни возмутиться, ни что-нибудь сказать он не смел. Да, по правде говоря, ему и не хотелось.

Подниматься по лестнице оказалось намного труднее, чем спускаться, однако в конце концов Габриэлла сумела добраться до своей комнаты. Сначала она пошла еще раз умыться. Ополоснувшись холодной водой, Габриэлла убедилась, что лицо почти в порядке. Поистине мастерство Элоизы не знало границ. Потом, отворив дверцу стенного шкафа, она сразу нашла розовое платье, о котором говорила мать, но натянуть его оказалось невероятно трудно. Поминутно морщась от боли и отирая слезы, которые катились из глаз против ее воли, Габриэлла в конце концов сумела одеться и даже умудрилась застегнуть верхний крючок на спине. Как она ни старалась, до остальных ей было не дотянуться, и в конце концов девочка решила, что кофточка скроет ее «неряшливость» от пронизательного взора матери.

К назначенному времени она была готова. Заслышав в коридоре резкий голос Элоизы, Габриэлла поспешным движением подтянула гольфы (на этот раз она действительно чуть не упала, так как от боли у нее сразу закружилась голова) и, выйдя на лестницу, стала осторожно спускаться, держась обеими руками за перила. В розовом платьице, удачно скрывшем все синяки, она выглядела как настоящий маленький ангелочек, вот только не один из небожителей не имел таких больших голубых глаз, полных горя и боли.

– Ты что, причесывалась вилкой и ножом? – встретила ее внизу Элоиза. Волосы девочки действительно были в беспорядке – она так и не сумела уложить их как следует и наивно надеялась, что мать этого не заметит.

– Я забыла... – пролепетала Габриэлла. Это было первое, что пришло ей в голову, к тому же так мать не могла уличить ее во лжи. Скажи она, что причесывалась – и наказание последовало бы незамедлительно.

– Вернись в комнату и приведи себя в порядок, – не терпящим возражений тоном заявила Элоиза. – И подвяжи волосы атласной лентой. Думаю, розовая будет лучше всего.

На этот раз Джон неожиданно пришел к ней на помощь. Он достал из кармана пиджака расческу, но, вместо того чтобы дать ее девочке, принялся сам расчесывать ее длинные шел-

ковистые локоны. Почти сразу Джон наткнулся на опухоль, но притворился, будто ничего не замечает. Меньше чем через минуту Габриэлла выглядела вполне прилично, и Джон убрал расческу в карман.

– Сегодня обойдемся без ленточки, – сказал он жене, и Габриэлла поглядела на него с благодарностью и восхищением. В темном костюме, белой сорочке и красно-синем галстук Джон Харрисон выглядел очень представительно. Элоиза ничуть ему не уступала. Светло-серый шерстяной жакет с такой же юбкой, боа из перьев, элегантная черная шляпка с вуалью и перчатки из кожи козленка были, как всегда, безупречны. Общую картину дополняли элегантные ботинки из черной замши и сумочка из крокодиловой кожи с золотым замком. Просто картинка из модного журнала. Впечатление портил только сердитый взгляд и свирепо сдвинутые брови, но Габриэлла уже и не помнила, когда ее мама выглядела иначе.

К счастью, в этот раз Элоиза не стала настаивать на том, чтобы дочь надела розовую ленту. Очевидно, она почувствовала, что Джон настроен оставить последнее слово за собой, и решила, что вопрос не стоит того, чтобы ввязываться из-за него в бесполезную перепалку с мужем. Всегда можно отыгаться на Габриэлле. Элоиза уступила.

В церковь они поехали на такси. Несмотря на это, они чуть не опоздали к началу и заняли свое место на скамье буквально за минуту до начала службы. Габриэлле мать усадила между собой и отцом, и девочка сразу догадалась, что это означает. Каждый раз, когда Элоизе не нравилось, как дочь себя ведет, она с силой стискивала ей локоть или преобильно щипала за руку или за ногу, отчего на коже девочки оставались синяки.

Но сегодня Габриэлла сидела совершенно неподвижно. За всю службу она не только ни разу не переменяла положения, но боялась даже дышать – в основном из-за того, что каждый вдох по-прежнему причинял ей нечеловеческие страдания. Слова священника едва доходили до ее сознания. Габриэлла полностью сосредоточилась на своих собственных ощущениях. Все окружающее представлялось ей каким-то нереальным.

Элоиза рядом с ней полуприкрыла глаза и, казалось, с головой ушла в молитву, однако время от времени она бросала на дочь быстрый, острый взгляд. К счастью, ей так и не удалось обнаружить в поведении Габриэллы ничего предосудительного – такого, что требовало бы немедленного вмешательства.

После окончания службы Габриэлла вышла из церкви вместе с родителями, которые то и дело останавливались, чтобы обменяться приветствиями со знакомыми и соседями. Когда они встречались с кем-то, кто еще никогда не видел Габриэлле, Элоиза – словно действуя со злым расчетом – непременно представляла ее, и тогда девочке приходилось приседать в вежливом реверансе. Для нее это было нешуточным испытанием, однако иного выхода не было. Она даже не могла позволить себе потерять сознание – потом мать непременно припомнила бы ей, как она опозорила ее перед новыми знакомыми или друзьями.

– Какой очаровательный, воспитанный ребенок, – сказал кто-то Джону, и тот с довольным видом кивнул. Вот оно! «Воспитанный ребенок» – именно этого Элоиза и добивалась от Габриэллы, и та изо всех сил старалась вести себя так, чтобы мама была довольна. Сегодня ей это удавалось, хотя только она одна знала, каких мучений это стоило.

Казалось, прошло несколько часов, прежде чем они вышли из церкви и, снова сев в такси, отправились перекусить в «Плазу». Здесь играла музыка, и по залу разносили начищенные серебряные подносы, на которых стояли стаканы с чаем и соками и высились горы сэндвичей. Они сели за отдельный столик, и Джон заказал для Габриэллы горячий шоколад со взбитыми сливками. Это было ее любимое лакомство, но, когда девочка потянулась к сливкам, поданным в высокой вазочке на тонкой ножке, Элоиза переставила их на дальний конец стола.

– Тебе это вредно, – сказала она. – В мире нет ничего более отвратительного, чем толстые дети.

И Джон, и Габриэлла, и сама Элоиза прекрасно знали, что эта опасность девочке не грозит. Сложением Габриэлла походила на голодающих детей, подробный рассказ о несчастной судьбе которых она выслушивала каждый раз, когда ей почему-либо не удавалось доесть завтрак или обед. Но, несмотря на это, взбитые сливки так и не вернулись туда, где она могла бы их достать, а попросить хоть ложечку Габриэлла не решилась. Она лучше всех знала, что не заслуживает ни сливок, ни шоколада, ни – если уж на то пошло – даже и противной липкой овсянки, которую ей всегда подавали к завтраку. Кто, как не она, регулярно выводил маму из себя? Кто, как не она, постоянно пачкался, портил вещи, дерзил, произносил имя Господа всуе, падал с лестниц и набивал себе шишки? Кто, как не она, был отвратительной, мерзкой, непослушной девчонкой, маленьким чудовищем, которое и кормить-то не стоило?

В «Плазе» они сидели довольно долго; Элоиза и Джон разговаривали со знакомыми. В другой день Габриэлла ужасно радовалась бы такому времяпровождению, но сегодня ей было не до того. Боль в груди становилась все сильнее. И когда наконец Элоиза встала и объявила, что пора возвращаться домой, девочка почувствовала настоящее облегчение.

Джон сразу же вышел на улицу ловить такси, а Элоиза немного задержалась. Не спеша расплатившись с официантом, она взяла в руки свою элегантную сумочку и величественно тронулась к выходу. И в ресторане, и в вестибюле мужчины оборачивались на нее, и Габриэлла, которая плелась следом, с невольным восхищением и ненавистью подумала о том, какая у нее красивая мама. «Ну почему, – снова и снова спрашивала она себя, – мама не может быть доброй?»

Это была одна из тех загадок, разгадать которую Габриэлла не могла, как ни старалась. Тем не менее она продолжала ломать над этим голову и – о ужас!.. На выходе из отеля Габриэлла споткнулась и нечаянно наступила на мысок материнной туфли. На черной замше четко обозначилось пыльное серое пятно.

Габриэлла еще не успела до конца осознать, что же она совершила, а Элоиза уже отреагировала. Она остановилась как вкопанная и со злобным удовлетворением указала наманикюрным пальцем на испачканную туфлю.

– Ну-ка, вытри, – сказала она негромко, но у Габриэллы от страха сердце ушло в пятки.

– Прости меня, мамочка, прости, пожалуйста... – залепетала она, беспомощно оглядываясь по сторонам. Поза и жест Элоизы были весьма выразительны и красноречивы, но никто из окружающих этого не замечал или делал вид, что не замечает.

– Вытри немедленно! – повторила она, и Габриэлла опустила на корточки, от страха позабыв про боль. У нее не было платка, поэтому она в панике принялась счищать пыльное пятнышко пальцами. На мгновение у нее в голове промелькнула мысль воспользоваться для этого подолом платья, но это рассердило бы Элоизу еще сильнее.

Габриэлла удвоила усилия. Она терла и терла черную замшу своими тонкими пальчиками, пока они не заболели, но пятнышко грязи никак не желало исчезать. Наконец Габриэлла справилась.

– Только посмей еще раз наступить мне на ногу, и я так тебя отлуплю, что век будешь помнить. – Этой хриплой фразой Элоиза дала дочери понять, что удовлетворена, и Габриэлла мысленно возблагодарила Бога за хорошую погоду. Если бы на улице было мокро, ей вряд ли удалось бы счистить с замши грязь, и тогда мать несомненно избила бы ее.

Впрочем, до вечера было еще далеко, и Элоиза вполне могла передумать.

Домой они возвращались на такси, но поездка не доставила Габриэлле никакого удовольствия. С каждой минутой боль в груди все больше донимала ее. Девочка с трудом сдерживала тошноту. Лицо ее сделалось белым, как бумага, на лбу выступили капли пота, но она не произнесла ни слова жалобы, не издала ни единого звука.

На Элоизу, что называется, напал добрый стих, и, добравшись домой, она совершенно позабыла о дочери. Что касалось Джона, то, учитывая вчерашнюю ссору, Элоиза была с ним

необычайно любезна. По крайней мере, она с ним разговаривала, и в ее голосе не звучало обычной насмешливой холодности.

Не успели они войти в прихожую, как Элоиза тут же отослала дочь наверх. Она терпеть не могла, когда Габриэлла путалась под ногами.

Габриэлла подчинилась почти с радостью. Ей было так больно, что единственное, о чем она в состоянии была думать, это о том, чтобы посидеть неподвижно хотя бы несколько минут. Но, стоило ей очутиться в знакомой обстановке, как она тотчас вспомнила о Меридит. Красивая фарфоровая кукла была ее единственной подругой, которой Габриэлла могла пожаловаться и от которой получала хотя бы видимость сочувствия. Теперь даже этого она лишилась.

Габриэлла все еще раздумывала о том, как она будет теперь жить без Меридит, когда в коридоре послышался смех. Девочка сразу узнала голос матери и даже вздрогнула от удивления. Элоиза вообще смеялась очень редко, а сейчас она хихикала совсем как молоденькая девушка. Джон что-то говорил ей, но слов Габриэлла разобрать не смогла. Потом громко хлопнула дверь родительской спальни, и голоса смолкли. Похоже, мама и папа не ссорятся, потому что в этом случае они принимались кричать друг на друга. Теперь же из их спальни лишь изредка доносились приглушенные взрывы смеха, который отчего-то казался девочке если не счастливым, то вполне беззаботным и довольным.

Габриэлла долго сидела, прислушиваясь и гадая, в чем дело. Она была уверена, что рано или поздно родители выйдут из своей комнаты хотя бы для того, чтобы покормить ее ужином, но ошиблась. Когда часы в холле пробили десять, ей стало ясно, что сегодня ей снова придется лечь спать голодной. Позвать их она не смела, да и вряд ли Джон или Элоиза стали бы объяснять ей свое непонятное поведение. Что ж, лечь без ужина ей было не впервой.

И, преодолевая вновь проснувшуюся в груди боль, Габриэлла стала раздеваться.

В тот вечер никто из родителей так и не пришел к ней. Джон и Элоиза заключили временное перемирие и, уединившись в спальне, торопливо наслаждались друг другом. Элоиза простила – или сделала вид, что простила – Джона за его вчерашнюю выходку, и это было настолько нехарактерно именно для нее, что он чувствовал себя по-настоящему сбитым с толку. Это – и еще то, что в «Плазе» он успел пропустить несколько порций мартини – смягчило его настолько, что впервые за много месяцев Джона физически потянуло к Элоизе – к женщине, которой он уже давно и почти демонстративно пренебрегал.

Что касалось Элоизы, то и она почувствовала влечение к мужу совершенно неожиданно. В душе она уже давно поставила на нем жирный крест, и они до утра ворковали в своей комнате словно двое голубков. Увы – их новообретенные чувства не распространялись на Габриэлла. Оба отлично знали, что этот мир – временный, и каждый спешил получить от него как можно больше удовольствия. Элоиза, во всяком случае, не собиралась жертвовать ни одной минутой, проведенной в постели с Джоном, ради того, чтобы накормить дочь.

Разумеется, Габриэлла могла бы спуститься в кухню и пошарить там – после гостей всегда оставалось много разных вкусок, но кто его знает, что будет, если она так сделает. Куда лучше – и уж точно безопаснее – было оставаться в комнате. Вскоре ей стало ясно, что и папа, и мама совершенно о ней забыли, и Габриэлла легла спать, думая о том, что в этом есть и хорошая сторона. Пусть ее желудок буквально сводило от голода, зато ничего плохого с ней больше не случилось. Правда, было совсем не исключено, что, если папа и мама снова поссорятся и папа, как он часто поступал, уйдет на всю ночь, Элоиза поднимется в детскую, чтобы выместить на ней свою злобу и разочарование, однако думать об этом Габриэлле не хотелось.

И действительно – в этот день ничего плохого не случилось. Джон и Элоиза не поссорились, папа никуда не ушел, и Габриэлла в конце концов уснула.

Глава 4

К девяти годам – пережив еще два года побоев и унижений – Габриэлла наконец нашла для себя что-то вроде отдушины, которая позволяла ей хотя бы на время забыть о боли и страхе. Она стала выдумывать всякие невероятные истории о феях, волшебницах, подмышках, корнях мандрагоры и других удивительных вещах и событиях, потом ей пришло в голову, что она может их записывать. Книжек у нее почти не было, и тетрадки, в которые девочка заносила свои выдуманные истории, коротенькие стишки и письма к воображаемым друзьям, с успехом заменили их. К тому же сам процесс письма ей очень нравился. По большей части Габриэлла писала о счастливых людях, живущих в прекрасной стране, где происходили самые удивительные вещи, и невольно забывала о собственных бедах и невзгодах. Так, буква за буквой, строка за строкой, Габриэлла начала создавать свой собственный мир, в котором она могла чувствовать себя в безопасности.

Она никогда не писала о своей настоящей жизни, о родителях и о наказаниях, которые становились все более жестокими и продолжительными. Эти рассказы и даже коротенькие новеллы были для нее единственным средством спасения, единственным способом уцелеть и не сойти с ума. Уходя в свой выдуманный мир, Габриэлла получала необходимую передышку и возможность хоть ненадолго отключиться от окружавших ее ужасов. За внешне благопристойным и респектабельным фасадом скрывались горы почти нечеловеческих мук. Несмотря на свой не то чтобы солидный возраст, девочка уже догадалась, а вернее – почувствовала, что ни размер годового дохода ее отца, ни дом в престижном районе, ни благородное происхождение, которым так гордились ее родители, ничуть не отменяют мрачной реальности, среди которой она не жила, а выживала. То, с чем Габриэлла сталкивалась каждый день, нормальному человеку не могло привидеться и в самом кошмарном сне. Тем не менее девочка умудрилась сохранить не только здравый рассудок, но и удивительно развитое воображение, которое рисовало ей картины радостного, оптимистического мира. Красота матери, ее элегантные костюмы, ее золотые и бриллиантовые украшения ничего для девочки не значили. Она лучше, чем свои сверстницы, и лучше, чем большинство взрослых людей, понимала, что такое настоящая, нормальная жизнь, и отчетливо видела уродливость и противоестественность жизни собственной. С самого нежного возраста, сначала инстинктивно, потом – все более и более сознательно, она разбиралась в том, что действительно важно, а что – наносное, внешнее, незначительное. Любовь, которой она не знала, означала для нее все. В этом слове был заключен целый мир, о котором она мечтала и который бесчисленное число раз воображала себе, лежа после очередного наказания в своей одинокой кровати.

Знакомые матери – гости, которые приходили к ним в дом дважды в месяц, – продолжали восхищаться ее ангельской внешностью и ее безупречным воспитанием. Габриэлла действительно никогда не дерзила родителям, убирала за собой одежду и даже мыла посуду, когда экономка брала выходной. В школе она отлично успевала по всем предметам. Единственное, что вызывало некоторую озабоченность учителей, так это робость девочки. Она почти никогда не заговаривала первой, предпочитая молчать, если ее не спрашивали.

Физически Габриэлла по-прежнему выглядела намного младше своего возраста, однако в умственном развитии опережала большинство одноклассников. Она была сообразительна и умна, обладала отличной, почти фотографической памятью, но, самое главное – она очень много читала. Уже во втором классе ей разрешили сначала посещать школьную библиотеку, а потом и брать книги на дом, и она всю пользовалась этой возможностью. Взятые в библиотеке книги, как и ее собственные рассказы и стихи, переносили Габриэлле в совершенно иной мир, находящийся в десятках и сотнях световых лет от того ада, в кото-

ром она жила. Неудивительно поэтому, что она читала запоем, посвящая чтению все свое свободное время.

Элоиза сразу заметила, что дочь любит читать, и теперь в качестве наказания часто отнимала у нее книги и убирала под замок карандаши и тетради. Она была достаточно наблюдательна и, заметив, что Габриэлла находит утешение в том или ином занятии, спешила вмешаться, но на этот раз достичь успеха ей не удалось. Когда мать в клочки рвала ее тетради с рассказами и возвращала в библиотеку книги (своих книг у Габриэллы по-прежнему почти не было), девочка просто садилась на стул и начинала грезить о своих далеких мирах, нанизывая выдумку за выдумкой на нити своего воображения.

И этого у нее уже никто не смог бы отнять – разве что вместе с самой жизнью. Даже Элоиза, которая была сверхъестественно проницательна во всем, что касалось поведения дочери, так и не сумела распознать, что стоит за этим «бессмысленным», как она выражалась, сидением на одном месте. Она пыталась излечить дочь от безделья, заставляя ее помогать в кухне, драить полы и чистить столовое серебро, но мечтать это Габриэлле не мешало. По причинам, которые она сама еще не понимала, мать потеряла часть своей власти над ней, и порой девочка считала себя если не победительницей, то, по крайней мере, человеком, который уже пережил самое страшное и сумел уцелеть. Что ей теперь были самые грязные работы по дому и самые жестокие наказания? Главное, мать больше не могла быть причиной настоящего горя. Душа Габриэллы стала для нее недоступна. Даже побои Габриэлла переносила теперь легче. У нее теперь навсегда был волшебный мир, в котором все было правильно.

Разумеется, Элоиза продолжала считать Габриэлла ленивой, избалованной, испорченной девочкой. Она считала, что ей уже пора начать отрабатывать свой долг перед родителями, и с каждым днем на худенькие плечи Габриэллы ложилось все больше и больше забот. Свободного времени у нее почти не оставалось, поскольку каждый раз, когда мать заставляла ее «праздно» сидящей за своим письменным столом, она тут же находила для нее какое-нибудь дело. Ее жизнь больше, чем когда-либо, напоминала жестокую борьбу за существование. По мере того как девочка становилась старше, предъявляемые к ней требования становились все жестче, а правила игры менялись чуть ли не каждый день. Все это заставляло Габриэлла на лету ловить малейшие признаки нарастающего раздражения или близкой вспышки гнева, чтобы своевременно предупредить их. Однако удавалось ей это далеко не всегда. Элоиза слишком ненавидела дочь, а значит, всегда находила повод показать это.

Она продолжала жестоко избивать Габриэлла. Правда, количество уроков в школе прибавилось, и, слава богу, Габриэлла проводила дома на час-два меньше, чем прежде. Зато и преступления, в которых обвиняла ее Элоиза, стали серьезнее. Несделанная домашняя работа, чернильное пятнышко, помятый воротничок, пропавший модный журнал, сломанный зонтик (однажды, когда Габриэлла шла из школы, внезапный порыв ветра просто вывернул зонт наизнанку, и девочке так и не удалось сложить его обратно) – все это дополнило и без того обширный перечень ее прегрешений.

Синяки и кровоподтеки, остававшиеся на ее теле после очередной порки, Габриэлла виртуозно скрывала и от учителей и одноклассников. Впрочем, это было не очень трудно. В школе она почти ни с кем не играла, а приглашать товарищей домой Элоиза ей запретила, так как с трудом выносила присутствие одной Габриэллы. Она считала, что дочь способна разнести весь дом, и не собиралась приглашать ей на подмогу других «таких же, как ты, маленьких мерзких свиненышей», как она говорила. И, глядя на ее искаженное яростью лицо, Габриэлла верила: присутствие в доме хотя бы еще одного ребенка станет для ее матери невыносимо тяжелым испытанием.

Как бы там ни было, за все три года, что она проучилась в школе, учителя только однажды заметили, что с Габриэлла что-то неладно. Когда на переменке она прыгала через

веревочку, подол ее школьного платья слегка задрался, обнажив огромный, черный с желтой каймой, синяк. Классная руководительница, разумеется, спросила у девочки, в чем дело. Габриэлла ответила, что упала, когда качалась на качелях в саду за домом. Объяснение выглядело вполне правдоподобно. Учительница, посочувствовав девочке и посоветовав смазать синяк настойкой арники, вскоре обо всем забыла.

Что касалось Джона, то он по-прежнему ни во что не вмешивался. В последние два года Габриэлла вообще видела отца очень редко. Он уезжал в командировки, посещал отделения банка в других городах, а иногда и просто не приходил ночевать. Постепенно девочке стало ясно, что папа и мама серьезно не ладят друг с другом. Вообще-то, родители никогда не жили особенно дружно, однако когда примерно полгода назад они стали спать в отдельных комнатах, Габриэлла почувствовала смутное беспокойство. Каждый раз, когда ее отец проводил вечера дома, Элоиза сердилась сильнее, чем обычно, и это тоже казалось девочке дурным знаком.

Зато когда Джона не было, Элоиза часто исчезала, оставляя Габриэлле одну или с экономкой. Перед уходом она обычно подолгу говорила по телефону, потом долго и особенно тщательно одевалась.

Габриэлле ясно было одно: отношения между ее родителями становятся все хуже день ото дня. Элоиза, не стесняясь дочери, отпускала в адрес мужа откровенно грубые замечания. Большею частью они касались каких-то таинственных «мужских способностей» папы, которые он проверял на других женщинах. Этих женщин Элоиза называла «шлюхами» и «просто утками», что было девочке не совсем понятно. Правда, «маленькой шлюхой» Элоиза не раз называла саму Габриэлла, и девочка знала, что это – плохое слово, хотя его происхождение оставалось для нее загадкой. В конце концов, она никогда нигде не «шлялась», проводя дома все свободное от занятий в школе время. Но кто такие «просто утки»? Правда, одну такую утку папа «трахнул», однако на обед в этот день была баранина, и Габриэлла начала догадываться, что «трахнуть» означает что-то вроде «переночевать в другом месте». Но не мог же папа в самом деле ночевать в деревянном домике для водоплавающих на пруду в Центральном парке. Однако спросить она не решалась. Мать устроила бы ей очередной скандал, а папа... Папа все больше молчал. Он почти никогда не отвечал Элоизе, когда та заводила речь о его похождениях и называла его «блохастым кобелем» (еще одно непонятное сравнение). Он просто пил все больше и больше, потом вдруг исчезал на несколько дней, а Элоиза вымещала свою злобу на дочери.

По привычке Габриэлла продолжала спать, свернувшись клубочком в ногах кровати, но ей по-прежнему не удавалось обмануть мать. Та находила ее для расправы в любом случае. Ничего поделать с этим было нельзя – оставалось только терпеть. Габриэлла терпела, терпела из последних силенок, зная, что ее единственная задача – выжить, причем выжить в буквальном смысле слова.

То, что она, возможно, стала причиной ссор между матерью и отцом, тоже мучило Габриэлла. Правда, когда Элоиза накидывалась на Джона, она почти никогда не упоминала ее имени, однако Габриэлла каким-то образом чувствовала, что не родись она на свет или родись она хорошей, послушной девочкой, и тогда, быть может, у мамы с папой все было бы по-другому. Но и тут Габриэлла ничего не могла изменить; ей оставалось только смириться с этим, как она смирилась с бранью и побоями.

К Рождеству Джон уже почти не жил дома. Когда он все же появлялся, Элоиза приходила в настоящее бешенство. Это казалось невозможным, но все же она сердилась сильнее, чем когда-либо, насколько помнила Габриэлла. Вместе с тем обвинения в адрес отца стали если не более понятными, то, во всяком случае, более конкретными. Все чаще и чаще она упоминала некую Барбару, с которой папа теперь «жил» и «спал». Кто такая эта Барбара, Габриэлла, естественно, не знала – среди всех друзей и знакомых, перебивавших в их

доме за много лет, не было ни одной женщины с таким именем. Барбару Элоиза тоже называла «шлюхой» и еще – «плебейкой», однако, несмотря на это, Габриэлла чувствовала к этой неизвестной женщине что-то вроде симпатии. Уж если папа спит с нею в одной постели, рассудила она, значит, эта Барбара не может быть такой уж плохой. Габриэлла сама когда-то спала с куклой по имени Меридит, ближе которой у нее никого не было.

И все-таки понять до конца, что на самом деле происходит, она не могла. С каждым днем, нет – с каждым возвращением домой, которые были уже совсем редкими, отец становился все более далеким и чужим. Казалось, его ничто больше не связывает ни с Элоизой, ни с Габриэлкой, ни с домом на Шестьдесят девятой улице. Он почти не разговаривал с дочерью и большую часть времени был сильно пьян.

В Рождество Элоиза вовсе не вышла из своей комнаты. Джон куда-то уехал днем раньше и долго не возвращался. В этом году в доме Харрисонов не было ни елки, ни украшений, ни подарков. Праздничный ужин Габриэллы состоял из бутерброда с ветчиной и листочком свежего салата, который она сама себе сделала. Она хотела сделать такой же и для мамы, но гораздо умнее было держаться тише воды, ниже травы и не попадаться матери на глаза.

Причина ненависти, которую питали друг к другу мама и папа, все еще не была ясна ей окончательно. Габриэлла была уверена только в одном: в том, что все это имеет непосредственное отношение не только к таинственной Барбаре, к которой папа поехал в канун Рождества, но и к ней самой. Во всяком случае, Элоиза не раз заявляла дочери, что лучше бы той не появляться на свет. «Для кого лучше?» – спросила себя Габриэлла теперь. Несомненно – для всех: для нее самой, для мамы и для папы. Значит – она и есть главная виновница того, что мама и папа разлюбили друг друга.

Когда поздним рождественским вечером Джон наконец вернулся домой, он был сильно навеселе, и Элоиза учинила ему грандиозный скандал. Мама и папа не просто орали, запершись в спальне, а бегали по всему дому, опрокидывая стулья и швыряя друг в друга всем, что попадало под руку. Джон кричал, что больше не может этого выносить; Элоиза отвечала, что скорее убьет его и «эту чертову шлюху Барбару», чем позволит Джону уйти из дома. Потом она ударила мужа по щеке, и Джон впервые на памяти Габриэллы ответил ударом на удар. Сначала это потрясло ее, но очень скоро девочка инстинктивно почувствовала, что, как бы ни закончилась эта рукопашная, пострадавшей стороной в конечном итоге будет именно она, и никто другой. И впервые за девять с небольшим лет своей жизни она пожалела о том, что у нее нет ни по-настоящему надежного места, где она могла бы спрятаться, ни знакомых взрослых, к которым она могла бы обратиться за помощью и защитой.

Но помощи ждать было неоткуда, и Габриэлле оставалось только ждать – ждать и надеяться, что и на этот раз все обойдется и мать не забудет ее до смерти.

Часа через два Джон, швырнув в жену последнюю статуэтку с камина, снова куда-то ушел, и Элоиза, слегка переведя дух, ринулась на поиски дочери. Ее волосы были распущены, как у самой настоящей фурии, глаза метали молнии, лицо исказила гримаса свирепой ярости. Она налетела на Габриэллу словно ястреб на цыпленка, схватила за волосы, потащила в детскую и бросила на кровать. После первого же удара Габриэлла почувствовала острую боль в правом ухе, но понять, что случилось, она не успела. На нее обрушился такой ураган, что девочка в ужасе закрылась руками, защищая лицо. Потом в руке матери откуда ни возьмись появился подсвечник. Она с силой ударила им по ногам дочери, но та только вздрогнула. Габриэлла до смерти боялась, что в следующий раз тяжелый бронзовый подсвечник опустится ей на голову, но, к счастью, этого не случилось. Вместо этого Элоиза продолжила молотить дочь кулаками с такой силой, что в голове у бедняжки помутилось.

Габриэлла перестала чувствовать что-либо. Она не стонала, не плакала и даже не пыталась уворачиваться. Инстинкт самосохранения подсказывал ей, что лучше дожидаться, пока

мать выдохнется, но это случилось не скоро. Элоиза была в таком бешенстве, что не ощущала усталости и не замечала даже, что до крови разбила костяшки пальцев правой руки. В конце концов она стащила Габриэлла с кровати и, несколько раз пнув ее ногой, ушла, оставив дочь валяться на полу.

Лишь убедившись, что мать не собирается возвращаться, Габриэлла осмелилась пошевелиться. Как ни странно, на этот раз у нее ничего не болело – только из уха шла кровь. Сознание то отступало, то снова возвращалось подобно морскому приливу, и Габриэлла мерно покачивалась на этих беззвучных волнах, чувствуя, как ее понемногу уносит все дальше и дальше от берегов реальности. В глазах ее сгушался мрак, и Габриэлла приветствовала его, решив, что это и есть смерть – блаженная смерть, которая наконец-то подарит ей покой. Время от времени ей чудились далекие голоса; во мраке проплывали расплывчатые световые пятна, и девочка подумала, что это, наверное, ангелы Господни пришли за ней.

Время близилось к рассвету, когда она осознала, что с ней действительно кто-то разговаривает. Голос показался ей знакомым, но она по-прежнему не могла разобрать слов. Габриэлла даже не понимала, что это ее отец, не видела его слез, не слышала глухого возгласа ужаса, который сорвался с губ Джона, когда, отворив дверь детской, он увидел на полу растерзанное, жалкое существо, лежащее в луже начавшей подсыхать крови. Лицо девочки распухло и почернело, открытые глаза закатились, на ноге зияла глубокая рана, пульс был редким и неровным.

Первым побуждением Джона было вызвать «Скорую помощь», но он знал, что все это – дело рук Элоизы, и боялся вопросов, которые непременно начали бы задавать ему медики. Поэтому, вместо того чтобы вызвать врача на дом, он завернул девочку в одеяло и, легко подняв на руки, выбежал на улицу.

Ему повезло. Он сразу остановил такси и велел водителю срочно отвезти их в ближайшую больницу. До госпиталя Святой Анны они домчались за семь минут, однако за это время Джон едва не поседел. Ему все время казалось, что девочка перестала дышать. Он в отчаянии сжимал ее хрупкие запястья, нащупывая тонкую ниточку пульса. Оказавшись в приемном покое больницы, Джон уложил безвольно обмякшее тело дочери на первую же попавшуюся свободную каталку и хриплым голосом объяснил дежурной сестре, что его бедная Габриэлла упала с лестницы.

По лицу его катились слезы, да и сам он выглядел таким несчастным и растерянным, что ему поверили, хотя от Джона все еще пахло виски. Девочка была в таком состоянии, что ни один нормальный человек не мог бы представить себе даже на минутку, что это – дело рук ее родной матери. Джону, во всяком случае, не задали ни одного вопроса – быть может, еще и потому, что времени не было. Врачи сразу же надели на Габриэлла кислородную маску, ввели в вену толстую иглу капельницы, после чего две санитарки увезли ее в отделение интенсивной терапии. Джон остался ждать в приемной.

Он просидел там несколько часов, прежде чем вышедший к нему молодой врач сказал, что девочка, без сомнения, будет жить. У Габриэллы оказалось сломано три ребра и порвана барабанная перепонка; кроме того, врачи подозревали сильное сотрясение мозга. Страшная рана на ноге, которая так напугала Джона в первые минуты, ни жизни, ни здоровью Габриэллы не угрожала, хотя его и предупредили, что шрам, скорее всего, останется. В заключение врач выразил надежду, что через несколько дней опасность будет уже позади и мистер Харрисон сможет забрать девочку домой.

«Только не домой!» – чуть не выпалил Джон, но вовремя спохватился. Вместо этого он спросил:

– Как вы считаете, сотрясение мозга – это... серьезно?

– Зависит от того, сколько времени прошло от момента падения до поступления в больницу, – ответил молодой врач. – Во сколько это случилось?

Но Джон только покачал головой.

– Возможно, она пролежала без сознания несколько часов, – выдавил он наконец из себя. – Я нашел ее не сразу. Меня, видите ли, не было дома...

И он отвернулся, думая о том, что сказал бы врач, если бы знал правду.

– Думаю, ничего страшного не произойдет, она поправится, – поспешил успокоить его врач, заметив выражение лица Джона. – Домашняя обстановка и соответствующий уход быстро поставят ее на ноги.

И Джон скрепя сердце заверил доктора, что они с матерью сделают все возможное для девочки.

Он не хотел уходить, не увидев дочь, и ему разрешили заглянуть к ней в палату. Габриэлла спала. Это несколько успокоило его, и примерно через полчаса Джон решился наконец уехать. Уже сидя в такси, он неожиданно подумал о том, что он скажет Элоизе. Джон не знал, как остановить ее, как не дать изуродовать или убить девочку. Он хорошо понимал, что вчера Габриэлле спасло только чудо и что в следующий раз ей может не повезти. Он мучился, но решиться ни на что не мог. А лучше всего будет уйти самому, навсегда бросить Элоизу, чтобы никогда больше не видеть того, что он увидел сегодня утром. О дочери, о том, какая судьба ее ждет, Джон почти не думал. В больнице Габриэлла была в безопасности, и это было все, что он желал знать.

Двери особняка он открывал не без содрогания. Когда же обнаружилось, что Элоизы нигде нет, Джон испытал настоящее облегчение. У него словно гора с плеч свалилась. Он понятия не имел, куда она могла отправиться, но не все ли равно. Машинально поглядев на часы, Джон прошел в библиотеку и, налив себе на два пальца чистого виски, опустился в глубокое кресло у камина, раздумывая над тем, что же он все-таки скажет Элоизе, когда наконец ее увидит.

Теперь-то он знал, что Элоиза – бесчувственное животное, злобная инопланетная тварь, бездушная машина, которая способна уничтожить все, к чему ни прикоснется. Когда-то он любил ее, но сейчас воспоминание об этом вызывало в Джоне одно лишь удивление. Он не понимал, как он мог так обмануться. Неужели он и вправду думал, что Элоиза может быть ему хорошей женой и доброй матерью их детям. Теперь, во всяком случае, Джон ничего так не желал, как оказаться от нее как можно дальше.

Элоиза вернулась домой вскоре после полуночи. На ней было вечернее платье из темно-синего бархата, и, несмотря ни на что, Элоиза оставалась чертовски привлекательной женщиной – она сама это знала и пускала в ход свои чары каждый раз, когда это было необходимо. Но только не сегодня.

Увидев мужа, полулежащего на кушетке с недопитым бокалом в руке, Элоиза смерила его взглядом, исполненным ледяного презрения.

– Как любезно с твоей стороны навестить меня, – проговорила она, не скрывая своего отвращения. – А ты неплохо выглядишь, Джон... И все-таки, чему я обязана удовольствием видеть тебя здесь? Что, Барбара уехала из города или просто занята с другим клиентом?

Она стояла прямо перед ним, слегка помахивая в воздухе своей изящной бисерной сумочкой, и Джон испытал сильнейшее желание заорать на нее, выплеснуть остатки виски ей в лицо. Но, что бы он ни предпринял, Элоиза все равно была намного сильнее его. Он, конечно, мог ее ударить, но это до странности ничего не меняло. Рядом с Элоизой он был рохля, тряпка – плюнуть и растереть.

– Тебе известно, где сейчас наша дочь? – спросил Джон заплетающимся языком. Он уже почти опустошил стоявшую в баре бутылку виски и снова был пьян. Несмотря на это, он точно знал, что именно он хочет и должен ей сказать. Единственное, о чем Джон сожалел, это о том, что не сказал ей этого раньше, но раньше он бы не посмел. Барбара вдохнула в

него мужество, вид страшных ран Габриэллы укрепил его решимость, а виски – избавило от вечной, самому ему непонятной зависимости.

– Я вижу, тебе не терпится мне это сказать, – ответила Элоиза и улыбнулась с видом кошки, только что придушившей и съевшей беспомощного птенца. – Ты ее куда-то увез? Спрятал? Выгнал?..

Теперь Джон воочию лицезрел, каким чудовищем была его жена. Но вот чего он никак не мог взять в толк, это где же были его глаза раньше. Да что тут гадать – он сам хотел быть обманутым. Джон вообразил себе, какой должна быть Элоиза, и сам же поверил в собственную выдумку. И даже сейчас он не собирался думать о последствиях этого самообмана.

– Ты была бы рада, не так ли? – Джон криво усмехнулся. – Наверное, надо было отдать девочку в приют сразу после рождения. Или пустить по водам в плетеной корзинке. Ты была бы довольна, да и Габриэлле было бы лучше...

Его лицо снова скривилось, но это была уже не улыбка. Джон с трудом сдерживал слезы.

– Избавь меня от этих глупостей, Джон. Где Габриэлла? У Барбары? Ты что, решил ее похитить? Боюсь, в этом случае мне придется вызвать полицию. – С этими словами Элоиза положила на стол свою элегантную сумочку и села в кресло напротив, скрестив изящные ноги в тонких чулках. – Так что, Джон, где эта мерзавка? Где ты ее прячешь?

О, теперь Джон видел ее насквозь. В ней нет ничего, кроме мрака и черной ядовитой гнили, способной убить все живое. Похоже, Господь забыл вложить душу в это создание, и невольно думалось, а имел ли Творец вообще отношение к этому поистине безбожному существу. Барбара была не так красива, но Джон не был ей безразличен. Ее предки не были аристократами, но у нее и душа, и сердце были на месте. Она любила Джона. И единственное, чего ему хотелось, это навсегда забыть Элоизу, выкинуть ее из своей памяти, из своей жизни, и уехать как можно дальше, чтобы никогда больше с ней не встречаться. Габриэлла мешала ему сделать это, но сейчас он готов был перешагнуть даже через нее. В любом случае помочь девочке было выше его сил – остановить Элоизу Джон не мог. Ему оставалось только спасаться самому, пока не стало слишком поздно.

– Габриэлла в больнице, – сказал он с пьяной многозначительностью. – Когда я нашел ее сегодня утром, она была без сознания.

Он искоса взглянул на Элоизу. Одного этого было вполне достаточно, чтобы его снова затрясло от гнева, и Джон поспешно отвернулся. Теперь он стал бояться потерять над собой контроль. Зная про нее все, он ее убьет. Много можно понять, особенно в близком человеке, но Элоиза была выше его понимания. Ее поведение пугало своей необъяснимостью, полной и беспросветной, хотя в этом он не мог бы признаться себе хотя бы из чувства самосохранения.

– Как удачно, что ты все-таки соблаговолил вернуться домой, – холодно заметила Элоиза. – Мерзавке здорово повезло...

– Если бы я пришел хотя бы на полчаса позже, девочка могла бы умереть, – закричал Джон. – Врачи обнаружили, что у нее сломаны ребра и порвана барабанная перепонка... К тому же они подозревают сотрясение мозга, – он посмотрел на Элоизу и замолчал.

«А мне наплевать!» – вот что было написано на ее прекрасном лице. Переломы, сотрясения – для нее это были пустые слова, коль скоро они относились к такому никчемному существу, как Габриэлла. Она нисколько не чувствовала себя виноватой.

– Ну и что? – равнодушно спросила она, пожимая хрупкими плечами. – Я что, должна зарыдать? Негодяйка заслужила все это и даже больше.

С этими словами она прикурила сигарету и как ни в чем не бывало пустила вверх тонкую струйку голубоватого дыма.

– Ты – сумасшедшая!.. – хриплым шепотом произнес Джон и нервным движением пригладил зашевелившиеся на голове волосы. – Ты маньяк...

Такого даже он не ожидал. Элоиза казалась совершенно непробиваемой – ничто не могло ее ни тронуть, ни взволновать. Ее неколебимое спокойствие и холодная жестокость не знали пределов, и Джона охватила паника.

– Я не сумасшедшая, Джон, – проговорила Элоиза. – А вот ты действительно смахиваешь на шизофреника. Взгляни на себя в зеркало – ей-богу, словно только что сбежал из «желтого дома».

В глубине ее глаз Джон разглядел насмешку, и ему снова захотелось плакать.

– Ты же могла убить ее! Неужели ты не понимаешь?! – снова выкрикнул он, зная, что все, все напрасно. В ней живет безумие, которое способно перекинуться на него.

– Но ведь я ее не убила, не так ли? – холодно возразила Элоиза и тут же добавила: – Хотя, возможно, мне давно следовало это сделать. Ведь все наши проблемы, Джон, – из-за нее и только из-за нее. Если бы я не любила тебя так сильно, я бы не ревновала. Все было чудесно, пока эта маленькая тварь не встала между нами, пока она не очаровала тебя своими ангельскими голубыми глазками и белокурыми патлочками...

Слушая ее, Джон почувствовал, как сердце его леденеет от ужаса. Ему было совершенно очевидно, что Элоиза сама верит в то, что говорит. Обладая холодным, извращенным умом, она убедила себя в том, что девочка действительно виновата во всем, что произошло между ней и мужем, и что Габриэлла на самом деле заслужила то жестокое обращение, которому подвергалась с раннего детства. И теперь никакими словами Элоизу нельзя было убедить в обратном.

«Все бесполезно! – с горечью подумал Джон, закусив от бессилия губу. – Она сошла с ума. Убеждать ее бессмысленно – Элоиза уже не понимает нормальных, человеческих слов».

И тем не менее он сделал еще одну попытку.

– Габриэлла не имеет никакого отношения к тому, что произошло и происходит между нами, – сказал он как можно тверже. – Ты – настоящее чудовище, Эл. Ты просто спятила от ревности. Обвиняй меня, если уж тебе непременно нужно сделать кого-то виноватым, но не трогай Габриэлла. Ненавидь меня, потому что я предал тебя, изменял тебе, потому что я оказался слабаком и не смог дать тебе того, что было тебе нужно, но, пожалуйста, пожалуйста... – Тут он заплакал, но, не смущаясь своих слез, продолжал взывать к ее здравому смыслу: – Прошу тебя, Элоиза, не обвиняй в наших бедах Габриэлла – она здесь ни при чем!..

– Ни при чем, вот как? – Элоиза раздавила в пепельнице сигарету и сразу закурила новую. – Это ты ослеп, а не я... – Она с горечью покачала головой. – Неужели ты не видишь, что Габриэлла сделала с нами... с тобой? Ведь до того, как она родилась, ты любил меня! И я тоже любила тебя, а теперь погляди, что с нами стало!.. И все это из-за этой проклятой девчонки!

Впервые за много-много лет в глазах Элоизы блеснули слезы, и Джон невольно вздрогнул. Она обвиняла их дочь даже в том, что он изменил ей, что полюбил другую женщину.

– Это не она – это *ты* виновата во всем! – воскликнул он. – Я разлюбил тебя, когда увидел, как ты ее бьешь! О, боже, когда-нибудь она будет ненавидеть нас за все, что мы ей сделали!

– Все, что я ей сделала, Габриэлла заслужила, – убежденно повторила Элоиза. – За все то горе, которое она мне принесла, ее надо было бы пороть дважды в день железными прутьями, ее надо было бы убить... Из-за нее я потеряла все – семью, любовь, тебя...

– Но ты... ты же возненавидела ее с того самого дня, как она появилась на свет. Тогда она еще ничего не сделала.

– О, я предвидела, чем все это кончится.

– Остановись, Элоиза, остановись, пока не поздно! – мрачно произнес Джон. – Иначе в один прекрасный день ты убьешь ее и проведешь остаток своих дней в тюрьме.

– Мерзавка этого не стоит, – усмехнулась Элоиза. Она сама не раз думала об этом и старалась сдерживаться, чтобы не зайти слишком далеко. Разумеется, она делала это ради себя самой, соизмеряя силу ударов таким образом, чтобы причинить максимальную боль, но не убить. Но она куда лучше Джона понимала, что минувшей ночью подошла опасно близко к той черте, за которой могло случиться непоправимое. И... нисколько об этом не жалела. Пусть только эта маленькая дрянь вернется из больницы, она ей еще не то устроит.

Джон вспомнил госпиталь Святой Анны, вспомнил острый запах лекарств и безжизненное тело дочери, укрытое крахмальной простыней. Только сейчас он понял, что его запросто могли обвинить в избиении дочери. К счастью, никому это просто не пришло в голову. Ни врач, ни сиделки не могли представить, что такой хорошо одетый, прекрасно воспитанный господин, проживающий на престижной Шестьдесят девятой улице, способен избить ребенка. Любой вопрос на эту тему, даже заданный в самой вежливой форме, мог быть расценен как оскорбление, так что даже если кто-то что-то и заподозрил (а Джон от души надеялся, что это не так), то спросить не решился.

– Я не убью ее, Джон, можешь не беспокоиться, – вдруг заявила Элоиза, и это обещание заставило его содрогнуться. – Кстати, девчонка отлично знает, что во всем виновата. Она хитра и изворотлива. Лгунья проклятая, всем лезет на глаза, лебезит, а эти дураки тают. Ах, какой ангелочек! Она просто изводит меня, каждый день изводит!.. Ну, достаточно, я устала. – Она встала и потянулась. – К тому же твои нотации мне надоели. Ты сегодня ночуешь дома или опять поедешь к своей шлюшке? И когда, кстати, это кончится?

Никогда, мысленно пообещал себе Джон. Никогда! Жить с этой холодной, бессердечной дрянью он не смог бы за все сокровища мира. Но вместе с тем он знал, что должен пробыть здесь хотя бы до возвращения Габриэллы. Жертвовать ради дочери всей своей жизнью Джон не собирался, но его пребывание дома способно на время успокоить Элоизу. И тогда, быть может, девочке хотя бы поначалу будет не так доставаться.

– Я еще немного посижу, – сказал он и, прищурившись на огонь в камине, налил себе новую порцию виски. Джон был очень рад тому, что теперь у них с Элоизой – отдельные спальни. Спать с ней в одной постели ему было по-настоящему страшно – он всерьез начал побаиваться, что Элоиза может без колебаний прикончить его. Он несколько раз говорил об этом и Барбаре, но та нисколько не испугалась, простодушно твердя про законы, про полицию. Что ж, возможно, ей с ее ограниченным умом просто не дано было постичь, насколько Элоиза жестока и опасна. Никто не мог этого понять за исключением его самого и Габриэллы.

– Значит, ты собираешься спать в своей комнате, – констатировала Элоиза и вышла из библиотеки, слегка покачивая бедрами.

Джон взглядом проводил выползающий за дверь шелестящий шлейф ее вечернего платья и залпом проглотил содержимое бокала. Элоизе он ничего не ответил – он снова думал о Габриэлле. Лишь дождавшись, когда наверху хлопнула дверь спальни, Джон поднялся с кушетки и отправился в кухню за новой бутылкой.

Когда поздним вечером Габриэлла наконец очнулась, то не сразу поняла, где находится. В свете небольшого ночника, стоявшего на столике возле кровати, она разглядела белые стены, белый потолок и лицо незнакомой женщины в белой крахмальной шапочке, которая смотрела на нее и озабоченно хмурилась. Заметив, что девочка открыла глаза, женщина ласково улыбнулась, и Габриэлла невольно вздрогнула. На нее еще никто никогда не смотрел с такой добротой и сочувствием.

– Я... в раю? – негромко спросила девочка. Она была уверена, что умерла, и значит, можно ничего не бояться.

– Нет, милая, ты в больнице Святой Анны, но с тобой уже все в порядке... почти в порядке. Сюда тебя привез папа – он только что уехал домой, но завтра утром он снова придет навестить тебя.

В мозгу Габриэллы зародилась безумная надежда, что если она никогда не поправится, то ей, возможно, разрешат остаться в больнице насовсем. Но она была еще слишком слаба, чтобы разговаривать, поэтому только кивнула и сразу же почувствовала боль во всем теле.

– Постарайся не двигаться, – наклонилась к ней молодая сиделка, заметив, как исказилось лицо девочки. И немудрено, сотрясение мозга должно было давать острую головную боль, к тому же из уха Габриэллы все еще сочилась кровь.

– Твой папа сказал, что ты упала с лестницы, – продолжила она, приветливо улыбаясь. – Тебе повезло, что он сразу привез тебя к нам. Но теперь уже все позади. Ты обязательно поправишься, но несколько дней тебе придется полежать у нас. Но не волнуйся – тебе у нас понравится. Мы будем ухаживать за тобой не хуже, чем дома.

Габриэлла снова кивнула, хотя боль сделалась почти нестерпимой. Она была искренне благодарна этой незнакомой женщине, которая разговаривала с ней так спокойно и ласково, как никогда не говорила родная мать.

Потом Габриэлла заснула и плакала во сне. Сиделка несколько раз подходила к ней, чтобы пощупать лоб. Утром она ушла домой, а на дежурство заступила другая, более опытная женщина. Она пощупала девочке пульс, заглянула в зрачки, потом стала менять повязку на ноге. Вид раны озадачил ее настолько, что она несколько мгновений просидела неподвижно, вглядываясь в лицо Габриэллы. В глазах сиделки застыл вопрос, который вчера никто так и не осмелился задать отцу девочки. За свою жизнь она видела много похожих ран и ушибов у других детей и отлично знала, что это следы жестоких побоев.

Но сделать она ничего не могла. Избитые дети, вылежав в больнице сколько положено, неизбежно возвращались в свои семьи. И эта девочка тоже вскоре отправится домой. «Что с ней там будет?» – задумалась сиделка. Дети бедняков рано или поздно попадали в больницу снова и по тому же поводу; что касалось Габриэллы, то тут дело было сложнее. Сиделка понадеялась, что родители девочки слишком напуганы делом своих рук. Возможно, Габриэлла больше никогда не окажется в больничной палате. А может – наоборот. Сказать наверняка не мог никто.

Габриэлла спала так крепко, что даже перевязка не смогла ее разбудить. Утром она плотно позавтракала, а после обхода снова уснула. Она была слишком слаба, и на протяжении последующих нескольких дней в основном ела и спала, хотя дневной ее сон был неглубоким и тревожным. Дома ей никогда не разрешали валяться в постели, и подсознательно Габриэлла боялась, что ее накажут, если застанут спящей. Дважды ее приезжал навестить отец. Каждый раз ему приходилось объяснять, что мать Габриэллы не может приехать, потому что больна. Ему верили, и сочувствовали, и завидовали тому, какая у них славная, воспитанная дочурка. Действительно, Габриэлла не капризничала, не жаловалась, никогда ничего не требовала и с благодарностью принимала все, что для нее делали. Она почти не заговаривала с сиделками и лишь внимательно наблюдала за тем, что и как они делают, и смущенно улыбалась, когда замечала, что на нее смотрят.

Джон приехал забирать ее первого января. Девочка выглядела очень бледной и худой. Когда, поблагодарив врачей и сиделок за все, что они для нее сделали, Габриэлла вышла из дверей больницы, у нее все еще слегка кружилась голова, однако она нашла в себе силы, чтобы обернуться и помахать рукой сестрам и сиделкам, которые смотрели на нее из окон. Все они захотели проводить малышку, потому что успели полюбить Габриэлла. «Второго такого милого и воспитанного ребенка просто не найти», – говорили они. Накануне вечером Габриэлла призналась им, что ей не хочется возвращаться домой. Все согласились, что

такого в их практике, пожалуй, еще не было. За неполную неделю Габриэлла успела сделать любимицей всего педиатрического отделения.

Габриэлла была в отчаянии. В больнице Святой Анны она впервые в жизни столкнулась с человеческим отношением, узнала, что такое жизнь без страха. И возвращение домой было для нее равносильно возвращению в ад.

Когда Габриэлла и Джон приехали, Элоиза поджидала их внизу. Брови ее были сурово сдвинуты, а глаза смотрели обвиняюще и мрачно. Она так ни разу и не навестила дочь в больницу, да и Джону все время повторяла, что все эти глупые сантименты совершенно ни к чему. Он с ней не спорил, но к дочери все равно ездил.

– Ну что, симулянтка, не надоело тебе валяться без дела? – спросила Элоиза, когда Джон поднялся в детскую, чтобы отнести туда вещи девочки и постелить ей постель. Врач сказал, что Габриэлла все еще очень слаба и ей надо как можно больше лежать. К тому же девочка нуждалась в постоянном присмотре, так как после травмы барабанной перепонки чувство равновесия могло подвести ее в любой момент. «Вы же не хотите, чтобы Габриэлла снова упала», – сказал он, и Джон мрачно кивнул. Он, конечно, не хотел, чтобы с его дочерью случилось то, что случилось, но ничего поделать здесь было нельзя. Габриэлла возвращалась к Элоизе, и та могла снова сделать с ней все, что заблагорассудится.

– Мне очень жаль, мамочка, – пискнула Габриэлла, не поднимая головы. – Я не хотела...

– То-то же!.. – Элоиза удовлетворенно кивнула. – И запомни: здесь тебе не больница. Если там ты сумела разжалобить врачей, то здесь я никакого нытья не потерплю, понятно?

С этими словами она повернулась на каблуках и ушла.

Вечером Габриэлла ужинала вместе с родителями, однако чувствовала она себя при этом крайне неловко. Элоиза держалась с ледяной враждебностью; что касалось Джона, то он успел слишком много выпить и теперь явно думал о чем-то постороннем, не замечая ничего вокруг.

Габриэлла так боялась сделать что-нибудь не так, что не могла проглотить ни кусочка. Руки ее дрожали так сильно, что, наливая себе воду из графина, она пролила несколько капель на стол и тут же в испуге покосилась на мать.

– Я вижу, за последнюю неделю твои манеры несколько не улучшились, – едко заметила Элоиза. – Тебя там что, с ложечки кормили?

Габриэлла только опустила глаза. Отвечать было опасно. До конца ужина она не промолвила ни слова и послушно поднялась в свою комнату.

В детской она быстро разделась и поскорее легла, прислушиваясь к тому, как внизу ссорятся и кричат папа и мама. Гроза, приближение которой она давно чувствовала, разразилась, и Габриэлла была счастлива, что находится далеко от центра боевых действий. Впрочем, это ровным счетом ничего не значило, и, когда поздно ночью за дверью послышались шаги, девочка невольно сжалась в комок, думая, что это мама идет выместить на ней свою обиду.

Когда кто-то осторожно приподнял одеяло, Габриэлла зажмурилась, ожидая первого жестокого удара, но его не последовало. Кто-то стоял над ней, но девочка не чувствовала знакомого запаха духов матери и не слышала шелеста ее платья. Она вообще ничего не слышала и в конце концов, не выдержав томительного ожидания, осторожно приоткрыла один глаз.

– Привет... Ты не спишь? – Это был Джон; он стоял рядом с ее кроваткой и смотрел на дочь с каким-то странным выражением на лице. Только теперь Габриэлла почувствовала идущий от него сильный запах виски, но папа почему-то не выглядел пьяным.

– Я пришел сказать... взглянуть, как ты, – проговорил Джон, и Габриэлла смущенно улыбнулась. Папа никогда раньше не делал ничего подобного.

– А где мама? – спросила она.

– Спит.

Габриэлла с облегчением вздохнула. Боже, это было счастье, короткое, мимолетное счастье.

– Я... мне просто хотелось повидать тебя. – Джон осторожно опустился на краешек ее кровати. – Я очень сожалею... насчет больницы и всего остального. Сиделки сказали, что ты вела себя очень мужественно и что ты умеешь терпеть боль...

Но он и так знал, что Габриэлла умеет терпеть боль, и что она очень храбрая и сильная девочка. Гораздо сильнее его...

– Мне там было хорошо, – прошептала Габриэлла, внимательно следя за выражением его лица. В отличие от Элоизы, Джон не стал включать люстру, и она едва различала его черты в свете яркой зимней луны.

– Очень хорошо, – повторила она и отвернулась, смутившись.

– Я понимаю... – Джон немного помолчал. – Как ты себя чувствуешь?

– Хорошо... Ушко немного болит, а так больше ничего... Они меня вылечили.

Действительно, вот уже два дня голова у нее совсем не болела, да и стянутые пластырем ребра тоже почти не беспокоили. Впрочем, пластырь ей велели не снимать еще две недели.

– Береги себя, Габриэлла. И всегда будь храброй и мужественной. Я знаю, ты все выдержишь, потому что ты очень сильная, – неожиданно сказал Джон, и девочка удивилась. Она не понимала, что папа хотел сказать. Она – сильная? Это она-то сильная?! Плохая? Да, конечно... Непослушная? Тысячу раз – да, мама об этом постоянно ей твердит. Но сильная?... Непонятно...

Но она не решилась ничего спросить, а Джон неожиданно замолчал. Ему хотелось сказать девочке, что он любит ее, но он не знал – как, какими словами он может выразить свои чувства. Потом ему пришло в голову, что если бы он действительно любил свою дочь, то не позволил бы Элоизе издеваться над ней. Он должен был схватить Габриэлла в охапку и убежать с ней на край света, пока мать не убила ее. Он должен был...

Он о многом передумал в эти минуты, но Габриэлла так и не узнала, какие мысли мелькали в его голове. Джон просто сидел и молчал, глядя на нее. Потом он снова накрыл дочь одеялом и все так же молча встал. На пороге детской он на мгновение обернулся, но вышел, так ничего и не сказав. Дверь бесшумно закрылась за ним. Габриэлла поспешно накрылась одеялом с головой. Она очень боялась, что Джон ненароком разбудит маму, но все обошлось, он неслышно на цыпочках прокрался к себе.

Потом она заснула и спала до самого утра, когда ее разбудил привычный крик матери.

– А ну, просыпайся, чертова дрянь!.. – завопила Элоиза, пинком распахивая дверь детской, и Габриэлла, еще не опомнившись до конца, кубарем скатилась с кровати. От резкой перемены положения снова мучительно заболела голова, заныли ребра, но Габриэлла только прикусила губу и зажмурилась, ожидая удара или пощечины.

– Отвечай, дрянь, ты знала? Знала?! Он сказал тебе? Сказал?! – С этими словами Элоиза схватила Габриэлла за худенькие плечи и затрясла так, что голова девочки закачалась на тонкой шее. Элоизе было совершенно наплевать, что дочь только вчера выписалась из больницы. Элоиза требовала ответа и не сомневалась, что получит его.

– О чем? О чем, мамочка? Я ничего не знаю, честное-пречестное!.. – За неделю, проведенную в больнице, Габриэлла успела отвыкнуть от подобного обращения и сейчас неожиданно расплакалась. Элоиза тут же наградила ее звонкой затрешиной, но Габриэлла не могла сдержаться, и все равно слезы катились по ее щекам. По лицу матери она поняла, что случилось что-то ужасное, но что это могло быть, Габриэлла не знала, и от этого охвативший ее страх стал еще сильнее.

– Я, честное слово, ничего не знаю, мама, милая, не бей меня! – в отчаянии выкрикнула девочка. Впервые на ее памяти Элоиза выглядела по-настоящему растерянной, и это напугало ее сильнее, чем могли бы напугать самая дикая ярость и самые жестокие удары.

– Ты знала, знала! – взвизгнула Элоиза. – Он сказал тебе, когда приезжал в больницу... Что он сказал, повтори мне слово в слово!

И она снова с силой трянула Габриэлла, у девочки лязгнули зубы.

– Он... ничего... не говорил. – Новая страшная мысль поразила ее. – Папа? Что с папой?!

У нее просто не укладывалось в голове, что с папой могло случиться что-то плохое. Быть может, он... Но, прежде чем она успела представить себе, как папа бросается со скалы в пропасть (так поступил герой одного ее волшебного рассказа, когда злые великаны отняли у него единственную дочь), Элоиза выпалила:

– Он ушел, и ты об этом знала! И в этом виновата только ты, ты, ты!.. Ты доставляла нам столько хлопот, что он не выдержал и сбежал. Ты небось думала, что он любит тебя, правда? Так вот, ему на тебя наплевать! Он бросил тебя точно так же, как и меня. Так и запомни, маленькая дрянь, это ты во всем виновата! Ты одна! Он ушел, потому что ненавидел тебя! Он ушел из-за тебя, гадина, и теперь тебя некому будет защищать. Вот тебе, вот, вот, вот!..

И она ринулась на Габриэлла, выкрикивая проклятья и осыпая ее хлесткими ударами.

Только тут девочка начала понимать, что случилось. Папа ушел от них. Вот зачем он заходил к ней вчера вечером – он хотел попрощаться. Теперь он был где-то далеко, а это значило, что у нее в жизни осталось только одно: непрекращающиеся, жестокие побои и боль. Папа велел ей быть храброй, быть сильной... Эти его слова были единственным, на что Габриэлла могла опереться, но кулаки матери опускались на ее голову, на незажившие ребра с такой силой, что она не сдержалась и заплакала еще горше. Она просто не знала, как она сможет пережить этот нескончаемый кошмар. Неужели папа ненавидел ее? Габриэлла была уверена, что это неправда, но теперь она заколебалась. Джон никогда не защищал ее, никогда ничем не помог, и вот теперь он и вовсе бросил ее, хотя не мог не знать, что мама постарается сорвать все зло на ней. И от этой неуверенности Габриэлле стало так горько, что она даже забыла о боли.

Потом боль вернулась, но это была уже боль души, от которой ее не могли избавить ни в одной больнице.

Глава 5

Следующий год жизни Габриэллы был окутан мраком, в котором воздвигались и таяли неясные, расплывчатые фигуры. Злые горбатые тени подкрадывались сзади, преследовали ее днем и ночью и, визгливо крича, наносили ей удары и снова отступали в темноту. Вездесущий страх лип к коже, тек по спине холодным потом, отзывался острой болью в каждой клеточке ее избитого, худенького тела. И не было в этом мраке ни одного просвета, ни одного светлого пятна, на которое она могла взирать с надеждой.

Отец ее исчез и не подавал о себе вестей. Можно было подумать, что у Габриэллы никогда не было папы. Джон не звонил, не писал, не приезжал, чтобы навестить ее; он не сделал ни одной попытки объяснить, почему все случилось именно так.

Впрочем, день, когда Элоиза получила первое уведомление от его адвоката, запомнился Габриэлле надолго. Мать была в такой ярости, что сначала зверски избила ее, а напоследок столкнула с лестницы. «Надеюсь, ты сломаешь себе шею», – сказала она при этом. К счастью, Габриэлла даже не очень ушиблась, однако это был еще не конец. Элоиза не знала ни жалости, ни милосердия, и даже боязнь попасть в тюрьму за убийство ее больше не останавливала. Она прекращала истязать дочь только тогда, когда уставала сама. При этом она кричала, что ненавидела Габриэлла всю жизнь, что все ее несчастья – из-за дочери и что это она – мерзкая маленькая дрянь – виновата в том, что отец бросил ее. От нее же Габриэлла узнала, что папа хочет жениться на женщине, у которой есть две маленькие дочки, которые с успехом ее заменят. «Они – не такие, как ты! – выкрикивала Элоиза, награждая дочь увесистыми оплеухами и пинками. – Они красивы, добры, воспитанны, вежливы. Они умеют все, чего не умеешь или не хочешь делать ты. И Джон любит их!» – заканчивала она мстительно. Однажды Габриэлла попыталась возразить. Она изо всех сил цеплялась за те чувства, которые всегда приписывала отцу. Элоиза буквально взбесилась. Схватив ершик для посуды, она заставила дочь открыть рот и стала промывать его жидким мылом для принятия ванн. Плотная мыльная пена летела во все стороны, попадала в глаза, лезла в горло и в нос, и в конце концов Габриэлла вырвало. Ощущение собственного унижения и бессилия охватило ее. Папа любил ее – она знала это, верила... Или только хотела верить. Сомнения разъедали маленькую душу, и под конец Габриэлла уже не знала, что ей думать.

Большую часть времени она по-прежнему проводила дома, читая или сочиняя свои собственные рассказы. Время от времени Габриэлла писала длинные, обстоятельные, хотя и несколько однообразные по содержанию письма папе, но она не знала его нового адреса и не могла их отправить. Хранить их тоже было небезопасно, поэтому чаще всего Габриэлла рвала их на мелкие клочки и спускала в уборную.

Правда, несколько раз Габриэлла пыталась выяснить, где теперь живет папа, но у нее ничего не получилось. Спросить у матери она, разумеется, не могла, поэтому, выбрав момент, когда Элоиза куда-то уехала, девочка перерыла всю адресную книгу Нью-Йорка, но безрезультатно. В другой раз она позвонила в банк, где когда-то работал папа, но ей сказали, что мистер Харрисон оставил службу и переехал в Бостон.

В Бостон... Для Габриэллы это звучало примерно так же, как «в другую галактику», но она все еще на что-то надеялась. И лишь когда отец не объявился даже на ее десятилетие, Габриэлла поняла, что потеряла его навсегда.

Несмотря на это, она частенько продолжала вспоминать последнюю ночь, когда Джон зашел к ней в комнату, и каждый раз испытывала непонятное смятение. В голове ее роилось множество слов, которые она могла бы сказать папе тогда... И быть может, он бы никуда не ушел, не променял бы ее на двух других маленьких девочек, которые, как утверждала Элоиза, были гораздо лучше ее.

Ах, мечтала Габриэлла, если бы я была послушнее или талантливее. Если бы мной можно было гордиться. Может, тогда бы он не оставил нас? «А вдруг, – прокрадывалась ей в голову страшная мысль, – вдруг мама меня обманывает и папа умер? Вдруг он попал под машину или под поезд?» Думать об этом было так страшно, что у Габриэллы перехватывало дыхание, и она гнала от себя эти картины, но они возвращались вновь и вновь, потому что ничем другим она не могла объяснить себе странного молчания отца.

При мысли о том, что папа мог погибнуть и что она никогда больше его не увидит, Габриэлла непроизвольно вздрагивала. Она очень боялась, что может забыть, как он выглядит, и, если поблизости не было матери, тут же вскакивала и бежала к ближайшей папиной фотографии. Они, как ни странно, по-прежнему висели чуть не в каждой комнате, и Габриэлла подолгу стояла перед ними, стараясь получше запомнить его лицо. Но однажды Элоиза застала ее за этим занятием и, выдрав фотографии из рамок, разорвала их.

После этого у Габриэллы остался только один снимок. Ей тогда было три года, и они ездили в Истгемптон на ярмарку. Папа был очень красивый – он держал маленькую Габриэлла на руках и улыбался. Это была любимая фотография девочки, и она хранила ее как зеницу ока. Вездесущая Элоиза нашла ее и, разумеется, порвала, предварительно отхлестав дочь по щекам.

– Забудь его! – рявкнула она. – Он тебя не спасет.

Элоиза ушла, а Габриэлла еще долго сидела в своей комнате и плакала. После здоровенных оплеух щеки у нее горели, словно к ним приложили утюг, но сильнее этой боли было сознание того, что папа ее не любит. Ей трудно было в это поверить, но со временем девочка привыкла к мысли, что это, скорее всего, правда. Само молчание Джона неопровержимо доказывало, что дочь ему безразлична. И все же, вопреки логике, здравому смыслу и словам матери, Габриэлла продолжала надеяться, что однажды получит от него весточку и убедится, что папа все-таки любит ее. Этого надо было только дожидаться. Габриэлла пообещала себе – и ему, – что будет ждать.

Отец ушел от них в Новый год. Следующее Рождество Габриэлла встречала одна. Элоиза весь день провела у каких-то знакомых. Вернувшись домой, она наскоро приняла ванну и, переодевшись в вечернее платье, снова уехала, чтобы провести вечер со своим новым другом из Калифорнии.

Этого человека Габриэлла уже несколько раз видела у них дома. Он был высоким, смуглым, темноволосым и очень красивым мужчиной. Как и отца Габриэллы, его тоже звали Джон – Джон Уотерфорд, но он был совсем не похож на папу. Девочка немного его побаивалась. Правда, поначалу, когда Джон-второй заезжал за мамой, чтобы отвезти ее в ресторан или на концерт, он очень мило разговаривал с девочкой. Элоиза очень скоро дала ему понять, что совершенно ни к чему болтать с ребенком и ей это очень не нравится. «Габриэлла – испорченная и хитрая девчонка», – частенько повторяла она, избегая, впрочем, пускаться в подробности, и очень скоро Джон Уотерфорд понял, что подружиться с девочкой – лучший способ потерять расположение Элоизы. Он тоже перестал замечать Габриэлла и только кивал в ответ на ее робкое: «Здравствуйте, мистер Уотерфорд».

Он, правда, был не единственным другом Элоизы. После того, как папа их бросил, в доме стало появляться много молодых мужчин, которых Габриэлла никогда раньше не видела, но Джон Уотерфорд приходил чаще других. Из обрывков разговоров, долетавших до ее слуха, Габриэлла узнала, что он приезжает в Нью-Йорк только на зиму, а летом живет в Сан-Франциско. Джон много рассказывал Элоизе о Калифорнии; он был совершенно уверен, что ей там очень понравится. Элоиза действительно несколько раз мимоходом упомянула о том, что она, возможно, съездит месяца на полтора в Рино¹.

---

¹ *Рино* – город на западе штата Невада, крупный центр игорного бизнеса. Известен как место, где можно быстро и без

Габриэлла не знала ни что такое Рино, ни зачем маме понадобилось туда ехать, а Элоиза, разумеется, не потрудилась объяснить это дочери. Свои сведения девочка черпала из случайно подслушанных бесед матери с Джоном Уотерфордом и из ее телефонных разговоров. Сначала все было весьма неясным, расплывчатым и противоречивым, но постепенно поездка в таинственное Рино приобретала все более конкретные очертания. Габриэлла начала задумываться, как быть со школой, если ей придется уехать с мамой на целых шесть недель. Но спросить об этом у Элоизы она, разумеется, не могла. Габриэлла прекрасно знала, что своим вопросом она только лишний раз разозлит мать, но ответа не добьется.

Ей оставалось только одно – терпеливо ждать, ловить новые и новые обрывки разговоров и сопоставлять их с услышанным ранее, чтобы получить хоть какое-то представление о своем ближайшем будущем. Каждый день она бегала проверять почту, надеясь найти письмо от отца, но его все не было и не было. Однажды Элоиза заметила, как Габриэлла роется в почтовом ящике, и сразу все поняла. Вооружившись отставленным было желтым кожаным ремешком, она заставила Габриэлла спустить штанишки и жестоко выпорола ее, но ни боль, ни испытанное унижение странным образом не произвели на девочку никакого особенного действия. Вообще в последнее время Габриэлле стало казаться, что мать то ли слегка успокоилась, то ли просто устала. Во всяком случае, наказания стали не такими частыми и приобрели воспитательно-академический характер. Если раньше мать просто налетала на нее и начинала бить чем попало и по чем попало, то теперь она сначала заставляла Габриэлла принять наиболее удобное для наказания положение и, хлеща ее ремнем, почти доброжелательно втолковывала девочке, какая она дрянь, чудовище и мерзавка.

Возможно, впрочем, все это происходило потому, что теперь Элоиза была слишком занята своей собственной жизнью, так что на «воспитание» дочери у нее не оставалось ни времени, ни сил, ни желаний. Объявив ее «безнадежной» и «неисправимой» («Твой отец наконец-то это понял и ушел!»), Элоиза как бы сняла со своих плеч часть материнского долга, и Габриэлла вздохнула свободнее. Она могла больше не опасаться, что мать ворвется к ней посреди ночи и, сбросив на пол, примется топтать ногами. То, что она оказалась фактически предоставлена самой себе, даже радовало девочку. Случалось, что Габриэлла не находила вовсе никакой еды, однако голодать ей было не привыкать. «Лучше так, чем мама снова будет расстраиваться», – рассуждала Габриэлла, ложась спать и по привычке укрываясь одеялом с головой.

Их новая экономка Джанин уходила ровно в пять часов. Когда Элоизы не было вечером дома, она иногда оставляла для Габриэллы что-нибудь на плите или в духовке, однако это случалось не слишком часто. Если Элоиза обнаруживала, что Джанин «балует» девочку, она устраивала сокрушительный скандал. По этой причине экономка была предельно осмотрительна и осторожна. Она ни во что не вмешивалась и старательно притворялась, будто ей все равно. У девочки были самые печальные глаза, какие Джанин когда-либо видела; каждый раз, когда она ловила на себе этот взгляд, сердце у нее обливалось кровью, но она очень хорошо понимала, что ничем не может помочь.

«Плохая ли, хорошая, а все ж таки – родная мать...» – вздыхала Джанин, тайком оставляя на плите миску с супом или пряча в духовку оставшиеся от обеда котлеты. Иногда она даже ставила холодный компресс на синяк, который, как утверждала девочка, она получила, играя на школьном дворе или в спортзале. Но Джанин-то знала, что такие синяки в школе получить просто невозможно, если только там не порют детей розгами за малейшую провинность. Порой Джанин даже жалела, что девочка не может убежать из дома. Но даже если Габриэлла решится на это, в конце концов ее найдут и вернут домой. Даже полиция не ста-

---

лишних формальностей оформить брак или развод. Иногда его даже называют «Бракоразводной столицей мира». (Прим. пер.)

нет вмешиваться в отношения между матерью и дочерью до тех пор, пока Элоиза не убьет или не искалечит девочку.

Габриэлла тоже это знала, несмотря на то что ей было всего десять лет. Она уже усвоила, что никакой помощи от взрослых ждать не приходится. Они не любят вмешиваться в чужие дела, если это грозит им хоть какими-то осложнениями, и не спешат спасти тебя от боли или опасности. Они просто закрывают глаза, затыкают уши и отворачиваются, если рядом с ними происходит что-то неприятное. Так поступил ее отец, а Габриэлла по-прежнему была уверена, что папа – самый лучший из всех взрослых.

Но вот зима закончилась, наступила весна, и ненависть Элоизы к дочери сменилась почти полным равнодушием. Иногда она все же порола ее, но делала это словно нехотя, без прежнего рвения. Казалось, ей теперь совершенно все равно, что делает и как себя ведет дочь – главное, чтобы она не попадалась ей на глаза. Габриэлла время от времени удостаивалась нескольких пощечин за то, что «не слышит» обращенных к ней слов матери, но это все пустяки. Раньше мать измордовала бы ее до бесчувствия.

Кстати, в данном случае Элоиза была совершенно права – после травмы барабанной перепонки Габриэлла действительно стала хуже слышать. Но она никогда на это не жаловалась, зная, что мать немедленно обвинит ее в том, что она «притворяется» и что ей «хочется снова полежать в больнице». В ее устах последняя фраза звучала как вполне конкретная угроза, поэтому Габриэлла считала за благо помалкивать, хотя частичная потеря слуха иногда мешала ей и в школе. Впрочем, за исключением Элоизы ее глухоты никто больше не замечал.

– Не смей делать вид, будто не слышала, что я тебе сказала! – выкрикивала Элоиза и старалась подкрепить свои слова звонкой оплеухой. По счастью, в последнее время Джон Уотерфорд слишком часто оказывался поблизости, а при нем Элоиза старалась не распускать рук. Когда он приезжал в гости, она и вовсе не трогала Габриэлла. В его же отсутствие вспоминала о необходимости «воспитывать» дочь только тогда, когда Джон забывал позвонить или огорчал ее каким-то иным образом. Как и прежде, виновата во всем оказывалась Габриэлла.

– Он терпеть тебя не может, ты, маленькая дрянь! – кричала Элоиза, награждая дочь ударами ремня. – Ему противно на тебя смотреть – вот почему он не приехал сегодня. Из-за тебя я снова останусь одна!

И Габриэлла ни секунды в этом не сомневалась. Она только гадала, что будет, если мистер Уотерфорд вовсе перестанет приезжать к маме. Перспектива эта выглядела довольно мрачно, но девочка утешалась тем, что по всем признакам дядя Джон пока не собирался расставаться с Элоизой, хотя с наступлением весны он все чаще и чаще заговаривал о возвращении в Сан-Франциско. Эти разговоры изрядно нервировали ее мать, а всякая ее неуверенность или волнение неизбежно выходили Габриэлле боком, однако ситуация продолжала оставаться более или менее терпимой.

Весь март Джон Уотерфорд продолжал регулярно приходить в гости к Элоизе. Изредка они отправлялись в ресторан, но чаще просто запирались в библиотеке или поднимались в спальню и сидели там часами. Сколько девочка ни прислушивалась, до нее не доносилось ни звука, и она искренне недоумевала, что они там делают. Каждый раз, когда мистер Уотерфорд проходил мимо ее комнаты, он молча улыбался или подмигивал ей совершенно по-дружески, и девочка чувствовала себя чуточку спокойнее. Он никогда не останавливался, чтобы поговорить с ней, словно она была прокаженной, но Габриэлла это вполне устраивало. Если бы не вечное недоедание, она была бы даже довольна своим существованием.

Но в начале апреля мистер Уотерфорд, как и собирался, уехал к себе в Калифорнию. Габриэлла до смерти испугалась, что все вернется на круги своя. Однако, к ее огромному удивлению, Элоиза совершенно не выглядела расстроенной. Напротив, она была очень

оживлена, деловита и казалась почти счастливой. С Габриэлла она не разговаривала, но для девочки это было истинное благословение Господне. Элоиза часто уезжала из дома, занималась какими-то таинственными приготовлениями и подолгу болтала по телефону. Но когда дочь оказывалась поблизости, Элоиза понижала голос. Так что будущее оставалось для Габриэлла тайной.

Однажды ранним утром – примерно через три недели после отъезда Джона Уотерфорда – в их доме раздался звонок. Элоиза взяла трубку, и хотя Габриэлла снова не слышала разговора, она сразу поняла, что это звонит дядя Джон. Все утро Элоиза пребывала в радостном ожидании, а когда девочка уходила в школу, она слышала, как мать велела Джанин перенести из подвала в спальню несколько дорожных чемоданов. Когда Габриэлла вернулась, Элоиза продолжала паковать вещи: казалось, она собрала все свои самые любимые вещи. Габриэлла стала ждать, когда и ей велят укладывать пожитки. Но только на следующий день вечером мать велела ей собрать небольшой облезлый чемодан, который она швырнула ей на кровать.

– А куда мы едем? – робко поинтересовалась Габриэлла. Она непременно удержалась бы от вопросов, поскольку это было небезопасно, но сейчас она просто хотела знать, какие вещи ей следует взять с собой.

– Я еду в Рино, – коротко бросила в ответ Элоиза, однако ситуации это не проясняло. Уточнять что-либо было страшновато. Оставалось надеяться, что она угадает правильно и не очень разозлит мать, если уложит теплый свитер на случай, если Рино находится где-нибудь на Аляске.

И все же, по примеру матери укладывая в чемодан свои лучшие платья (не беда, что из многих она давно выросла – зато они были такие красивенькие!) и туфельки, она продолжала спрашивать себя, что такое это Рино и будет ли там дядя Джон. Габриэлла его почти не знала и не была уверена, что он ей нравится, однако она чувствовала, что если мистер Уотерфорд окажется там, куда они поедут, то мама будет довольна и не станет наказывать ее – во всяком случае, часто. Кроме того, дядя Джон казался ей очень спокойным человеком, потому что он никогда не кричал на маму. Правда, Габриэлла боялась, что разочарует его точно так же, как папу. С некоторых пор это была ее навязчивая идея. Порой ей даже казалось, что любой человек, которого она хоть немножечко полюбит, в конце концов начнет ее ненавидеть. Как это возможно, она представляла себе не очень хорошо; козни злой феи Умиранды были бы здесь самым подходящим объяснением, но Габриэлла уже давно не верила в эту давнишнюю свою выдумку. Но ведь любила же она папу, и чем все это закончилось? Как предотвратить неизбежную катастрофу, Габриэлла не знала. Ей оставалось только надеяться, что дядя Джон придумает что-нибудь замечательное и очень умное. Тогда все они спасутся от злого рока.

Стараясь избавиться от тревожных мыслей, Габриэлла снова начала писать рассказы, только на этот раз главным их героем был дядя Джон. Он предстал в образе могучего рыцаря, отдаленно напоминавшего благородного и справедливого короля Артура. Он побеждал злую Умиранду одной левой, расколдовывал Габриэлла и заодно освобождал папу, который томился в сыром подземелье у злодея Барбакрюкса, после чего они вчетвером, включая и маму, начинали жить весело и счастливо в большом светлом замке под названием Рино.

Увы, Элоиза нашла эти истории и, разорвав их на мелкие кусочки, кричала на Габриэлла. «Маленькая шлюха, ты сама положила глаз на Джона Уотерфорда!»

Габриэлла так и не поняла, что мама имела в виду и почему она так рассердилась. Она очень старалась, описывая дядю Джона, однако маме это почему-то не понравилось. Оставив без внимания пару уже привычных оплеух, Габриэлла села писать еще один рассказ, в котором дядя Джон был теперь похож уже на Прекрасного Принца из сказки о Золушке. За это ей тоже здорово попало. Мать застала ее как раз в тот момент, когда девочка описывала чудесный бархатный камзол с золотыми пуговицами и бархатные штаны до колен – парадный наряд героя. «Что тебе понадобилось в его штанах?!» – вопила Элоиза, награждая дочь

звонкими шлепками по мягкому месту, и Габриэлла, глотая слезы, почему-то подумала, что дядя Джон был бы очень недоволен, если бы узнал, как мама с ней обращается.

В новом рассказе, который приснился ей ночью, дядя Джон вместо феи Умиранды боролся с мамой и победил ее, но дальше Габриэлла смотреть не захотела и проснулась. К ней снова вернулось ощущение, обретенное однажды, – она ненавидит маму. Ясно, что такую скверную девчонку не в состоянии терпеть возле себя ни один нормальный человек.

Вскоре после Пасхи, когда ранним субботним утром Элоиза и Габриэлла сидели за завтраком, мать неожиданно подняла голову и улыбнулась дочери. За всю жизнь Габриэлла это случилось, без преувеличения, в первый раз. Девочка готова была испугаться, и только недобрые огоньки, плясавшие в глубине глаз матери, подсказали ей, что все в порядке, ничего из ряда вон выходящего не происходит.

– Завтра я уезжаю в Рино, – торжествующе произнесла Элоиза. Габриэлла на всякий случай кивнула. Она просто не знала, как ей следует реагировать. Впрочем, Элоиза выглядела если не счастливой, то, по крайней мере, довольной.

– Ты собрала вещи? – снова спросила она, и Габриэлла кивнула еще раз.

После завтрака Элоиза сама поднялась в детскую, чтобы проверить ее чемодан. Первым делом она собственноручно выкинула оттуда два любимых платья Габриэлла, которые были ей откровенно малы, но, к удивлению девочки, ничего не сказала и даже не отвесила обязательного в таких случаях подзатыльника. Никаких других непростительных ошибок дальнейшая тщательная инспекция не обнаружила, и Габриэлла вздохнула с облегчением, когда мать отодвинула чемодан и выпрямилась. В детской оставались только кровать, тумбочка, письменный стол и стул. Картинок на стенах здесь никогда не было, единственную фотографию отца, которая когда-то стояла на столе, Элоиза своими руками разорвала и выкинула, пол был чисто вымыт, а зимняя одежда в стенном шкафу была убрана в одинаковые пластиковые чехлы серовато-розового цвета.

– Наряды тебе не понадобятся. Не забудь свою школьную форму, – вот и все, что сказала Элоиза, убедившись, что детская находится в образцовом порядке.

– Не забуду, мамочка, – ответила Габриэлла.

На самом деле мать просто не заметила ее школьной юбки и жакета, которые Габриэлла положила на самое дно чемодана. Она не знала, сколько времени они пробудут в Рино, к тому же школьная форма ей нравилась – она была очень удобной и достаточно длинной, чтобы скрывать постоянные синяки на руках и ногах. Впрочем, сейчас от ее синяков остались лишь едва заметные желтые пятна, но кто мог поручиться, что в Рино все не начнется сначала?

«Дядя Джон может поручиться», – с гордостью подумала Габриэлла. Накануне вечером она написала длинный рассказ о том, как дядя Джон и Иисус Христос поплыли из Калифорнии в Антарктиду, чтобы спасти папу, прикованного ледяными цепями к огромному айсбергу, носившемуся в открытом океане по воле ветров и течений. Рассказ был надежно спрятан под матрасом – зная, что мать непременно проверит ее чемодан, Габриэлла рассчитывала достать его лишь перед самым отъездом.

– Кстати, – сообщила Элоиза, не скрывая своего сарказма, – в июне твой папа женится. Я уверена, ты будешь рада об этом узнать.

Она хотела уязвить ее в очередной раз, но Габриэлла почувствовала лишь разочарование. Грустно, что дяде Джону и Иисусу Христу не удалось освободить папу. Теперь он никогда не вернется к ней. И все же она была рада, что папа жив, что он не попал под машину и что его не съел страшный людоед Барбакрюкс. (На эту тему она сочинила сразу несколько рассказов, и в конце концов ей стало казаться, что с папой действительно случилось что-то ужасное. Никак иначе объяснить его упорное молчание она не могла.)

– Ты никогда больше его не увидишь, – добавила Элоиза, внимательно наблюдавшая за выражением лица девочки. – Ты ему совсем не нужна – как и я. Ему всегда было на нас

наплевать. Твой отец никогда не любил ни тебя, ни меня, и я хочу, чтобы ты запомнила это на всю жизнь.

И, ожидая ответа, она пристально поглядела на Габриэллу, которая молча стояла перед ней. В глазах Элоизы снова появились опасные искорки.

– Он никогда не любил нас, – с нажимом повторила она. – Ты ведь знаешь об этом, не правда ли?..

Габриэлла кивнула. Иного выхода у нее просто не было. Ей хотелось сказать матери, что она не верит ни одному ее слову, но, видит бог, это могло стоить ей жизни. Наученная собственным горьким опытом, Габриэлла была теперь гораздо мудрее во всем, что касалось матери. Не то чтобы она научилась лицемерить – просто стала гораздо осторожнее. Например, не собиралась нарываться на побои, защищая папу, которого все равно здесь не было. К тому же он, возможно, действительно не очень любил ее.

Но тут она вспомнила, как папа смотрел на нее в их последнюю встречу, и еще больше запуталась. Его взгляд яснее ясного говорил, что он все еще любит ее. Как же тогда мама может говорить, что... Неужели мама лжет?

Это была совершенно новая мысль, и Габриэлла обдумывала ее весь остаток дня. Элоиза ушла куда-то с друзьями, и девочка, сделав себе огромный сэндвич, долго сидела на кухне в одиночестве. У нее никак не укладывалось в голове, что мама может обманывать ее. До сих пор каждое ее слово девочка принимала за чистую монету, но теперь... Теперь весь мир, все ее представления о себе, о папе летели вверх тормашками. «Нет, лучше об этом не думать, – решила она наконец. – Лучше я подумаю о Рино».

Но и из этого тоже ничего путного не вышло. Габриэлла знала только одно – ей предстоит далекое путешествие, во время которого она увидит много нового и интересного. Что ждет ее в Рино, зачем они туда едут – этого Габриэлла не могла себе даже вообразить. Ей было ясно, что ответы на все свои вопросы она получит, только когда окажется там, в этом таинственном городе, и от этой неизвестности она чувствовала себя неудобно.

И, как ни странно, при мысли о том, что ей придется покинуть этот дом, Габриэлле стало чуточку печально. Здесь она прожила всю свою жизнь, по этим комнатам ходил ее отец, и ей до сих пор чудился чуть слышный запах его одеколona. Но ведь они уезжают не навсегда. В конце концов она снова вернется сюда – вернется, пережив самое захватывающее приключение в своей жизни. Может быть, и дядя Джон тоже вернется с ними. И, если она покажется ему не такой уж плохой, он снова начнет с ней разговаривать? А вдруг... – при мысли об этом у Габриэллы на мгновение даже сердце замерло, – вдруг, если она будет очень, очень хорошей, он полюбит ее, как папа?..

Когда Элоиза вернулась домой, Габриэлла уже давно спала. Она не слышала, как мать поднялась наверх и прошла по коридору в свою спальню, не видела торжествующей улыбки на ее губах. Элоиза начинала жизнь заново! Перед ней открывались новые, счастливые перспективы, и она не собиралась позволять своему прошлому хоть сколько-нибудь омрачить их. И Элоиза уже знала, как она поступит со своими прошлыми разочарованиями – она оставит их здесь и накрепко запрет за собой двери, чтобы ничто из того, что на протяжении десяти лет отравляло ей жизнь, не прорвалось следом за ней в будущее.

Она буквально считала оставшиеся до отъезда часы. В кармане Элоизы уже лежал билет на поезд, отправлявшийся завтра вечером, но Габриэлла этого не знала. Мать вообще ничего ей не сказала. Боже, зачем лишний раз колебать воздух ради этой маленькой гадины. Не все ли равно, что она там себе думает. Несомненно одно – вина Габриэллы перед ней неисчерпаема.

Габриэлла действительно не знала, во сколько они уезжают. Поэтому на следующий день она проснулась пораньше, поскорее умылась и причесалась. Когда в девять утра заспанная Элоиза сошла вниз, на столе уже дымился кофе, сваренный Габриэлкой. Девчонка

хорошо усвоила преподанные ей уроки – кофе был отличный, и, наливая его в чашку, Габриэлла ухитрилась не пролить ни капли.

Поскольку Элоиза не сказала ей ни слова, Габриэлла поняла, что ей удалось угодить матери. В другой раз она непременно обрадовалась бы, но сегодня девочка слишком волновалась. Ее так и подмывало спросить, когда же они наконец поедут на вокзал. Лишь огромным напряжением воли ей удавалось сдерживаться, чтобы ненароком не разозлить мать. А сделать это было проще простого – в этом Габриэлла не раз убеждалась на собственной шкуре.

Прошло томительных полчаса, прежде чем Элоиза открыла рот и спросила у Габриэллы, готова ли она. Разумеется, она была готова. Габриэлла уже давно уложила в чемодан последние мелочи (в том числе заветную тетрадь из-под матраса) и надела серую дорожную юбку и белый свитер. На кровати в детской были аккуратно разложены темно-синий блейзер, такой же берет и светлые перчатки – обычный наряд Габриэллы, когда они с матерью выходили вдвоем. Высокие белые гольфы были подтянуты и завернуты именно так, как любила Элоиза, а черные лаковые туфли Габриэлла еще с вечера вычистила и натерла хлебным мякишем, в них можно было смотреться как в зеркало.

Иными словами, Элоизе совершенно не к чему было бы придаться. Вот если бы еще Габриэлла сумела спрятать с глаз долой свои длинные белокурые волосы, тонкую гладкую кожу и огромные голубые глаза на бледном, словно фарфоровом лице, которые смотрели открыто и доверчиво и делали ее совершенно очаровательной. Габриэлла уже не была младенцем, но еще не успела превратиться в долговязого, голенастого подростка. В свои десять лет она еще балансировала между этими двумя состояниями, сочетая в себе обаяние ребенка и красоту взрослой женщины, которой она непременно должна была стать через каких-нибудь шесть-восемь лет. Даже Элоиза не могла этого отрицать, и оттого желание вымазать дочери лицо сажей и облачить ее в грязную, желательно вонючую рвань было в ней сильно как никогда.

Элоиза терпеливо ждала, пока Габриэлла сходит в детскую за чемоданом и верхней одеждой. Когда она наконец спустилась в холл, то сразу увидела, что маминых вещей нигде не видно. «Должно быть, – решила Габриэлла, – мама хочет, чтобы я помогла ей снести их вниз». Она повернулась, чтобы сходить за чемоданами Элоизы.

– Куда это тебя понесло?! – остановил ее сердитый окрик. У Элоизы было еще полно дел, и она начинала спешить.

– Я хотела... хотела помочь тебе с вещами, – пробормотала Габриэлла, останавливаясь на нижних ступеньках лестницы и оборачиваясь назад.

– Я сама схожу за ними... потом, – ответила Элоиза и нахмурилась. – А сейчас – поторопись.

И Элоиза властным жестом указала ей на входную дверь.

Габриэлла ничего не понимала. Она заметила, что Элоиза одета в старую серую юбку и черный свитер, в которых обычно ходила только дома или в саду, и что она даже не надела шляпку, а без шляпки Элоиза не выходила даже в аптеку. И все же Габриэлла по обыкновению ни о чем не спросила. Подхватив свой небольшой чемоданчик, девочка послушно вышла на крыльцо.

Стояла чудесная солнечная погода; грушевые деревья в саду за домом пышно цвели и благоухали так, что даже запахи большого города не в силах были заглушить их тонкий аромат; из кустов живой изгороди доносились птичьи трели, но Габриэлла неожиданно почувствовала, как в груди ее шевельнулось какое-то неясное беспокойство. Что-то было не так, но она еще не понимала – что. В отчаянии девочка бросила взгляд назад – на дом, где она узнала столько страха и боли. На мгновение ей захотелось со всех ног броситься назад, чтобы снова забиться в самый дальний угол чулана. Габриэлла уже давно не пряталась от матери, зная,

что в этом случае ей попадет сильнее. Но сейчас что-то подсказывало, что ее ожидает нечто худшее, чем самое жестокое наказание.

Но Элоиза уже запирала дверь, и девочка только тихонько вздохнула, покоряясь неведомой судьбе, которая могла оказаться гораздо страшнее, чем все, что она знала до сих пор.

– Побыстрой, пожалуйста, у меня не так много времени, – железным голосом произнесла Элоиза, обгоняя ее и выходя на улицу. Там она взмахом руки остановила такси, и девочка снова подумала: «Почему мама без вещей?»

Но ответ был ей уже ясен. Куда бы ни ехала Элоиза, она ехала туда одна! Но, в таком случае, что же будет с ней, с Габриэлкой? И зачем ей чемодан с вещами? И школьная форма? И учебники? Ответов на эти вопросы не было.

В машине Элоиза назвала водителю адрес, который ничего не говорил Габриэлле. Она только сообразила, что это где-то в районе Восточных Сороковых улиц. Куда же они едут? Зачем? Тягостная неизвестность очень быстро переросла в страх, однако расспрашивать мать Габриэлла по-прежнему не смела, зная, что впоследствии ей придется дорого заплатить за свою несдержанность, невоспитанность, настырное любопытство и неумение держать язык за зубами. Элоиза всем своим видом показывала, что не намерена отвечать ни на какие вопросы. Отвернувшись от дочери, она смотрела в окно на проносящиеся мимо дома и, казалось, о чем-то сосредоточенно думала. Раза два она бросила быстрый взгляд на свои наручные часики и, убедившись, что пока все идет точно по расписанию, удовлетворенно кивнула самой себе.

К тому времени, когда они подъехали к большому серому зданию на Сорок восьмой улице, у Габриэлки от страха тряслись руки, а к горлу подступала тошнота. Должно быть, на этот раз она совершила что-то действительно ужасное, и теперь мама везет ее в полицию или в исправительный дом, где наказывают преступников. Это предположение вовсе не казалось Габриэлле невероятным, хотя она была далеко не глупой девочкой. Просто в том кошмарном мире, в котором она жила, возможно было абсолютно все. Габриэлла никогда не могла чувствовать себя в безопасности. Она всегда была виновата, и неважно, в чем. Главное – виновата!

Тем временем Элоиза расплатилась и первой вышла из машины.

– Вылезай, – коротко приказала она и недовольно нахмурилась, следя за неловкими движениями дочери, которая никак не могла справиться со своим чемоданом. Наконец Габриэлла тоже выбралась из такси и огляделась. Решительно ничего не указывало на то, куда они приехали. Это могла быть и полиция, и тюрьма для малолетних преступниц, и даже замок людоеда Барбакрюкса, в котором он варил из маленьких непослушных девочек суп с перцем и клецками. Впрочем, в глубине души Габриэлла была уверена, что ни один, даже самый голодный людоед не станет портить свой суп такой скверной девчонкой, как она.

Они долго ждали. Элоиза нетерпеливо позвонила, потом несколько раз стукнула по двери массивным латунным кольцом. Девочка между тем успела в подробностях рассмотреть и дверь, и само здание, которое казалось ей необычайно внушительным и суровым, почти угрюмым. Кольцо было точь-в-точь как в замке людоеда, однако прорезанное в двери окошко, закрытое изнутри деревянной заслонкой, напоминало о тюрьме. Габриэлла посмотрела на мать. Но лицо Элоизы не выражало ничего, кроме раздражения, вызванного бесконечным ожиданием, так что в конце концов Габриэлла опустила голову и уставилась в землю, скрывая выступившие у нее на глазах слезы. Глубокий страх постепенно овладевал девочкой, и хотя она изо всех сил старалась ему не поддаваться, это у нее плохо получалось. Коленки у Габриэлки дрожали, слезы готовы были пролиться каждую секунду, нос заложило, но она не смела даже высморкаться, чтобы не разозлить мать.

Наконец за дверью послышалась какая-то возня, лязгнула защелка, и дверь слегка открылась. Из-за нее выглянуло узкое и морщинистое лицо. С того места, где стояла Габри-

элла, его было трудно рассмотреть – девочка не могла даже сказать, женщина это или мужчина, ей вдруг показалось, что она видит перед собой саму фею Умиранду.

Напрасно Габриэлла твердила себе, что фей не бывает, что она уже давно большая и совсем-совсем не верит в колдовство и злых волшебниц. Старые детские страхи волной нахлынули на нее, и Габриэлла, жалобно пискнув, закрыла лицо руками.

– Что вам угодно? – спросил скрипучий, слегка надтреснутый голос, не имеющий ни пола, ни возраста.

– Я – миссис Харрисон, – ответила Элоиза, незаметно дернув Габриэлла за волосы. – Меня ждут. И, будьте добры, поторопитесь – я очень спешу, – раздраженно добавила она.

Габриэлла приоткрыла один глаз. Страшное лицо исчезло, дверь захлопнулась, и девочка услышала удаляющиеся, шаркающие шаги.

– Мамочка, что... – шепотом начала Габриэлла, не в силах дольше выносить мучительной неизвестности. – Скажи...

Элоиза резко повернулась к ней.

– Заткнись, – прошипела она. – И постарайся вести себя прилично. У меня просто ангельское терпение, но ты способна вывести из себя самого Господа Бога. Здесь на тебя найдется управа. В этом месте ни с кем не станут цацкаться. Надеюсь, они тебе вправят мозги, – закончила она и отвернулась.

Габриэлла внутренне похолодела. Значит, это правда. Мама привезла ее в тюрьму... или в исправительный дом... Здесь ей предстоит ответить за десять лет непослушания и дурных поступков, из-за которых они обе потеряли папу...

Слезы чуть не брызнули у нее из глаз, но Габриэлла снова сдержалась. Она знала, какое наказание ее ждет. Ну конечно – смерть. Ее посадят на электрический стул или запрут в особой комнате без окон и пустят вонючий зеленый газ, в котором она будет барахтаться, пока не задохнется. Так вот какое это Рино – таинственное и загадочное Рино, о котором она столько думала?..

Габриэлла уже готова была закричать от ужаса и, может быть, даже броситься бежать, хотя, конечно, это совершенно бессмысленно, когда тяжелая дверь снова начала открываться. На этот раз она распахнулась настежь, и девочка увидела длинный темный коридор с высоким сводчатым потолком, конец которого терялся во мраке. На пороге стояла древняя скрюченная старуха в глухом черном платье до земли и наброшенной на голову черной шали. Старуха опиралась на клюку и была удивительно похожа на ведьму. Когда она сделала приглашающий жест рукой, девочка невольно ахнула. Ей очень не хотелось идти внутрь, но Элоиза схватила ее за руку и дернула с такой силой, что Габриэлла влетела в коридор словно на крыльях. Тяжелая дверь закрылась, и девочка громко всхлинула.

– Матушка Григория сейчас вас примет, – сказала старуха Элоизе, и та кивнула. Потом она со злобой посмотрела на хнычущую Габриэлла и снова дернула ее за руку.

– Прекрати сейчас же! – Девочка машинально втянула голову в плечи, ожидая удара, но его не последовало. Очевидно, здесь даже Элоиза не смела распускать руки.

– Перестань выть! – повторила мать. – Когда я уйду, можешь реветь сколько влезет, но сейчас избавь меня от этого. Я не твой отец и не растаю от идиотских слез. И сестры тоже этого не потерпят. Знаешь, как поступают монашки с детьми, которые плохо себя ведут?

Она так и не сказала, что именно делают монахини с непослушными девочками, но этого и не требовалось. Парализованная ужасом, Габриэлла во все глаза уставилась на огромное распятие над коридорной аркой, с которого свисал окровавленный Христос. Ей было так страшно, что она даже перестала плакать и только время от времени судорожно вздыхала. Все, чего она хотела, это умереть до того, как ее начнут наказывать за все грехи, которые она совершила в течение своей коротенькой жизни.

Христос, закатив мертвые, желтые глаза, продолжал скалиться на нее с креста, и вскоре Габриэлла снова зарыдала в голос. И никакие угрозы, никакие тычки и щипки матери не могли ее остановить.

Она все еще плакала, когда старая монахиня снова по-явилась в коридоре и объявила, что они могут пройти к матери-настоятельнице. Элоиза и Габриэлла, следуя за ней, повернули в другой коридор, скудно освещенный небольшими лампами и потрескивающими тонкими свечами в потемневших шандалах. Откуда-то издалека доносилось согласное, но мрачное пение множества голосов, и Габриэлла снова подумала, что попала в такую страшную темницу, откуда нет выхода. Даже музыка, сопровождавшая пение, казалась ей траурной и тоскливой, и девочка почти смирилась с тем, что останется здесь и умрет.

Наконец старая монахиня остановилась у небольшой двери, которая почти сливалась с голой каменной стеной, и, жестом указав на нее, заковыляла прочь, тяжело опираясь на свою изогнутую палку. Глядя ей вслед, Габриэлла снова вздрогнула, как от холода.

Элоиза, коротко стукнув в дверь, отворила ее.

В следующий момент Габриэлла очутилась в небольшой полутемной комнате с узкими стрельчатыми окнами в решетках. Здесь незнакомо и сильно пахло чем-то сладковато-горьким, в огоньках свечей поблескивало еще одно распятие в углу, но на этот раз внимание девочки ненадолго задержалось на нем. Страшнее всего в этой комнате была женщина, которая поднялась им навстречу из-за небольшого, крытого зеленым сукном стола, на котором стоял тройной шандал с одной-единственной толстой свечой.

Эта женщина была высокой и широкой в кости. Как и старуха-привратница, она была вся одета в черное, и только лоб ее пересекала выступающая из-под накидки широкая белая полоска платка. Неподвижное серое лицо казалось высеченным из какого-то твердого камня; это впечатление еще усиливалось благодаря свету, падавшему на него под непривычным углом, отчего тени, протянувшиеся снизу вверх от нижней губы, носа и щек, образовывали как бы второе лицо, состоявшее из темных пятен и полос. Женщина смотрела на Габриэлла и Элоизу сверху вниз, и на одно страшное мгновение девочке показалось, что у монахини вовсе нет рук, но потом она поняла, что они просто скрещены на груди, а кисти спрятаны в широких рукавах монашеского одеяния. С пояса свисали тяжелые деревянные четки, и ничего не указывало на то, что перед ними – сама мать-настоятельница.

Впрочем, в отличие от дочери, Элоиза знала это наверняка. Только в прошлом месяце они дважды встречались и обсуждали, как лучше поступить с Габриэлла. Все было решено, но матушка Григория, по-видимому, не ожидала, что девочка будет так напугана и расстроена. Она полагала, что миссис Харрисон сумеет как-то подготовить свою дочь к предстоящим изменениям в ее жизни.

– Здравствуй, Габриэлла, – величественно произнесла она. – Меня зовут матушка Григория. Твоя мама, наверное, сказала, что тебе придется некоторое время пожить с нами, в нашем монастыре...

На губах настоятельницы не было ни тени улыбки, но глаза ее показались Габриэлле добрыми. И тем не менее она не могла успокоиться так быстро. Поэтому она только отрицательно помотала головой и вновь залилась слезами. Она не хотела здесь оставаться. Ни за что!..

– Ты останешься здесь, пока я буду в Рино, – ровным голосом проговорила Элоиза, и настоятельница с интересом глянула на нее. Ей было совершенно очевидно, что девочка впервые слышит о монастыре и о том, что ей придется прожить здесь сколько-то времени. Кроме того, ей очень не понравилось, как миссис Харрисон обращается с дочерью, но она промолчала.

– Ты... ты надолго уедешь? – Габриэлла подняла глаза на мать и посмотрела на нее со страхом и надеждой. Как бы ни относилась к ней Элоиза, кроме нее, у девочки все равно

никого не было. «Быть может, – пронеслось в ее голове, – это такое новое наказание за то, что я не любила маму и не слушалась ее?» Может быть, Элоиза давно догадалась, что по временам дочь просто *ненавидит* ее, и привезла Габриэллу в монастырь, чтобы здесь ее наказали за скверные мысли?

– Я пробуду в Рино полтора месяца, – ответила Элоиза, даже не подумав как-то утешить дочь. Она даже отступила от нее на полшага, когда Габриэлла попыталась ухватиться за ее юбку. Настоятельница внимательно наблюдала за обеими.

– А в школу? Как же я буду ходить в школу? – воскликнула Габриэлла, цепляясь за эту идею как за свое единственное спасение.

– Ты будешь учиться у нас, – вступила матушка Григория, но это нисколько не утешило Габриэллу. Ей было страшно как никогда в жизни. Пусть лучше мама бьет ее каждый день. Все лучше, чем оставаться в этом страшном доме, где живут страшные старухи, где все ходят в черном, где вокруг одни глухие толстые стены и на каждом шагу висят большие, страшные распятия. Будь у нее выбор, и она бы с радостью отправилась с мамой домой, пусть даже там ее ждала самая жестокая порка, но никакого выбора у нее не было. Элоиза решила, что Габриэлла должна остаться здесь. Значит, так и будет.

– У нас уже есть две девочки-пансионерки, – объяснила мать-настоятельница. – Правда, одной из них уже четырнадцать, а другой – почти семнадцать, но, я думаю, ты с ними подружишься. Сначала они тоже плакали, но потом им у нас понравилось.

Она не упомянула о том, что девочки были сиротами. Их родители погибли. Девочки приходились двоюродными сестрами одной из послушниц ордена, и по ее ходатайству матушка Григория согласилась приютить обеих в монастыре, пока не будет найден какой-либо выход. Что касалось Габриэллы, то, как считала настоятельница, пребывание в обители было для нее временной мерой. Два, в крайнем случае – три месяца, как сказала ее мать. Потом девочка вернется домой.

Настоятельница ждала, что миссис Харрисон объяснит это дочери хотя бы сейчас, но Элоиза молчала, и матушка Григория вновь подивилась странной напряженности, которая существовала между матерью и дочерью. Она буквально бросалась в глаза, но ее природу настоятельница понять не могла. У нее сложилось впечатление, что девочка смертельно боится матери. Она отбрасывала такое объяснение как невероятное, хотя оно настойчиво возвращалось снова и снова. Возможно, решила наконец настоятельница, все дело в семейных сложностях. Она знала, что полтора года назад отец девочки оставил семью и в ближайшее время собирался жениться во второй раз. Элоиза ехала в Рино, где должен был состояться бракоразводный процесс. Настоятельница, разумеется, этого не одобряла, однако она была далека от того, чтобы читать проповеди миссис Харрисон. В данном случае ее заботила только Габриэлла, которой предстояло прожить в сестричестве до тех пор, пока ее мать не вернется в Нью-Йорк.

Габриэлла продолжала громко всхлипывать, Элоиза бросила нетерпеливый взгляд на часы. Брови ее подскочили чуть не до самой прически.

– Мне пора идти, – поспешно объявила она. – Иначе я опоздаю к поезду.

Но не успела она сдвинуться с места, как маленькая ручка метнулась к ней и вцепилась в ее юбку.

– Мамочка, миленькая, пожалуйста!.. Не бросай меня! Я буду хорошо себя вести, клянусь! Пожалуйста, позволь мне поехать с тобой!..

– Не говори глупости! – сердито отрезала Элоиза и, борясь с отвращением, принялась отрывать от юбки тонкие пальчики дочери. Никогда прежде Габриэлла не позволяла себе хвататься за нее, и Элоиза была вне себя от гнева и презрения.

– Рино – не самое подходящее место для маленьких девочек, – вмешалась матушка Григория и, бросив на Элоизу короткий, неодобрительный взгляд, добавила: – Впрочем, как и для взрослых.

Она не знала, что Джон Уотерфорд уже зарезервировал для Элоизы номер в одном из самых роскошных ранчо-пансионатов² в окрестностях Рино. Они собирались прожить там вдвоем все полтора месяца, а может быть, и больше. Джон хотел научить Элоизу ездить верхом по-техасски.

– Твоя мама скоро вернется, Габриэлла, – добавила мать-настоятельница гораздо более мягким голосом. – Вот увидишь – ты и не заметишь, как пролетит время...

Но все было бесполезно. Матушка Григория видела, что девочка охвачена паникой и что Элоизе на это ровным счетом наплевать. Она, похоже, даже не замечала состояния дочери.

В этой ситуации настоятельница приняла единственно верное решение. Выйдя из-за стола, она чуть заметно кивнула Элоизе в знак того, что та может идти, а сама шагнула к Габриэлле.

– Веди себя хорошо, слышишь? – сказала Элоиза дочери, подтягивая перчатки и поправляя на плече сумочку. На губах ее появилась легкая улыбка – наконец она избавилась от этой вечной обузы. Выражение глубокого горя на лице дочери нисколько ее не тронуло – Элоиза откровенно радовалась близкой свободе.

– И не вздумай шалить, – добавила она строго. – Если я только узнаю, что ты не слушалась...

Они обе знали, что это значит в устах Элоизы, но Габриэлле было уже все равно. Обхватив Элоизу обеими руками за талию, она зарыдала громко и безутешно, оплакивая и потерянного отца, и мать, которой у нее никогда не было. Одиночество, отчаяние, страх – такие безысходные, что их нельзя было описать словами, – все было в этом протяжном и тоскливом рыдании, способном заставить обливаться кровью даже каменное сердце. Но для Элоизы это по-прежнему ничего не значило, потому что у нее вовсе не было сердца. Во всяком случае, так подумала мать-настоятельница, наклоняясь к девочке и заглядывая в ее бездонные голубые глаза.

Она выждала еще немного, думая, что Элоиза хотя бы поцелует дочь на прощание, но та почти толкнула девочку в объятия настоятельницы.

– До свидания, Габриэлла, – сказала она холодно и... отвернулась, встретившись со взглядом все понимающих глаз дочери. Именно в этот момент Габриэлла поняла, что это такое, когда тебя бросают, и как это больно, когда тебя бросают... Больнее всего на свете.

Неожиданно она замолчала и стояла очень тихо и прямо, хотя рыдания продолжали сжимать ей горло. Элоиза быстренько выскользнула за дверь.

Простучали по коридору каблуки ее туфель, и на несколько секунд воцарилась тишина. Тишина и одиночество окружали Габриэлла со всех сторон. Она медленно начала погружаться в них, как в бездонную пучину, но тут ее взгляд остановился на лице настоятельницы. Глаза мудрой женщины были словно два маяка во мраке, словно два светоча жизни, словно две руки, протянутых утопающему. И тут что-то произошло. Словно не взгляды, а души встретились в этот момент – встретились, разглядели и потянулись друг к другу.

В следующую секунду матушка Григория шагнула к судорожно всхлипывающей девочке и, не говоря ни слова, прижала ее к себе.

---

² *Ранчо-пансионат* – ранчо, превращенное в место отдыха в отпускной период. Одно из главных развлечений – верховая езда, а также вечера у костра и жарение мяса на открытом воздухе. На многих ранчо имеются также открытые плавательные бассейны и теннисные корты.

После недолгого колебания Габриэлла тоже обхватила ее обеими руками. Она поняла или, вернее, почувствовала желание и способность старой настоятельницы защитить ее от этого жестокого мира, который нанес ей глубокую, почти неисцелимую рану. В этих объятиях были сила, нежность и любовь. Габриэлла знала, что отныне может на них твердо рассчитывать. Девочка уткнулась лицом в грубую черную ткань накидки и снова заплакала. И эти очищающие слезы вымыли из ее души боль, страх, отчаяние и горечь невосполнимых потерь, которыми была полна маленькая жизнь Габриэллы. Здесь она была в безопасности – она твердо знала это и продолжала рыдать, но уже от счастья и чувства невероятного облегчения.

Глава 6

Первая трапеза Габриэллы в монастыре Святого Матфея оставила у нее двойственное впечатление. Все ей здесь было внове, все вызывало удивление и даже беспокойство, порожденное боязнью совершить какой-нибудь непростительный промах, однако, несмотря на это, Габриэлла чувствовала себя очень уютно и не испытывала привычного гнетущего страха.

Перед трапезой все сестры в течение часа молились в монастырской церкви вместе с матушкой Григорией, и девочка была поражена их суровой сосредоточенностью и тишиной, в которой они внимали латинским молитвам. Но в трапезной те же самые сестры, которые казались ей совершенно одинаковыми, безликими и молчаливыми, почти мрачными, совершенно преобразились. По случаю воскресенья сестрам разрешалось разговаривать во время еды, и огромная трапезная, в которую робко вошла Габриэлла, оказалась полна весело щебечущими, улыбающимися, счастливыми женщинами.

В монастыре жили около двухсот монахинь и послушниц, причем большинство из них были не старше двадцати – двадцати пяти лет. Пожилых – ровесниц матушки Григории, было всего около полутора десятков, а совсем старых – и того меньше. Монахини преподавали в ближайшей школе или работали сиделками в одной из больниц. Разговоры за столом в основном вертелись вокруг медицины и смешных случаев на уроках, однако многие говорили и о политике или о простых домашних делах – начиная с того, как лучше приготовить тушеную морковь с чесноком и соей, и заканчивая кружевоплетением и шитьем.

Появление Габриэллы не осталось незамеченным, но внимание, проявленное к ней обитательницами монастыря, не было тягостным. К концу трапезы почти каждая из монахинь обменялась с ней шуткой, парой слов или просто улыбкой или приветливым взглядом. Даже самая старая сестра Мария Маргарита – та самая привратница, которую Габриэлла сначала приняла за ведьму, – подошла к ней, чтобы погладить по голове. Вскоре Габриэлла узнала, что, несмотря на устрашающую внешность, все в монастыре очень любили старую и мудрую тетюшку Марию. В молодости, еще совсем юной девушкой, сестра Мария миссионерствовала в Африке и даже была ранена туземцами во время какого-то конфликта между племенами. В монастыре Святого Матфея она жила вот уже больше сорока лет и была высшим авторитетом в вопросах веры, благо Священное Писание знала назубок. В этом с ней не могла сравниться даже матушка Григория, на плечах которой лежали в основном хозяйственные и организационные заботы.

Но все это стало известно Габриэлле гораздо позже; сейчас же она только удивлялась – удивлялась всему, что видела вокруг. Она, которая всю жизнь была одинока как перст, вдруг оказалась в настоящей семье, состоящей из двух сотен женщин, каждая из которых относилась к девочке тепло и дружелюбно, как к младшей сестре. Это было так непривычно, что Габриэлла даже растерялась. Она не заметила ни одного злого или, по крайней мере, недовольного лица, и это тоже было неожиданно и странно. «Не могут же они все быть совершенно счастливыми. Так не бывает!» – подумала она и на всякий случай придвинулась поближе к матушке Григории, в которой по-прежнему чувствовала свою главную защитницу. После десяти лет жизни с Элоизой, больше всего напоминавшей хождение вслепую по минному полю, ей трудно было принять хорошее отношение как должное. Все ей казалось чуть ли не сном. И все же, с благодарностью кивая в ответ на добрые слова или называя свое имя, когда кто-то из сестер подходил познакомиться, Габриэлла уже чувствовала, что ей здесь будет хорошо. Одни имена монахинь – сестра Элизабет, сестра Аве Регина, сестра Иоанна, сестра София, сестра Юфимия, сестра Энди, сестра Жозефа – звучали для нее как райская музыка.

– Добро пожаловать к нам, Габи, – сказала ей сестра Лиззи – молодая красивая женщина со светлой гладкой кожей и большими зелеными, смеющимися глазами. – Ты еще слишком молода, чтобы быть монахиней, но Богу может потребоваться и твоя помощь.

А Габриэлла так растерялась, что не сразу нашла что ответить. Ее еще никто никогда не называл «Габи», никто не смотрел на нее так ласково и весело, как мог смотреть только ангел небесный. Габриэлле ужасно захотелось дружить с Лиззи, разговаривать, выполнять для нее мелкие поручения, лишь бы всегда быть рядом.

А Лиззи – без всяких вопросов со стороны девочки – рассказала ей, что она пока только готовится к первому постригу и что желание служить Богу возникло у нее давно. В тринадцать лет она заболела корью, и ей было явление Девы Марии. И больше Лиззи уже не сомневалась, какой путь ей предуготован.

– Тебе, быть может, это покажется странным, – закончила она свой рассказ, – но на самом деле подобные вещи случаются чаще, чем принято считать.

Теперь Лиззи было двадцать лет, и она работала сиделкой в детском отделении муниципальной больницы. Должно быть, именно поэтому ее сразу потянуло к бледной, напуганной девочке с большими голубыми глазами. Она сразу почувствовала, что за этой скованностью, за этим не по возрасту печальным взглядом скрывается какая-то трагедия, которой девочка, возможно, так никогда и не решится с ними поделиться.

Поболтать с Лиззи было очень приятно, и все же самым значительным за сегодняшний день – да и во всей своей жизни – событием Габриэлла продолжала считать утреннюю беседу с настоятельницей. Собственно говоря, разговора как такового не было. У Габриэллы просто не было слов, чтобы выразить все, что происходило у нее в душе. Девочка почувствовала, что в лице матушки Григории она нашла настоящую мать, мать, которой у нее никогда не было. И это ощущение было самым прекрасным в мире. Теперь Габриэлла понимала, почему другие обитательницы монастыря выглядят такими веселыми и счастливыми, и у нее не было иного желания, кроме как стать одной из них хотя бы на время.

Мать-настоятельница со своей стороны ненавязчиво, но внимательно наблюдала за девочкой, исподволь помогая и поддерживая ее, когда ей казалось, что Габриэлла может не справиться сама. Девочка казалась ей очень застенчивой, хрупкой, ранимой, но вместе с тем в ней была какая-то непонятная тихая сила. Ее душа, казалось, способна была вместить гораздо больше, чем душа десятилетнего ребенка, но она была глубоко ранена – отсюда смущение, неуверенность, страх, закрытость и крайняя осторожность в общении с незнакомыми людьми. Матушка Григория пока ни о чем не расспрашивала девочку, однако догадывалась, в чем тут дело, – ведь она видела мать Габриэллы. Настоятельница не знала подробностей, но была совершенно уверена: эта девочка прошла через настоящий ад и благодаря неисповедимой милости Господа сумела не сломаться, уцелеть и при этом не ожесточиться.

Да, с Габриэлкой все было в порядке, но матушке Григории было пока не ясно, сумеет ли девочка оправиться настолько, чтобы начать делиться сокровищами своей души с другими. В монастыре было несколько монахинь и послушниц, которые поступили сюда в столь же плачевном состоянии, что и Габриэлла. Настоятельница хорошо помнила, как трудно было с ними в первое время. Они формально относились к своим обязанностям по монастырю, а все свободное время посвящали одиноким слезам или молитвам. Но со временем они узнали, что общение – спасительно. Сейчас эти молодые женщины были опорой и гордостью матери-настоятельницы. Трое из них не покладая рук трудились в госпитале при доме престарелых, день и ночь ухаживая за безнадежными больными. Одна, выучившись на врача, уехала с миссией в Юго-Восточную Азию, чтобы нести людям не только свет веры, но и подлинное христианское милосердие.

Станет ли Габриэлла такой? Матушка Григория почти не сомневалась, что станет, хотя через полтора месяца ей предстояло вернуться в семью. Но в ней были сила и целостность

натуры, которые – с божьей помощью – могли помочь ей преодолеть себя и в конце концов стать нормальным человеком. Собственно говоря, несмотря на свой возраст, личностью Габриэлла уже была.

После трапезы Габриэлла познакомилась и с двумя монастырскими пансионерками. Это были те самые девочки-сироты, о которых она слышала утром. Младшей – ее звали Натали – было четырнадцать лет. По характеру она была живой, непоседливой, общительной и очень скучала здесь. Строгие монастырские порядки были ей в тягость – Натали мечтала о нарядах, поклонниках и была без ума от какого-то молодого певца, которого звали Элвис.

Ее старшей сестре Джулии недавно исполнилось семнадцать. В отличие от Натали она была тихой, отчаянно застенчивой девушкой и вовсе не стремилась вернуться в мир. Трагические обстоятельства, из-за которых они с сестрой оказались в монастыре, нанесли ей глубокую рану, от которой она никак не могла оправиться, и спокойная и безопасная обстановка обители Святого Матфея пришлась ей весьма по душе. Джулия очень хотела стать монахиней и уже несколько раз просила матушку Григорию разрешить ей постриг.

Знакомясь с Габриэлла, Джулия так смутилась, что сумела сказать всего несколько приветливых слов, после чего, сославшись на дела, поспешила удалиться. Зато Натали обладала поистине неисчислимым запасом смешных секретов, страшных тайн, сплетен и шуток. Правда, Габриэлла была еще недостаточно взрослой, чтобы все они были ей интересны, однако она старалась слушать внимательно, чтобы не разочаровать новую знакомую.

К сожалению, ей это не вполне удалось. После разговора с Габриэлла Натали столкнулась в коридоре с сестрой Лиззи и, не удержавшись, шепнула ей, что «эта девочка – еще совсем ребенок». Впрочем, учитывая, что Габриэлле предстояло жить в одной комнате с сестрами, Натали тут же пообещала, что они будут добры к ней. В конце концов, Габриэлла попала в монастырь всего на несколько недель, и все были уверены, что она будет отчаянно тосковать по дому.

Но в первую свою ночь в монастыре Габриэлла думала вовсе не о доме, не о матери и даже не об отце. Она думала о женщине, утешавшей ее сегодня утром. Габриэлла хорошо помнила сильные руки, которые крепко обнимали ее и дарили незабываемое ощущение безопасности и любви. Все беды, страхи и напасти, от которых она страдала на протяжении всей сознательной жизни, разом отступили, испугавшись этих теплых и сильных рук. Габриэлла думала, что еще никогда она не встречала никого, кто хотя бы отдаленно был похож на мать-настоятельница. С ней Габриэлле было очень легко и спокойно, и на мгновение она даже задумалась о том, чтобы стать монахиней.

Впрочем, Габриэлла отлично понимала, что все это – пустые мечты. «Та мама» никогда бы ей этого не позволила.

Комнатка, в которой она теперь жила вместе с Джулией и Натали, была маленькой и голой, с крошечным решетчатым окошком, выходившим в монастырский сад. Лежа на своей железной кровати, Габриэлла видела в окошке луну, которая медленно плыла над верхушками деревьев. Глядя на нее, девочка спрашивала себя, где сейчас может быть Элоиза. Габриэлла твердо знала, что, пока мать не вернется, она может считать себя в полной безопасности.

Габриэлла пока еще плохо представляла себе монастырский распорядок и правила, которым должны были подчиняться и монахини, и послушницы, однако она была совершенно уверена, что здесь ей нечего бояться. Никто не будет ее бить, никто не будет с криком врываться к ней спальню посреди ночи, никто не будет обвинять ее во множестве промахов и проступков, никто не будет ненавидеть ее только за то, что она появилась на свет...

Наконец она заснула с мыслями о монахинях, которые дружелюбной толпой обступили ее в трапезной, о непоседливой и шумной Натали, о сестре Лиззи, о старенькой привратнице Марии Маргарите с беззубой, но удивительно доброй улыбкой. Но, самое главное, с ней

теперь навсегда была высокая и сильная женщина с мудрыми глазами и ласковым лицом, которая, ни слова не говоря, просто распахнула перед ней свое сердце. И Габриэлле – этой птичке с перебитым крылом – оказалось в нем тепло и уютно, словно в родном гнезде.

По привычке свернувшись под одеялом в ногах своей новой кровати с лязгающей панцирной сеткой, Габриэлла почувствовала, как раны в ее собственной душе начинают потихоньку затягиваться.

На следующий день Габриэлле разбудили в четыре утра. Таков был монастырский распорядок, и для нее никто не собирался делать исключения. Вместе с монахинями Габриэлла отправилась в монастырскую церковь и молилась там на протяжении двух часов. Когда взошло солнце, все сестры дружно запели, и Габриэлла подумала, что ничего более прекрасного и возвышенного она в жизни не слышала. Согласно хор множества голосов прославлял Бога Всемогущего – того самого Бога, которому Габриэлла так горячо молилась на протяжении нескольких лет и в существовании которого она уже начинала серьезно сомневаться. Но, услышав торжественное церковное пение, в котором сливались воедино вера и любовь, она сердцем поняла, что такую молитву Господь просто не может не услышать и не принять. Любовь Бога низливалась на них с Небес. Когда утренняя служба закончилась, Габриэлла почувствовала себя окрыленной и успокоенной.

Из церкви все отправились в столовую. За завтраком разговаривать не полагалось: сестра Лиззи успела шепнуть девочке, что по монастырскому уставу за утренней трапезой все должны предаваться размышлениям о том, что хорошего они сделают сегодня во имя Божье. Габриэлла только кивнула в ответ – она уже начинала кое-что понимать. Сестры должны были нести людям утешение, веру и любовь, что требовало от них особой сосредоточенности и отречения от всего мирского.

После завтрака, действительно прошедшего в полном молчании, монахини разошлись по своим комнатам, чтобы прочесть коротенькую благодарственную молитву и отправиться на работы. Габриэлла тоже вернулась к себе. Она уже знала, что будет учиться вместе с Натали и Джулией. Преподавать им разные предметы будут две старые монахини, которые когда-то были школьными учительницами. В монастыре для этого существовала небольшая классная комната с настоящей черной доской и чуланом, в котором хранились карты и самые разные наглядные пособия.

Занятия начались в восемь часов. С восьми и до полудня девочки писали, читали, решали математические задачки, занимались латынью и прослушали лекцию по Священному Писанию. После обеда Габриэлла и Натали снова вернулись в класс, чтобы выполнить «домашнее задание». На это ушло еще два часа. В конце концов старая монахиня, благословив, отпустила их, и Натали повела Габриэлла в сад. Там она вручила ей небольшую тяпку и показала, как правильно рыхлить монастырский огород, засаженный всякой зеленью.

Габриэлла проработала до самого вечера и очень устала, но это была приятная усталость. Правда, ее огорчало, что с самого утра она не видела матушку Григорию. Они встретились только за ужином. У девочки от радости засветились глаза, но сказать она ничего не посмела – за ужином также разговаривать не разрешалось.

Но когда трапеза закончилась, матушка Григория сама подошла к Габриэлле и, ласково улыбнувшись, поинтересовалась, как прошел ее первый день в монастыре.

– Тебе понравилась наша школа? – спросила она, и Габриэлла кивнула. Учиться в монастыре было гораздо труднее, чем в обычной школе, поскольку здесь не было перемен. Находиться один на один сразу с двумя преподавательницами было непривычно, однако ей это даже нравилось. Что касалось работы в огороде, от которой у нее уже начинали ныть все мускулы, то Габриэлла была рада, что живет здесь не на хлебнице и тоже может внести свой маленький вклад в общее дело. В монастыре ей с каждой минутой нравилось все больше и больше. У каждого здесь были свои обязанности, своя цель, и каждый трудился не покладая

рук. Кроме того, под защитой монастырских стен было как-то очень спокойно и благостно. Обительницы монастыря просто жили, а не боролись за существование. Но больше всего Габриэлле поразило то, что все, с кем бы она ни сталкивалась, стремились что-то ей дать, а не отнять. Это казалось тем более странным, что большинство сестер пришли в монастырь не просто так, а имея для этого вескую причину. У многих из них души были опалены жестоким миром. Но здесь им ежедневно приходилось отдавать другим то тепло, которое у них еще оставалось. И это непонятным образом не опустошало их до дна, а наоборот – наполняло их души подлинными сокровищами. Габриэлла – Габи, как ее теперь называли почти все сестры – была почти уверена, что она сможет, непременно сможет стать такой же, как монахини.

Конечно, привыкнуть к подобному образу жизни за один день было трудно – уж очень сильно он отличался от всего, что Габриэлла знала раньше. Однако ей очень нравилась ее новая жизнь. Обительницы монастыря – и в особенности сама мать-настоятельница – казались полной противоположностью ее матери. В них не было ни эгоизма, ни жестокости, ни равнодушия, ни гнева. Их жизни были полны любви, гармонии, смирения и стремления служить другим. И этого, похоже, было вполне достаточно, чтобы каждая из них чувствовала себя счастливой.

Впервые в жизни счастливой себя чувствовала и Габриэлла.

Вечером в обитель приехали двое священников, в обязанности которых входило исповедовать сестер и отпускать им грехи. Монашенки и послушницы выстроились в очередь в монастырской церкви. Сестра Лиззи предложила Габриэлле пойти с ней.

Габриэлле уже давно исполнилось десять, и для исповеди не существовало никаких формальных препятствий. Больше того, раз уж она попала в монастырь, значит, она должна была исповедоваться и ходить к причастию. Поэтому Габриэлла тут же согласилась и, пройдя в монастырскую церковь, встала в самый конец очереди.

Очередь шла быстро. Исповедь каждой сестры занимала совсем немного времени, что ничуть не удивило Габриэлле, в глазах которой они были несомненно безгрешны. Зато после исповеди каждая из них долго молилась тому или иному святому, исполняя правило, наложенное духовником в качестве наказания за греховные помышления или поступки.

Наконец настал черед Габриэллы. Ее исповедь тоже была достаточно короткой, но священнику она показалась заслуживающей особого внимания. Габриэлла приблизила лицо к решетке исповедальни и прошептала:

– Я ненавижу свою мать, святой отец. Это и есть мой самый главный грех.

– Почему, дитя мое? – ласково спросил ее священник. Он был старым и добрым человеком, который очень любил детей. От матушки Григории он узнал, что в монастыре появилась новая девочка, и, услышав детский голосок Габриэллы, сразу понял, с кем имеет дело. – Почему ты ненавидишь свою маму? – повторил свой вопрос отец О’Брайан. Он был рукоположен в сан больше сорока лет назад, но не мог припомнить, чтобы за это время ему приходилось выслушивать подобное признание от десятилетнего ребенка.

Последовала долгая пауза.

– Потому что мама ненавидит меня.

Голосок Габриэллы был совсем тихим и срывался, но в нем звучала такая уверенность, что старый священник невольно вздрогнул.

– Мать не может ненавидеть свое дитя, – промолвил он наконец. – Бог никогда бы этого не допустил.

Но у Габриэллы на этот счет было другое мнение. Она знала, что Бог допустил, чтобы с ней случилось много стыдных и гадких вещей, которые он никогда не насылал на других. Почему – это было другое дело. Быть может, она была такой плохой, что истощила даже его

долготерпение, а возможно, Бог тоже ненавидел ее, хотя здесь, в монастыре, верить в это было труднее.

– Я знаю, что мама ненавидит меня. Она сама мне сказала.

Священник еще раз повторил, что этого не может быть, и Габриэлла перешла к другим своим грехам. По окончании исповеди ей было велено десять раз прочитать «Славу Деве Марии», с любовью думая о маме. И Габриэлла не стала спорить. Она только еще больше утвердилась во мнении, что она – страшная грешница, раз даже священник не понял ее. И, главное, ничего с этим поделать Габриэлла не могла. Это было выше ее сил.

Подойдя к статуе Девы Марии, стоявшей тут же в церкви, она десять раз прочла молитву и тихо удалилась к себе в комнату. Там она застала Натали, которая сидела на кровати и читала неведомо как попавший к ней в руки яркий журнал. Журнал был, разумеется, про Элвиса. Джулия, также вернувшаяся с исповеди, сурово обличала сестру и грозилась пожаловаться сестре Тимоти.

Габриэлла не стала прислушиваться к их перепалке. Присев на краешек своей кровати, она снова стала думать о том, что сказал ей священник. Больше всего Габриэлла боялась, что из-за своей ненависти к матери она попадет в ад. Девочке и в голову не пришло, что она десять лет прожила в самом настоящем аду, и что только теперь ей удалось вырваться из него. Больше того, если бы кто-нибудь узнал, как она существовала прежде, место в раю было бы ей обеспечено.

Ночью Габриэлла снова спала в ногах своей кровати. На следующий день, когда она одевалась, чтобы идти на утреннюю молитву, Натали принялась беззлобно поддразнивать ее. Привычка Габриэллы спать, свернувшись клубочком под одеялом, казалась ей очень смешной.

– Я проснулась ночью, чтобы пойти пи-пи, – заявила она, – и очень-очень удивилась, когда увидела, что тебя нет в кровати. Я думала, ты – лунатик.

Она, конечно, не могла знать, откуда у Габриэллы такая привычка, а та, в свою очередь, не решалась рассказать, что так она пряталась от матери. Это ни разу не спасло Габриэлла, и все-таки в этом положении ей было не так страшно спать.

После утренней молитвы снова была школа, обед и работа в саду, и постепенно Габриэлла привыкла к этому распорядку. Он ничуть не был ей в тягость. Она с удовольствием училась, охотно работала, разучивала с послушницами церковные гимны и литании, изучала Священное Писание и устав монастыря и послушно опускалась на колени там, где ее заставлял перезвон монастырских колоколов. К середине мая Габриэлла уже знала всех сестер по именам и весело болтала с ними о самых разных вещах, когда представлялась такая возможность.

И все же мать-настоятельница была ей ближе всех. С ней даже не надо ни о чем говорить, достаточно просто сидеть рядом, встречать ее взгляд, ощущать и разумом, и душой ее надежное и успокаивающее присутствие.

Наступил июль, и матушка Григория неожиданно вызвала Габриэлла к себе, туда, где состоялось их первое знакомство. Странно было снова оказаться в аскетичной и чуточку мрачной обстановке этой комнаты, которая будила в памяти Габриэллы самые разные воспоминания. Казалось, прошло целых сто лет с тех пор, как она, полная самых мрачных предчувствий, приехала сюда с матерью.

На самом же деле это случилось всего несколько недель назад. За это время Габриэлла не получила от матери ни одной весточки. Элоиза как в воду канула, но Габриэлла твердо помнила: ее мать всегда исполняла свои обещания. Значит, ровно через полтора месяца Элоиза должна вернуться за ней.

И тогда...

О том, что будет тогда, она старалась не думать. Ей хотелось надеяться на лучшее, но здравый смысл подсказывал, что ничего хорошего ждать не приходится. И Габриэлла само-забвенно училась, работала в саду и молилась, стараясь отогнать от себя дурные предчувствия.

Когда сестра Мария Маргарита пришла за ней в классную комнату и довольно-таки официальным тоном объявила, что сестра Григория велит ей сейчас же прийти, Габриэлла даже испугалась, решив, что она что-нибудь натворила.

Войдя в кабинет матушки Григории, девочка в смущении и нерешительности остановилась на пороге. Она почти всерьез ожидала, что сейчас ее станут бранить, хотя единственный грех, который она за собой помнила, это то, что во время прополки она по ошибке вырвала из земли съедобный корнеплод, перепутав его с сорняком.

– Тебе нравится у нас, дитя мое? – спросила матушка Григория, приветливо улыбаясь девочке и в то же самое время внимательно ее рассматривая. Выражение глаз Габриэллы – Габи – было уже не таким печальным, как прежде, да и держалась она намного свободнее. Но настоятельница чувствовала, девочка по-прежнему продолжала удерживать незаметную, но тем не менее вполне определенную дистанцию между собой и теми, кто, по ее мнению, мог ее обидеть. К тому же матушка Григория заметила, что Габриэлла слишком часто ходит на исповедь. Что такого могло случиться с этой десятилетней крошкой, что она никак не решается поделиться своей тайной?

– Да, матушка Григория, – просто ответила Габриэлла, но глаза выдавали ее беспокойство. – А что? – тотчас же выпалила она, очевидно, не в силах сдержать тревогу. – Я... я сделала что-то не так?

В своем желании поскорее узнать, что она совершила и какое ее ждет наказание, Габриэлла даже подалась вперед. Она готова была на что угодно, лишь бы покончить с неизвестностью.

– Не бойся, Габриэлла, ты ничего плохого не сделала, – поспешила успокоить ее настоятельница. – Почему ты так тревожишься?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.